

бывшим жителям Нью-Йорка Мишка, загородив дорогу велосипедом, читал наизусть сонеты Шекспира. Вежливые "американцы" учтиво молчали, но через десять-пятнадцать минут их вежливости приходил конец. Мишка не обижался, а только звонил вдогонку одним из многочисленных звонков, закрепленных на никелированных рогах руля.

В субботу и праздники Мишка объезжал Реховот и, осторожно позванивая в самый деликатный из звоночков, вполголоса кричал:

– Реховот, просыпайся! Спящие, просыпайтесь! Бредущие во тьме – открывайте глаза!

Проезжая мимо, он заговорщицки подмигивал, и Гене на мгновение начинало казаться, будто Мишка ведет какую-то непонятную игру, а велосипед его, увешанный кучей безделушек и детских башмачков, не более чем замысловатый маскарад.

Иногда, наслаждаясь неожиданными последствиями очередной шлоды, Гена представлял себя кем-то вроде библейского пророка. Он и Мишка, подобно Ирмиягу, не давали заснуть жиреющему Реховоту.

От пентхауза до парка выходило минут десять спокойной ходьбы, до кладбища – еще двадцать-двадцать пять. После ссоры с сыном Гена пролетел эту дорогу минут за двенадцать, сопя и отфыркиваясь. Ждать лифта не хватило терпения, ступеньки сами бросились под ноги, выбивая о подошвы сандалий бравурную чечетку.

Ворвавшись домой, Гена заперся в своей комнате, вырвал из школьной тетради несколько листов и, еще раз проверив, хорошо ли заперта дверь, погрузился в творчество. Шариковая ручка заскользила по бумаге, процесс пошел, и результаты его, судя по вдохновенному лицу героя, должны были оказаться весьма многообещающими.

Писал Гена по-английски: язык он освоил вполне прилично благодаря образовательному каналу Би-би-си.. Кроме новостей, это был единственный достойный внимания телевизионный канал. Не все, конечно, мало ли какую муру пытаются впихнуть доверчивому зрителю ушлые телевизионщики в погоне за рекламными заставками. Любил и уважал Гена только исторические фильмы и передачи про животных.

Ветхий и Новый Завет, война Алой и Белой розы, забавные приключения мушкетеров, взятие крестоносцами Константинополя приклеивали Гену к стулу, успешно конкурируя с соблазнами улицы.

Особенно нравились ему картины из жизни акул. Он мог часами наблюдать за бесшумным полетом изящно очерченных белоголубых тел, острым промельком хвостов, блеском глаз в раскосях щелях кожи. О часах, понятное дело, речь не шла, время, отпущенное на акул, было куда более скромным, но Гена записывал любимиц на видео и крутил по кругу, холодея от восторга.

Впрочем, и насекомых Гена тоже любил. Сюжеты из жизни скорпионов, мохнатые пауки с янтарными брюшками, осы и пчелы, парящие, словно ангелы смерти или бессмертия, над беспечно цветущими цветками стояли, аккуратно пронумерованные на стеллаже, дожидаясь свободной минуты и приятного расположения духа. Фильмы были американские, и волей-неволей язык, на котором не умолкая трещали ведущие, мешая наслаждаться безмолвным величием животного мира, потихоньку проник, впитался и, переплетаясь со школьным английским, дал вполне приличные всходы.

В словарь Гена не заглядывал, полностью полагаясь на интуицию и щедро рассыпал определенные артикли во всех подходящих местах. Мест хватало, но пасты в шариковой ручке было еще больше, и словарь, несправедливо забытый на полке, от стыда постепенно менял цвет обложки с матово-черного на пунцово-красный.

"Дорогой кардинал, – строчил Гена, одним махом передвигая епископа Парижа на следующую ступень церковной иерархии, – я рассчитываю на Вашу мудрость, но еще больше на отзывчивость еврейского сердца. Я знаю, по рождению Вы, как и я, еврей. У нас есть еще одна общая черта – я, как и Вы, понял и осознал присутствие в мире истинного Спасителя и всей душой хотел бы прильнуть к тому животворящему источнику, из которого Вы столь давно и так успешно черпаете мудрость и вдохновение".

Уф! Гена встал со стула, прошелся по комнате. Горячий воздух за стеклом дрожал, словно уши загнанного зайца. Шкода лежала на столе, трепеща и посверкивая большим и красивым телом.

"Кардинал! – продолжил Гена, мысленно представляя фиолетовую сутану, рубиновый перстень на пальце и конвой гвардейцев в широкополых шляпах с плюмажем. – Ваше высокопреосвященство, я обращаюсь за помощью и поддержкой. Истины и лишь ее одной взыскует моя душа, но силы, которые пока выше меня, цепными псами стоят на страже.

Провидению было угодно привести меня в этот мир с помощью ортодоксального раввина. Я горячо люблю отца и мать, но их слепота и бездушный фанатизм становится все трудней и труд-

ней переносить. Говорить с ними о Спасителе, об истинной вере и смысле жизни не только невозможно, но и просто опасно".

Гена перечитал написанное. Последнее предложение выглядело коряво. Он зачеркнул его и продолжил.

"Говорить с ними о Спасителе не только опасно, но попросту бесполезно. Огоньки ненависти и злобы загораются в их глазах при одном лишь упоминании святого имени. Бесовские огни, словно "рогатый" собственной персоной явился из преисподней. С ужасом гляжу я на любимые лица, и дрожь отчаяния сотрясает мое тело. Как, как спастись самому и как спасти их, ушедших столь далеко по дороге пагубы и мракобесия.

Святой отец! На Вас уповаю, научите, спасите невинные души, бредущие во мраке. Ваш всем сердцем, сын раввина..."

Гена аккуратно вывел имя, фамилию и точный адрес. Получилось красиво, но не до конца. Не хватало самой малости, этакое завершающего подрагивания бандерильи, утопленной до середины в тугой, мускулистый загривок. Он подумал немного и добавил:

"N.B. Положение мое опасно и двусмысленно. Может случиться, что я буду вынужден не отвечать на вопросы Ваших посланцев или даже делать вид, будто не понимаю, о чем идет речь. Заклинаю, будьте терпеливы и настойчивы, не оставляйте попыток, и воздастся вам".

Вот теперь стало хорошо. Гена переписал письмо набело, заклеил конверт и твердым почерком вывел адрес:

"Кардиналу Люстиже, Париж, Франция".

Отправлять письмо из Реховота Гена не решился – мало ли что. Не каждый день все ж таки пишут граждане Израиля по столь экзотичному адресу. Через неделю, оказавшись в Тель-Авиве, Гена зашел на центральный почтамт и сунул конверт в окошечко.

– Заказным или обычным, – не поднимая головы, уточнила девушка в чересчур открытой для такой позы блузке.

– Заказным, – подтвердил Гена, приподнимаясь на цыпочках, в поисках более откровенного угла зрения.

– Шесть девяносто.

Край блузки не сдвинулся ни на йоту. Кожа у девушки потемнела от загара, осиянные золотым пушком бугорки слегка разошлись, как видно приподнятые снизу тугим лифом. Радость была так близка, так доступна, нужно было лишь протянуть руку и вобрать ее в ладонь. Гена вздохнул, вытер о штаны взмокшие пальцы, собрал сдачу и покинул здание почтамта, размышляя о бренности духа и неумной силе плоти.

Глава четвертая,
*повествующая о неизбежности возмездия
и бренности всего сущего*

Кардинал не подвел. Посланцы появились ровно через полторы недели; ознакомившись с текстом, его преосвященство немедленно позвонил в Иерусалим к другому преосвященству, и механизм спасения заблудших еврейских душ, почти заржавевший по причине недостаточного использования, со скрипом и скрежетом принялся набирать обороты. Гена обо всей этой механике знать не знал и ведасть не ведал, внезапно пробудившийся половой инстинкт переключил его внимание на объекты совсем иного вида. Но дело было сделано, процесс, как уже было упомянуто, пошел.

Поначалу сынок никак не мог сообразить, чего от него хотят эти улыбчивые незнакомцы с сильным акцентом. Они поджидали его после иешивы, манили из-за угла, а не получив ответа, прыгали в черный "БМВ" и, обогнав школьный автобус, скромно дожидались в подъезде дома. На третий день любопытство взяло верх, и сынок завернул за угол.

Минут через пятнадцать неторопливой беседы до его неискушенных мозгов наконец дошло, о чем идет речь. Изумление сменилось восторгом – еще бы, о таком он читал только в книгах, детских книжках с рисунками, на которых толстые попы с крестами от горла до колен умыкали сбившихся с верной дороги евреев. Действие в книжках разворачивалось, как правило, в Восточной Европе, лет пятьдесят-сто назад. Но чтобы в Реховоте, посреди белого дня, у входа в иешиву?

Эти миссионеры совсем не походили на книжных – аккуратные, гладкие, в хорошо сидящих джинсах. Правда, было в них что-то подозрительное, какое-то несоответствие выбранному образу среднего израильтянина. Присмотревшись, сынок понял, в чем дело: воротнички роскошных джинсовых рубашек с затейливо вышитой на кармане эмблемой "Levis", несмотря на жару, были плотно застегнуты до самого верха.

Превратно истолковав замешательство сына, посланцы принялись поспешно излагать свой план. Предложения выходили одно заманчивей другого. Предлагались на выбор тайные встречи с наставником, при этом один из посланцев слегка поклонился, как видно, представляясь, или одно-двух-трехдневная – в зависимости от семейных обстоятельств, экскурсия по святым местам Святой земли, разумеется, также с наставником. В качестве

сияющих горизонтов маячила духовная семинария в Париже и самые светлые перспективы, вплоть до рукоположения в сан.

– Там, – наставник многозначительно воздел глаза к небу, – очень заинтересовались вашим письмом. Такое благородство, такая духовная чистота не часто встречаются в наше время.

Он осторожно облизнул верхнюю губу и умильно взглянул на заблудшую овечку.

– Там – это где, – осторожно поинтересовалась овечка, – на небесах, что ли?

– Ну почему на небесах, – снисходительно улыбнулся наставник, – там – это в святейшем престоле, в Ватикане.

– Значит, еще есть время, – сказал сынок. – Ватикан не страшный суд, может обождать.

Он поправил шляпу.

– Скажите, а почему вы обратились именно ко мне?

Посланец понимающе приподнял брови.

– Не будем говорить сразу обо всём. Времени у нас много, обсудим и этот вопрос.

Он дружески прикоснулся к рукаву черного ешиботного пиджака.

– Епископ, или, – он еще раз улыбнулся, – как ты его назвал – кардинал... весьма тронут твоим тактом. Забота о ближнем, в особенности о родителях – центральная тема и у нас, в католичестве.

Школьный автобус выкатил из-за угла, грузно звякнул на борке полосы замедления и укатил, осторожно пофыркивая.

– Давай, подвезем, – предложил наставник, гостеприимно махнув рукой в сторону "БМВ". Второй посланник бросился открывать дверцу, и его суетливая поспешность не понравилась сынку.

– Спасибо за предложение, – сказал он, поворачиваясь спиной к распахнутой двери, – но у меня несколько иные планы на ближайшее будущее. Всего хорошего и привет кардиналу.

Тем, кто думает, будто на том дело и кончилось, рекомендую перечитать протоколы допросов святой инквизиции. Очень любопытные тексты, особенно по части достижения желаемого результата. Посланцы продолжали маячить у иешивы и стеречь у дома, улучая любую возможность подойти и завести разговор. Несколько раз сынок ссылался на срочные дела и назначенные встречи. Посланцы не настаивали, понимающе кивали головами и удалялись, приговаривая:

– Ничего, ничего, в следующий раз, с божьей помощью, в следующий раз.

Но следующий раз так и не наступил. Потеряв бдительность или, может быть, решив изменить правила сложившейся игры, посланцы перешли в наступление, атаковав сына прямо на глазах у одноклассников. Возможно, поначалу их вежливые приветствия и улыбки трудно было квалифицировать как атаку, на нее больше походили расспросы и шуточки со стороны заинтригованных ешиботников. Дело стало принимать неприятный оборот, и сынок рассказал обо всем отцу. Разгневанный раввин поспешил на улицу. Посланцы, на их беду, еще крутились возле дома.

Разговор, надо признаться, получился откровенным и нелцеприятным. Было о чем поговорить и что рассказать, хватило и слов, и предложений, и знаков препинания. Досталось также и междометиям, многие идиомы и простонародные словосочетания раскалились от частого употребления. Посланцы продемонстрировали недюжинное знание иврита, раввин выказал неплохие физические качества, вовсе не обязательные для человека столь интеллигентной профессии. В конце концов стороны пришли к некоему компромиссу, в результате которого посланцы немедленно покинули город Реховот, а раввин не обратился в полицию.

"Если скажут тебе – есть мудрость у народов мира, – верь сказанному!" – утверждает Талмуд. Проанализировав ситуацию, святые отцы пришли к выводу, что пали жертвой недоразумения или, что скорее всего, злобного розыгрыша. После некоторых колебаний руководитель миссии разрешил утечку информации.

Спустя несколько дней в местной газете появились заголовки: "Сын суперортодоксального раввина из Реховота хочет креститься". Несколько заметок, правда, не на первой полосе, уделили столь замечательному событию и центральные газеты. Особо дошная корреспондентка левого журнала прочесала всех раввинов, пересчитала их детей подходящего возраста и с обескураживающей точностью вышла на сына. Давать интервью он отказался наотрез, но сфотографировать его она все же ухитрилась.

О результатах своей шкоды Гена узнал из газет. Все напечатанные материалы он любовно вырезал и уложил в папочку. Газетная буря улеглась через несколько дней, тем более что доказательств, кроме вышеупомянутой утечки, никаких не было. Но еще много лет подряд Гена подкрадывался в ночь Судного дня к дому раввина и приклеивал копию страницы с фотографией сына на двери парадной. Рвать бумагу в Йом-Кипур никто из религиозных обитателей дома не решался, и она трепетала на знойном ветерке до самого захода солнца, напоминая беспомощно

мятущимся душам о глубине и неоднозначности мира. Через несколько дней после Йом-Кипура во всех синагогах Реховота начинали молиться о дожде. И что вы думаете, он, словно того и ждал, сперва робкий, неуверенный дождик, неровно постукивающий по черным шляпам выходящих из синагог прихожан, а потом бурный, нестерпимый дождина, сбивающий листья с деревьев.

17 хешвана, в годовщину начала всемирного потопа, дождь припускал не переставая, затихая только на несколько дней. Холодные ветры гуляли по промытым улицам, подсушивая влажные усы грязи вдоль бордюров давно не чиненных дорог. Тейманская "мафия", оседлавшая реховотский муниципалитет, предпочитала тратить городской бюджет на зарплату. Истошные субботние призывы рыжего Мишки продолжали оставаться гласом вопиющего в пустыне.

Судя по силе дождей, Небеса намеревались смыть Реховот с лица Святой земли, как дурную помеху, нелепое недоразумение, сооруженное отступниками и лицемерами, но в последнюю минуту вспоминал Г-сподь Вседержитель о клятве, данной Ноаху, и перекрывал разверстые хляби. Радуга – знак спасения – повисала над грешным городом, выглядывало солнце, и грязь быстро подсыхала, превращаясь во въедливый желтый песок. По ночам ветер стихал, и насупленные облака беззвучно плакали водяной пылью.

Морось лакировала фюзеляж старого истребителя "Мираж", вознесенного на постамент посреди городского сквера, излюбленного места Гениных моционов. Постаментом служили три подпорки, позволяющие прогуливаться под самолетным брюхом и лицезреть заклепки, лючки, выпущенные навечно шасси и прочие авиационные атрибуты. Подсвеченный прожектором "Мираж" казался совсем новым, готовым сорваться с неудобного ложа и вновь умчаться в глубину ночи.

Изначально самолет установили в самой середине зеленой лужайки. По замыслу художника, сочетание мирной травы и страшной боевой машины должно было пробуждать в юных сердцах посетителей парка вечные мысли о мире. Но художник не учел, что обладатели юных сердец располагают и сноровистыми ногами, обутыми в крепкую обувь. Уже к концу первого сезона траву под памятником вытоптали, а обнажившуюся землю за последующие годы перетерли в мельчайший невесомый песочек.

Водяная пыль всё летела и летела, оседая на песок, так что к утру сухим во всем парке оставался только крохотный клочок под фюзеляжем – отчетливо прорисованный серый крест на фоне влажной зеленой травы.

Эпилог,
наступивший стремительнее, чем ожидалось

– Вот так так! – рассердится возмущенный читатель – И это все? Ради такой малости стоило знакомить меня с героями, описывать местность, обычаи, степень волосатости мужских ляжек и величину женских достоинств? Нет ли здесь нарушения договора, о котором так многословно распространялся сочинитель в начале повествования?

– Или, – многозначительно поднимет брови искушенный читатель, – таланта и терпения автора хватило лишь на то, чтобы расставить фигуры, а на дальнейшее... – тут следуют пожимание плечами, воздевание рук к Небу, и сокрушенное покачивание головой.

Вы думаете, я стану отрицать и доказывать? Вовсе нет. Перечтите внимательно предисловие. Для ленищихся перелистнуть обратно страницы и отыскать нужное место цитирую:

"Если читатель не станет мешать мне развлекаться по собственному вкусу и усмотрению, я, так и быть, согласен взять на себя многотрудные хлопоты по его воспитанию и заполнению пробелов образования".

Ну, что ж, я развлекся: герои повествования двигаются перед моим мысленным взором, картинка ожила, текст отплыл в сторону, и началось кино. Длиться оно может сколько угодно, ведь история героев только начинается: перед ними первая любовь и первые разочарования, армия, учеба, поиски работы, карьера, женитьба, рождение детей, конфликты с родителями жены и собственными родителями, словом – вся жизнь.

– Не густо! – возмутится требовательный читатель. – Неужели эти хлопотные занятия по удовлетворению нужд плоти и приобретению социального статуса сочинитель называет "всей жизнью"?! А где же культурные потребности и духовный поиск, то, что, собственно и выделяет человека из животного мира?

Н-да, читатель всегда прав. Он глядит на страницы книги сверху вниз, и позиция чтения влияет на отношение к автору. Для высокомерных, невнимательных или забывчивых придется снова процитировать предисловие:

"Как автор, я вовсе не намерен утомлять вас рассуждениями о смысле жизни, целях литературы, истории философии, философии истории и прочей высокопарной чепухой".

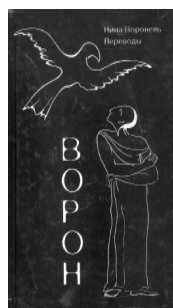
– Блестящая шкода, лежащая на столе! – воскликнет пронзительный читатель. – Да это же сам текст. Сочинитель поступил с

нами, как Гена с наивными сфарадеями. Коварно прервать повествование на самом интересном месте, оставив читателя в состоянии глубокого неудовлетворения, и есть обещанная страшная шкода! Еще один постмодернист на нашу читательскую голову! Но все-таки, где же обещанные хлопоты по заполнению пробелов в образовании?

– Браво! – обрадуется автор. – Наконец задан вопрос по существу!

Многотрудные хлопоты я решил перенести в другой текст. Возможно, через некоторое время у меня появится желание заняться вашим воспитанием. Но не сейчас. Сейчас я намерен закончить повествование, оставив вас наедине с героями. Они существуют в придуманном мною мире, живые и теплые, и если кому-то не придется узнать, что же произошло с ними дальше, пусть берет в руки карандаш и дописывает сам.

Нина Воронель

*Избранные стихи
Избранные поэтические переводы*

*В этой книге собраны ставшие уже
классикой переводы Нины Воронель
из поэзии Оскара Уайльда, Эдгара
По, А.А.Милна, Джона Апдайка,
Франтишека Грубера и др.
Подарочное издание, 200 страниц,
твердая обложка. Цена – 50 шек.
Тел. 050-90-80-348*

"Рассказы о чудесном"

**По мотивам хасидских историй,
собранных раввином Шломо-Йосефом Зевиним.**

Перевод и пересказ Якова Шехтера.

**Первый том пятитомника "Голос в тишине"
можно заказать в издательстве "Книжники":
127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., д. 5а.**

Тел. (495) 792-31-10.

E-mail: lechaim@lechaim.ru, internet: www.lechaim.ru

Ирина Маулер

МУЗЫКА

Когда звучала музыка в саду
Нетерпеливо август тряс осину,
Которая прижалась телом длинным
К скворечнику,
И было все едино,
И только яблоки срывались на ветру.
Носились по двору сухие листья,
Над ними поработал август кистью,
И клавиши в диезах и кудрях,
Завитых Моцартом, Бетховеном и Б-гом,
Ложились укрощенно и полого
Мальчишке-пианисту прямо в ноги,
И стрелки замирали на часах.

* * *

Ты обещаешь мне любовь,
Но слово это мне знакомо —
Оно замком висит законным,
И конный ряд стоит у дома,
И обещает мне покой.

Ты веришь в то, что говоришь,
А я в слова не верю больше,
И что мне делать с этой ношей —
Она на вкус полыни горше
И от нее не убежишь.

Умоюсь чистою водой
И в небо отпущу печали,
Всё, что они ни обещали,
И сяду в твой воздушный шарик –
И пусть летит он над землей.

* * *

Невозможно, протяжно, торжественно
Зеленеет трава на лугу,
И в костеле играет божественно
Бледный Б-г на чужом берегу.
У него голубые ресницы,
Он рисует круги по воде,
И органная музыка Листа
Босиком прямо в душу к тебе.
Лето лечит дождем и березою,
У заката салатовый вкус
И сладчайшею мякотью розовой
Воздух тает во рту, как арбуз.
Лето лечится каплями хвойными,
принимает массажи и ванны,
и по парку гуляет довольное
вместе с местными пани и панями.

* * *

Родина, родинка, родники –
Близкие звуки,
Стая воробушков у руки –
Наша разлука.

Длинная улица, ивы овал –
В зеркале пруда.
Что же ты сразу мне не сказал,
Что будет трудно.

Улица моется с головой,
Тучи над лесом –

Что же мне мается за тобой
Город черешен.

Родина, родинка, родники –
Разные страны.
Не заживает, как ни крути,
Родины ранка.

Ирина Маулер

"ВИШНЕВОЕ ВРЕМЯ"

Сборник стихов, Тель-Авив, 2009

"Читаешь строки Ирины – словно рассматриваешь
удивительные, яркие полотна. Маулер – самобытный,
необычный художник слова, краски у нее обязательно
сливаются со звуками
и возникает тончайшая, проникновенная, поэтическая
цветомузыка..."

Михаил Юдсон

Цена - 50 шек.

Заказы по телефону- 054-672-83-02
или по электронной почте: mauler13@mail.ru

ОТ РЕДАКТОРА

Общепринятая со времен блаженного Августина (V в. н.э., а в еврейском мировоззрении несколькими веками ранее) гипотеза утверждает, что зло и разрушение в мире возникают случайно в ходе рокового столкновения разных человеческих интересов, которые сами по себе направлены на положительные конструктивные цели и просто не учитывают друг друга. Однако современный мир до такой степени перенасыщен конфликтами, что отдельные мотивы уже неразличимы, и зло на наших глазах зачастую выступает как бы бескорыстно, ради себя самого.

В литературной части этого номера собраны художественные выражения разных форм бескорыстного зла, которое не мотивируется никакими видимыми практическими интересами. Великий композитор и выдающийся юдофоб Рихард Вагнер в пьесе Нины Воронель очарован нигилистом-разрушителем, русским аристократом Михаилом Бакуниным и вслед за ним вовлекается в Дрезденское восстание 1848 г. После поражения, несмотря на всю свою романтическую любовь к Бакунину, он, спасаясь от ареста, нехотя предает его в руки полиции. Семь лет страдавший в одиночном каземате Петропавловской крепости Бакунин все же впоследствии возвращается в Европу и разрабатывает тактику анархического террора, которой успешно пользуются террористы всего мира до сего дня...

Безвестный, обозленный своими житейскими неудачами, эмигрант в повести Артура Фредекинда совершает непреднамеренное убийство проститутки с помощью зонтика просто по случайному капризу, поддавшись внезапному приступу раздражения. Раздражение прошло, но герой рассказа с тех пор стал покупать более удобные для такой деликатной цели зонтики.

Нахальный мальчишка в повести Якова Шехтера провоцирует международный христианско-иудейский конфликт из пустого баловства, упиваясь эстетическим совершенством своей гнусной, провокаторской интриги.

Психология современного человека, таким образом, несмотря на идеи Августина и столетия господства христианства в Европе, оказалась вполне способной порождать чистое зло.

В XXI в. возможности отдельного человека неожиданно грандиозно выросли и оказались слишком велики для его все еще ограниченного, едва ли не детского сознания. Идеи, рассматривавшиеся выдающимися мыслителями-гуманистами XIX в. как желательные, в XXI веке начали массово осуществляться политиками-популистами среднего уровня. Как ни странно, два века просвещения в Европе почти не продвинули массовое сознание до уровня разветвленного мышления, оставив его незащищенным от демагогического воздействия. Когда одинокий мыслитель требует чего-то якобы важного "для всех" ("права знать", права решать, равенства прав и т.д.), он, конечно, имеет в виду прежде всего себя и свой уровень осведомленности, а не 7 миллиардов жителей земного шара. Однако мы живем в мире вместе и одновременно с этими миллиардами, и их непредсказуемые порывы (а также ужасающие пустоты в культуре) невозможно игнорировать.

Сто лет назад Маяковский писал: "Единица – вздор, единица – ноль, голос единицы тоньше писка. Кто его услышит? Разве жена – и то, если не на базаре, а близко". Но теперь единица, снабженная интернетом, iPhone-ом, Facebook-ом, караульным и RPG (но не снабженная ни сведениями о принципах, на которых основаны все эти устройства, ни стремлением к общему благополучию), способна произвести "арабскую весну", "захват Уолл-стрита" и "палаточный протест", хотя все еще неспособна к самоорганизации. Молодым темпераментным людям честолюбие подсказывает прежде всего, что "протест – это наиболее высокая и наиболее перспективная самоорганизация человечества" (русский философ-исламист, один из идеологов "евразийского движения" Георгий Гегемаль). Действительно, на протест способны все. И возглавить протестное возмущение способны почти все. Но на реальную работу (даже террор) способны только организации. Возглавлять организации и проявить инициативу способны только редкие, проницательные и дальновидные люди. К сожалению, далеко не всегда благомыслящие. Поэтому всегда демократия во всех странах находилась между Сциллой популистской диктатуры и Харибдой анархии. Анархия побеждает и расчищает дорогу деспотизму. Этот парадокс был хорошо известен еще древним грекам. Манихейская позиция –

представление мира в черно-белых цветах, – будучи совершенно ложной философски, оказывается единственно доступной большим массам и потому всегда политически действенной. Попытки западных правительств вести сбалансированную глобальную политику каждый раз наталкиваются на организованное злоумышленными интересантами сопротивление безответственных толп, не признающих компромисса.

Публицистический отдел выпуска начинается статьей Моше Левина, связывающей бессмертный образ Мефистофеля из "Фауста" Гете с образом Воланда, господствовавшего в полюбившемся читателю спустя сто лет романе Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". Мефистофель в "Фаусте", как и Воланд, добавляет к теме Зла такую ироническую ноту, которая временами делает его неотличимым от Добра, так что человек, уверенный в своем осознанном выборе веры, неожиданно оказывается перед абсурдным результатом. Над этой проблемой неуловимого перетекания добра в зло (и наоборот) мыслящий человек бьется со времен написания библейской Книги Иова. (Ведь и там Сатана приходит к Богу с коварным предложением заключить пари.)

В этом выпуске теме веры посвящены статьи Леонида Пекаровского, Иосифа Букенгольца и Эдуарда Бормашенко, но было бы преувеличением утверждать, что с тех легендарных времен вопрос сильно прояснился. Скорее прояснилось, что этот вопрос для каждого ставится и решается индивидуально.

Более внятно звучит тема выбора судьбы в статьях Михаила Копелиовича о покойной талантливой писательнице-эссеистке Майе Каганской и Микки Вульфа об юристе и поэте-переводчике Соломоне Герцфельде. Оба автора убедительно показывают, что в конечном счете яркий человек сам выбирает свою судьбу.

Кроме проблем экзистенциальных, сопровождающих человечество на протяжении всего его существования, наше время одаило нас еще проблемой специфической, связанной с громадным увеличением технических возможностей отдельного человека, сопровождавшемся взрывом террористической активности во всем мире. Норвежец Брейвик недавно убил 77 норвежских подростков в знак протеста против политики правительства. Оказалось, что его нельзя даже наказывать, потому что у него есть отклонения в психике. Как же без отклонений при населении земного шара 7 миллиардов? Поступок Брейвика утвердил среди прочих прав человека "право на убийство", о чем когда-то пророчески говорила повесть Юлиа Даниэля "День открытых

убийств". Сочетание глобализции с декларируемыми "правами человека" ставит нас перед моральным тупиком, который не возник бы в старых, нелиберальных обществах. Раньше убийцу даже не довели бы до суда. Но политическая корректность требует во всех случаях поступать по закону.

В связи с этим в статье Аси Энтовой подробно обсужден юридический статус террористической активности и наличествующие у общества средства защиты. Поскольку эти средства в той или иной степени сводятся к действиям армии, возникает и еще один вопрос: что можно позволить армии в отношении террориста, а чего позволить нельзя. Для молодого солдата, который в этом противостоянии рискует своей жизнью, вопрос очевиден: "на войне как на войне". Именно так и предлагает автор следующей статьи Дани Бен-Ишай. Но не так настроена мировая правозащита. Юридические нормы всегда отстают от жизни. На этот раз они отстают на целую эпоху.

Вопреки душераздирающим проблемам, осложняющим жизнь общества, наша биологическая близость к остальной природе остается непреложным фактом. Редкие одаренные индивиды все еще способны пережить мгновения полного единства с природой, как несомненное счастье. В этом выпуске помещено маленькое признание такого счастливца Изи Вальдемирова, который сохранил в себе эту детскую непосредственность.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕФЛЕКСИИ

Моше (Владимир) Левин

ФАУСТ, МЕФИСТОФЕЛЬ, ВОЛАНД

(Опыт прилежного чтения)

*"Пусть нас меньше почитают,
Но прилежнее читают".*

Гёте

История доктора Фауста, продавшего душу дьяволу, заимствована Гёте из немецкой народной легенды. По прошествии веков условия жизни народов кардинально изменяются, однако проблематика легенды, возникшей в XVI веке, сохранила актуальность и во времена Гёте и в наши дни. Недаром "Фауст" Гёте интересует читающую и думающую часть человечества не только как яркое явление литературы, но и как актуальный жизненный феномен.

ДВЕ СТРОКИ ИЗ "ФАУСТА"

Увлекательная история издания в 2005 году петербургским издательством "Имена" неизвестного ранее перевода "Фауста" Гёте, пролежавшего в семейном архиве переводчика Константина Иванова около 80 лет, была представлена в журнале "22" № 142 главным редактором издательства "Имена" Виктором Костюковским.

* * *

Первая часть "Фауста" переведена на русский язык более двадцати раз. Сравним две строки немецкого оригинала:

*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
Und gruen des Lebens goldner Baum.*

с соответствующими строками из лучших русских переводов:

Перевод Н.Холодковского:

*Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет.*

Перевод Б.Пастернака:

*Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.*

Перевод К.Иванова:

*Мой друг! Теории туманны и темны,
А древо жизни вечно зеленеет.*

В этих переводах утрачено чрезвычайно важная деталь: древо жизни – золотое. Слово "золото" и производные от него стали метафорами, означающими особо высокую ценность. Так, пирамидион, верхняя часть великих египетских пирамид, имевший в древнеегипетской космологии особый сакральный смысл, был облицован золотыми плитами. В византийских фресках небо не голубое, а золотое. В поэзии же оно символизирует высшую духовную ценность.

Можно не сомневаться, что и Холодковский, и Пастернак понимали особый смысл слов "золотое древо жизни". Холодковский в переводе второй сцены "Фауста" пишет:

*О духи, если вы живете в вышине
И властно реете меж небом и землею,
Из сферы **золотой** спуститесь вы ко мне
И дайте жить мне жизнь иную!*

Это максимально точно, насколько это возможно при стихотворном переводе, соответствует оригиналу Гёте:

*O gibt es Geister in der Luft,
Die zwischen Erd' und Himmel herrschend weben,
So steigt nieder aus dem **goldnen** Duft
Und fuehrt mich weg, zu neuem buntem Leben!*

В переводе Пастернака эпитет "золотой" опущен:

*О, если вы не в царстве грез,
А в самом деле вихрь небесный
Меня куда-нибудь унес
В мир новой жизни неизвестной!*

В переводе Холодковского эпитет "золотой", относящийся к сфере "меж небом и землей", несомненно, является ничем иным, как символом высшей духовности. Это может служить подсказкой к сохранению эпитета "золотое" в приведенных выше двух строках. Словами "золотое древо жизни" Гёте утверждает высшую ценность жизни, которую он поставил выше всех теорий. Эта глубокая философская мысль Гёте утрачена в приведенных выше переводах, что заметно обеднило их по сравнению с оригиналом. А между тем перевод Пастернака легко "исправить" – устранить разночтение с оригиналом, сохраняя при этом пастернаковский ритм и рифму (относительно близлежащих строк):

*Теория, мой друг, суха,
Но зелено златое жизни древо.*

Остается загадкой, почему Б.Пастернак в обоих случаях не сохранил в переводе это чрезвычайно важное слово Гёте.

Не столь существенное, но все же немаловажное отклонение переводов от оригинала состоит в замене слов "сера (*grau*)... теория" на "суха... теория". Эта замена представляется объяснимой. Слова "теория... суха", безусловно, лучше слов "теория сера", но только если их рассматривать изолированно, вне стиха Гёте. А в стихе не случайно использовано однородное (по цвету) противопоставление. В отличие от потери важнейшего слова "золотое", это второе замечание можно было бы счесть мелочным, если бы оно не относилось к такому поэту, как Гёте, и такому знаменитому двустишию. Недаром Чехов сожалел об отсутствии точного прозаического перевода "Фауста".

Было бы тривиальным говорить о поэтической гениальности Гёте. Нетривиальность состоит в том, что двух рассмотренных строк достаточно, чтобы в этом убедиться.

Безусловным поэтическим талантом Гёте наделил Мефистофеля. Тому есть множество примеров. Вот один: "Кто философствует, тот выбрал путь плохой, / Как скот голодный, что в степи

сухой / Кружит себе, злым духом обойденный, / А вокруг цветет
роскошный луг зеленый!" (Используются переводы из Гёте Хо-
лодковского и Пастернака без указания переводчика).

ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ

"Фауст" Гёте известен широкой публике в основном по опере Гуно, в которой глубокая философская трагедия низведена до бытовой драмы. Лишь немногие прочли вторую часть "Фауста", в которой заключены итоги философских раздумий Гёте. Философия Гёте – особого рода. Он сам определил ее словами: "Не в моих привычках стремиться к воплощению в поэзии абстрактного понятия". И советовал читателю: "Надо бы набравшись храбрости, больше полагаться на впечатления".

Представленные далее фрагменты из обеих частей "Фауста", а также из книги литературного секретаря и собеседника Гёте И.П.Эккермана "Разговоры с Гёте в последние годы его жизни", в которой содержатся высказывания поэта в течение девяти лет общения с ним Эккермана, могут служить необходимой и достаточной основой для впечатлений и размышлений, относящихся к многогранным и противоречивым сущностям Фауста и Мефистофеля. Напомним, что здесь речь идет только о внимательном прочтении текстов, не претендующем ни на научность, ни на сколько-нибудь полное проникновение в неисчерпаемый смысл "Фауста". "...Какую идею я тщился воплотить в своем "Фаусте"? Да почему я знаю? И разве могу я это выразить словами?" – признался однажды Гёте Эккерману.

Цель настоящей статьи – пробудить интерес к прочтению полного "Фауста" и к размышлениям о возникших впечатлениях.

Следуя совету Гёте, автор, набравшись храбрости, размышлял над текстом "Фауста", полагаясь на собственные впечатления, и до окончания работы над статьей избегал заглядывать в какие-либо научные труды, посвященные "Фаусту". Последующее ознакомление с представленной в интернете статьей Бориса Володина "Фауст" Гете: история и жизнь" (в которой приводится список литературы, содержащей 21 источник, на русском и немецком языках), показало уместность принятого решения: в текст настоящей работы не пришлось вносить никаких поправок.

Фауст и Мефистофель вошли в мировую культуру как архетипы, далеко не во всем соответствующие образам трагедии Гёте.

Еще до того, как приступить к чтению, мы знаем, что Фауст – ученый, продавший душу черту. Но все не так просто. Гёте однажды заметил, что Фауст и Мефистофель воплощают две грани его собственного "Я". Конечно, не следует понимать это буквально, но и пренебрегать этим также не следует. В "Прологе на небесах" Господь говорит о Фаусте: "Пока еще во мраке он блуждает, но истины лучом он будет озарен". А сам Фауст говорит о себе: "Ах, две души живут в больной душе моей, / Друг другу чуждые, – и жаждут разделенья!" Одна его душа безмерно горделива: "Превыше ангелов я был в своих мечтах, / Весь мир хотел обнять и, полный упоенья, / Как Бог, хотел вкусить святого наслажденья..." Об этом же в "Прологе на небесах" Мефистофель говорит Господу: "Он рвется в бой и любит брать преграды, / И видит цель, манящую вдали, / И требует у неба звезд в награду / И лучших наслаждений у земли, / И век ему с душой не будет сладу, / К чему бы поиски ни привели". Уже к началу трагедии вторая часть души Фауста исполнена благородных порывов: "С тех пор как я остыл к познанию, / Я людям руки распротер. / Я грудь печалям их открою / И радостям – всему, всему, / И все их бремя роковое, / Все беды на себя возьму".

Распространено мнение: трагедия Фауста – это трагедия ученого. Но это мнение может быть отнесено лишь к предыстории, а к началу действия, еще до встречи с Маргаритой, Фауст говорит Мефистофелю: "К науке я давно исполнен отвращения, / Тушить страстей своих пожар в восторгах чувственных я буду..." Но вот что характерно: пожар страстей не помешал отмеченным выше вполне искренним высоким порывам Фауста. Не менее, а, пожалуй, более характерно то, что безмерное нетерпение, подтолкнувшее Фауста к договору о продаже души Мефистофелю, роковым образом приводит вскоре к гибели Маргариты и ее брата.

Во второй части трагедии происходят решающие события в жизни Фауста. Изведав любовь к Елене Прекрасной и драматическое расставание с нею, поняв тщету мечтаний о грядущем обществе всеобщего благоденствия ("Правитель добрый недоспит, / Чтоб был народ одет и сыт, / И лишь бунтовщиков плодит / На голову свою, несчастный"), Фауст приходит к трезвому взгляду на свою дальнейшую жизнь: "...Мои желанья – власть, собственность, преобладанье, / Мое стремленье – дело, труд". Получив с помощью Мефистофеля участок морского побережья, Фауст использует власть и собственность для работ по его осушению. При этом Мефистофель, коварно потворствуя нетерпению Фауста ("Из-

мучен я, терпенья нет; / Я устаю быть справедливым"), бесцеремонно выдворяет живущую у побережья престарелую чету, которая вскоре умирает от горя. (Правда, впоследствии Фауста охватывает запоздалое раскаяние: "Да слишком скор был мой приказ / И слишком скоро всё сейчас / Свершилось: я тому виной!") Здесь проявляется самая суть Фауста: даже стремясь к благой цели, он вследствие безмерной нетерпеливости и напористости создает смертельно опасную ситуацию. Стремясь к благу, творит зло. Сравним с тем, что говорит о себе Мефистофель: "Часть вечной силы я, / всегда желавшей зла, творящей лишь благое". Если полностью принять эти слова Мефистофеля (а Булгаков, судя по тому, что он сделал их эпиграфом к роману, по-видимому, принял их полностью), получится, что сущности Фауста и Мефистофеля абсолютно противоположны, а поступки несовместимы. В действительности границы между ними не столь жестки. Эти свойства в какой-то мере проникают друг в друга. Так уж устроен человек, да и черт, как это можно видеть из текста трагедии, тоже. Кроме того, принять отдающие самовосхвалением слова Мефистофеля полностью было бы чрезмерной доверчивостью. У Булгакова, скорей всего, преобладали соображения, относящиеся к его замыслу о сущности Воланда. А у Гете немало значат добродушно-снисходительные слова Господа: "К таким как ты вражды не ведал я... / Хитрец, среди всех духов отрицанья / Ты меньше всех был в тягость для меня". Вспомним также слова Гете о том, что Фауст и Мефистофель воплощают две грани его собственного "Я". И наконец, постараемся заглянуть в собственную душу...

Трагедия Фауста – это трагедия самой человеческой сущности, трагедия характера, и только в более узком плане – трагедия профессии. При этом диапазон профессий, представители которых особо склонны к проявлению фаустовых качеств, из века в век расширяется. Синдром Фауста все более становится не личным свойством, а приметой времени.

Мы знаем множество примеров зловещего проявления фаустовых качеств – особенно во времена общественных потрясений. Недаром исторический Иоганнес Фауст особо проявил себя в крестьянской войне в Германии. При всей своей прозорливости Гете не мог представить себе масштабы потрясений XX века. (Приводимые далее фрагменты из романа Томаса Манна показывают степень подверженности западной интеллигенции дьявольскому соблазну безграничной творческой свободы, антигуманной по своей сути.) Это стало особенно актуальным в XXI веке, когда эта

интеллигенция, не распознав дьявольской сущности превратно толкуемых леволиберальных идей, бездумно потворствует их распространению, реализуя тем самым коварные замыслы сил, враждебных мировой цивилизации.

Появление атомной бомбы обратило внимание человечества на непомерное распространение фаустова начала среди ученых. Но еще более опасно проявление этого начала у людей, весьма далеких не только от науки, но и от культуры вообще, и при этом берущих на себя роль вершителей судеб человечества. Примеры, к сожалению, общеизвестны. От них мог бы содрогнуться и Мефистофель. Достаточно сказать, что рядом с Веймаром, где Гёте большую часть жизни создавал своего "Фауста", был устроен Бухенвальд – один из первых нацистских концлагерей.

Но задолго до XX века фаустово начало проявлялось в разных обстоятельствах. В том числе, зловещих. Григорий Трестман, "роясь в архивах, букинистических завалах и старинных манускриптах", решительно отошел от образа Фауста, увлеченного научными исследованиями, и изобразил его в поэме "Голем, или Проклятие Фауста" во главе погромщиков еврейского гетто Праги во времена создания раввином Иегудой Лейб бен Бецацелем искусственного человека – Голема.

Фауст Трестмана безусловно заслужил проклятия. Но это не Фауст Гете, с которым – а вовсе не с историческим Иоганнесом Фаустом, бывшим весьма популярным в немецком народе, – связывается до сих пор имя "Фауст". Трагические реалии XX века и – будем мужественно смотреть вперед – испытания, еще предстоящие человечеству в веке XXI, заставляют решительно пересмотреть отношение к этому имени. Первый шаг сделал Григорий Трестман. Впереди еще немало трудных шагов, ведь отношение людей к словам особенно консервативно, притом, что заложенный первоначально смысл слов часто изменяется в человеческой практике весьма сильно, иногда до неузнаваемости.

МЕФИСТОФЕЛЬ И ВОЛАНД

Булгаков взял эпиграфом к своему роману слова Мефистофеля; в романе упоминается Гете, Фауст и черный пудель, а слова Воланда: "Все теории стоят одна другой" явно перекликаются с двумя рассмотренными выше строками. И подобных перекличек немало. Так, Мефистофель говорит Фаусту: "Мне стоит плащ свой развернуть – / И мы взовьемся легче вьюги", а у Булгакова: "Плащ

Воланда вздуло над головами всей кавалькады..." Не будем мелочны, перейдем к перекликающимся фантасмагориям "Великого бала у Сатаны" и "Вальпургиевой ночи". Все это явно указывает, что Воланд – преемник Мефистофеля. Более того, вполне вероятно, что они оба – оборотни одной сущности, действующие в разных условиях. И будучи несравненными актерами, эти оборотни знают, как надо играть в предлагаемых обстоятельствах.

Так, в протестантской Европе, где даже императорскую чету можно было запросто встретить на улице (например, в Вене, где мудрый Гёте с достоинством уступил им дорогу, а шедший вместе с ним неисправимый бунтарь Бетховен вынудил их слегка поосторониться), "протестантский черт" Мефистофель почти на равных разговаривает с самим Господом и даже заключает с Ним пари. Обожая проказы в толпе, Мефистофель внешне не возвышается над нею. Он демонстрирует свои чудесные возможности, спустившись в погреб, где пирует небольшая компания, и там говорит Фаусту: "Народец! Черт меж них, а им не догадаться: / Хоть прямо их за шиворот бери". Такой вполне демократичный черт, знающий, однако, себе цену.

А Воланд, мгновенно усвоив повадки "народной" власти, возвышается, подобно советским вождям, над толпой. А для демонстрации своего превосходства использует огромный театральный зал, и царит на его сцене. В отличие от Мефистофеля, который бывает вполне открытым (поэт!), Воланд почти всегда закрыт (актер!).

Обстоятельства в советской Москве уникальны. Они хорошо отражены известной метафорой: "...гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте", а также глубочайшей мыслью первого литературоведа государства: "Эта штука посильнее "Фауста" Гете...". И Воланд вдохновенно издевается над убожеством увиденного. При этом он просто не может не опуститься с общечеловеческого уровня Мефистофеля до уровня советского обывателя. Это, а также незаурядный литературный талант Булгакова определили фантастическую популярность романа и особенно Воланда. Миллионы читавших и не читавших роман, а впоследствии и театралов с телезрителями, восхищаются Воландом и смакуют его готовую к употреблению и легко усваиваемую словесную пищу, вроде: "Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя". Только слова, обращенные к Мастеру и Маргарите, действительно высокого класса: "...тот, кто любит, должен разделять участь того, кого любит". Или: "Все будет правильно, на этом построен мир", но это уже пересказ Гегеля. Или:

"Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!" Давно замечено, что эти знаменитые слова были для Булгакова заклинанием, обращенным к тому, кто был в государстве сильнее всех.

У Мефистофеля мысли глубоки, но тяжеловаты, потому и коротают век в хорошем обществе в пыли библиотек. Извлечем оттуда некоторые из них: "Коль скоро недочет в понятиях случится, / Их можно словом заменить". Или: "Все в мире заменил прогресс. / Как быть? Меняется и бес". Но главные его стихи – ирония и сатира: "Приятно то, что отдаляет цель: / Улыбки, вздохи, встречи у фонтана, / Печаль томленья, – словом, канитель, / которою всегда полны романы". Или: "Пускай найдет он тайное искусство / С коварством согласить возвышенное чувство". А для тех, кто упрекает автора в чрезмерном обилии цитат, придется привести еще одну, конечно, из Гёте: "Мой Мефистофель поет песню, взятую из Шекспира, ну и что за беда? Зачем мне было ломать себе голову и выдумывать новую, если шекспирова оказалась как нельзя более подходящей и говорилось в ней именно то, что мне было нужно".

Верно ли, что Мефистофель – закоренелый враг человеческого? Уже две подробно рассмотренные выше строки заставляют усомниться в этом. Ведь Мефистофель при всей его страсти к насмешке в итоге правильно поучает будущего студента. В "Прологе на небесах" Господь упрекает Мефистофеля: "Ты кончил? С жалобой одною / Являешься ты вечно предо мною! / Иль на земле добра совсем уж нет?", и Господь позволяет Мефистофелю испытать Фауста: "Иди и завладей его душою / И если можешь, поведи / Путем превратным за собою, / И посрамлен пусть будет Сатана!" И наконец, Господь окончательно определяет роль Мефистофеля: "Слаб человек, покорствуя уделу, / Он рад искать себе покоя, – потому / Дам беспокойного я спутника ему; / Как бес, дразня его, / Пусть возбуждает к делу!"

Мефистофель не сомневается в том, что сумеет завладеть душой Фауста, и мысль о предстоящей игре с ним сразу увлекла его. Фауст – человек незаурядный, а чертей особенно привлекает завоевание души людей талантливых. Об этом хорошо сказано в романе Томаса Манна "Доктор Фаустус". Вот разговор черта с композитором Леверкюном: "Правда, талантливо. Вот это мы вовремя и заметили, потому-то сразу и взяли тебя под надзор. <...> Мы ручаемся тебе за жизненность того, что ты сотворишь с нашей помощью". И далее: "...мы будем сейчас всячески потакать тебе и потрафлять".

Стремясь быстрее овладеть душою Фауста, Мефистофель коварно потворствует его страстям, но при этом у него есть видимость оправдания: "Напрасно он покоя будет ждать. / И даже не успеет он душу мне продать, / Сам по себе он должен провалиться".

Суть Мефистофеля многогранна. Иногда он искренне сочувствует человеческой судьбе: "Нет, что ни говори, а плох наш белый свет! / Бедняга человек! Он жалок так в страданье, / Что мучить бедняка и я не в состоянии". А Воланд, не дрогнув, лишает Берлиоза жизни, да еще потешается над его отрезанной головой. Такое впечатление, что Булгаков, человек театральный, не удержался от возможности изобразить столь театральную сцену и тем немало очернил своего героя. Но это не помешало миллионам восхищаться Воландом. Красивая жестокость покоряет сердца!

Внимательное чтение показывает, что Мефистофель не менее Воланда достоин восхищения (равно как и осуждения). Если бы судьбу Воланда решал суд хоть миллиона присяжных (из числа восхищенных читателей), он был бы оправдан. Справедливость требует того же и для Мефистофеля. Игры Сатаны с человечеством далеко не закончены, да и вряд ли будут когда-либо закончены. А гипотетический вердикт должен был бы служить людям предупреждением держаться от всевозможных черт (в том числе и в образе человека) подальше – в своих мыслях, побуждениях и поступках. Но не было суда присяжных и не было предупреждения людям, да и не помогло бы оно, если бы и было. По-прежнему водятся люди с чертами. И зачастую восхищаются ими, и даже влюбляются в них. Могут сказать: нечего нас запугивать, никаких черт не существует. Вот и Иван Бездомный говорил то же. А чем это для него закончилось? Сам Воланд с юмором рассказал Мастеру:

"– Он едва самого меня не свел с ума, доказывая, что меня нету! Но вы-то верите, что это действительно я?"

– Приходится верить, – ответил Мастер. – Ведь гораздо спокойнее было бы считать всю чертовщину плодом галлюцинаций".

Но если великая литература вас не убеждает, возможно, рациональный довод покажется более близким. Николай Бердяев, превзойдя и Гегеля, и Канта, пришел к утверждению: "Единственным доказательством существования Бога является существование человека". Но Воланда он не превзошел: "Не требуется никаких доказательств. Он есть!" Широкий человек. И мысль Бердяева следовало бы дополнить: существование человека является достаточным доказательством существования Дьявола. Впрочем, следуя Воланду, добавим: не требуется никаких доказательств.

Вернемся к Гёте. В книге Эккермана находим неожиданное (но только на первый взгляд) признание Гёте: "Моцарт – вот кто мог бы написать музыку к "Фаусту", а также узнаем, что Гёте написал продолжение либретто "Волшебной флейты". Добавим, что Гёте лично общался с Бетховеном и, можно не сомневаться, хорошо знал его творчество. Но назвал он Моцарта. И Моцарт, и Гёте понимали неизбежную трагичность человеческого существования в этом мире, но оба они не поддались ни безверию, ни мрачному чувству. И наперекор всему не утратили любви к жизни. "...Зеленеет золотое древо жизни" – это было глубокое чувство и основательно продуманное убеждение. Гете назвал своего "Фауста" трагедией, но ее финал предельно светел. В трагических произведениях Моцарта, а их немало, финал обычно исполнен света и жизнелюбия. Божественная красота мира и духовная стойкость поэта-философа Гете и масона Моцарта – вот что противостоит у них трагическому.

Последнюю главу романа Булгаков очистил от всепроникающей пошлости советской жизни. Перед этим было сказано, что Мастер не заслужил свет, он заслужил покой. Но это и было нужно измученному Мастеру. Теперь он будет "днем гулять со своей возлюбленной подружкой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта и писать при свечах гусиным пером". Жаль только, что этой поэтической главой Булгаков не завершил роман. В Эпilogue он возвращает нас к убогой советской действительности. Увы! Как и его герой, Булгаков не смог стряхнуть со своей израненной души тяжесть и пошлость окружающей его жизни. Как и Мастеру с Маргаритой, Булгакову с его возлюбленной подружкой нужен был покой и Шуберт. А Гете и Моцарту нужен был свет. Они его заслужили. И надо думать, получили.

* * *

Фауст продал душу дьяволу, чтобы вернуть молодость, стать всезнающим и всемогущим – таков расхожий миф. А что мы узнаём, читая "Фауста"? Вначале был только договор, скрепленный каплей крови. И лишь в предсмертном монологе столетний и слепой Фауст произносит роковые слова, по которым Мефистофель может овладеть его душой.

*Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной*

*Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: "Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они".*

(Фауст падает навзничь.)

Таков достойный итог непростой жизни. Гёте, человек XIX века (вторая часть "Фауста" завершена в 1831 г., а в следующем году Гёте ушел из земной жизни), дарует Фаусту оправдание. Задолго до окончания работы над "Фаустом", он разъясняет Эккерману: "...Непрестанно стремившийся к добру человек выпутывается из мучительных своих заблуждений и должен быть спасен".

И вот то, что было при жизни Фаустом, лежит у ног торжествующего Мефистофеля, выигравшего пари с самим Господом! Однако недолгим было его торжество. Мефистофелем овладевает беспокойство: куда подевались резвившиеся вблизи ангелы? Мефистофель оглядывается кругом:

*На крыльях унесли озорники!
А где душа? Украли воровски! <...>*

С каким достоинством встретил Мефистофель внезапный переход от блестящего триумфа к полному краху!

*Но я позором поделом покрыт.
Погибло сразу все, единым махом,
Труд столько лет, надежды, тьма затрат!
<...>
Прожженный старый черт с такой закалкой
Сыграл к концу такого дурака!
Ведь эта глупость до того жалка,
Что даже потерпевшего не жалко!*

Тем временем, явно по повелению Господа, ангелы "поднимаются к небу, унося бессмертную сущность Фауста". И там "одна из кающихся, прежде называвшаяся Гретхен" говорит Богоматери: "Позволь мне быть его вожатой, / Его слепит безмерный свет". В чистом сердце Маргариты жива и будет жить вечно светлая любовь к Фаусту. Этим светом любви Гёте завершает своего "Фауста".

Римма Мошинская

ЭММА Б. И МАРГАРИТА

Среди забытых книг, появившихся с конца 80-х на книжных прилавках, была и книга Эммы Барстоу (она же – баронесса Орчи) "МАРГАРИТА". Пять романов из серии "Лига красного цветка" (СПб.: Северо-Запад, "Гриф", 1992; Текст воспроизведен по приложению к журналу "Родина". – СПб., 1911).

Романы, составившие книгу "Маргарита", – об эпохе террора Великой французской революции – откровенно восходят к роману А. Дюма "Двадцать лет спустя" – об эпохе Кромвеля и попытке отважных французских мушкетеров спасти от плахи английского короля Карла I. В "Маргарите", напротив, группа английских аристократов спасает от гильотины "врагов народа", приговоренных французским революционным судом*.

Итак: плаха, гильотина, террор, "враги народа". Формулировка "враг народа", знакомая каждому советскому человеку и всем, "кто посетил сей мир" в 30-е годы XX столетия, обязана своим происхождением революционной Франции. Формула "друг народа" в нашей стране как-то не прижилась, может быть, благодаря работе Ленина "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов". Зато уж "врагов народа" оказалось более чем достаточно...

Тема судилищ над "врагами народа" – одна из центральных в подтексте романа Булгакова "Мастер и Маргарита". Театр-цирк Варьете, где по требованию публики (народа!) отрывают голову "надоевшему" конферансье Жоржу Бенгальскому, можно рассмат-

---

* Кроме того, в "Маргарите" очевидна преемственность и с другими романами А. Дюма: "Королева Марго", "Граф Монте-Кристо", "Таинственный доктор" (на русском языке издан в середине 1990-х гг. в переводе В. Мильчиной) и др.

ривать как метафору современного Колизея – модели государства, в котором по требованию народа, "не ведающего, что творит", совершаются казни над теми, кто "надоел" режиму. "Римский" колорит театру-цирку придают и фамилия его финдиректора Римского, и то, что театр Варьете входит в систему "зрелищ облегченного типа" – вспомним лозунг римской толпы: "Хлеба! Зрелищ!"

Тема гильотины впервые прозвучала на страницах "Мастера и Маргариты" в предсказаниях Воланда Берлиозу: "Вам отрежут голову". Голову "отрезать" может только нож, скажем, нож гильотины, или же рельсовый транспорт: трамвай, поезд. Отсвет гильотины возникает и в театре Варьете, когда девица с безобразным шрамом на шее тараторит по-французски, а затем является финдиректору Варьете Римскому в обличье покойницы с трупными пятнами на теле.

В "Маргарите" Эммы Барстоу действует артистка парижского театра "Варьете" Дезире Кандейль* – агент "Комитета общественной безопасности". Московское "учреждение", в которое финдиректор Варьете Римский послал с доносом администратора Варенуху и куда собирался звонить после "третьего отделения", при жизни Булгакова еще не носило названия Комитет государственной безопасности, но комиссары государственной безопасности в 30-е годы уже были (так, Н.И.Ежов носил звание Генеральный комиссар государственной безопасности). Слова "комиссар", "гражданин", "гражданка", которыми иронически перенасыщено повествование Эммы Барстоу, прочно вошли в советский быт и не могли не резать ухо человека, насильственно погруженного в "новую жизнь". Сотрудники Комитета общественной безопасности в "Маргарите" производят массовые аресты, набирая "тысячу для гильотины". И это знакомо советскому человеку, привыкшему к планам и разверткам.

Уже на первых страницах "Маргариты" мы встречаем характерные текстовые сближения с романом Булгакова. Так, о проводнике "дерзких англичан" (иностранце!) "говорили даже, что он и те, кого он спасал, были наделены даром делаться у заставы невидимыми", что, значит, дело не обходилось без "нечистой силы". Вспомним булгаковскую Маргариту, с помощью нечистой

---

* Актриса "Варьете" Кандейль (Амели Жюли) – историческое лицо. Упоминается в романе А.Дюма "Таинственный доктор". (Сообщено В.А.Мильчиной.)

силы ставшую "невидимой и свободной!" Что же касается наружности предводителя "шайки иностранцев", спасающих обреченных из революционного ада, то и в "Маргарите" и в "Мастере и Маргарите" его приметы неизвестны органам безопасности. "Мы не знаем даже, какова его наружность, высок он или мал ростом, брюнет или блондин" ("Маргарита"). Не лучше обстояло дело и в Красной Москве: по одним сведениям, "человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу"; по другим – "человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу".

Лидер иностранцев в "Маргарите" постоянно меняет обличья, переодевается то женщиной из простонародья, то евреем-возчиком, то революционным депутатом из провинции. Даже близкие люди не могут его опознать. Он великий актер, мастер перевоплощения. Что же говорить о маэстро Воланде, главаре шайки иностранцев в Москве, предстающем перед персонажами и читателями "Мастера и Маргариты" в столь разных обличьях, что совершенно сбивает с толку и его романских преследователей и литературных следопытов, пытающихся найти для него единственный реальный прототип.

Охота на "Лигу красного цветка" в "Маргарите" обосновывается тем, что ее участники – "английские шпионы". Действительно, кем еще могут быть иностранцы в революционной стране? "Вот они где у меня сидят, эти интуристы! – интимно жаловался Коровьев... – Приедет... И или нашпионит, как последний сукин сын, или же капризами все нервы измочит: и то ему не так, и это не так!"

Как тут не вспомнить "интуриста" Андре Жида, дружба которого с Советским Союзом закончилась после выхода в свет его книги о визите в СССР, да и Фейхтвангер так талантливо "похвалил" порядки в Москве 1937-го и процессы над троцкистами, что хотя его книга и была сгоряча переиздана в Москве, но вскоре разобрались, и книга бесследно исчезла из магазинов и библиотечных стеллажей.

Вполне понятно беспокойство литератора Берлиоза по поводу впечатления, которое может сложиться у иностранца о Красной столице. Как видно из текста "Маргариты", престиж страны заботил и "комиссаров безопасности" XVIII века. "Проклятые изменники употребляют все старания, чтобы восстановить общественное мнение всей Европы" против революционной Франции.

Атеизм как важнейшее государственное дело – тема беседы ответственного Берлиоза с невежественным поэтом Бездомным. А во Франции? "Республика хоть и уничтожила Бога, не могла уничтожить в сердце человеческого страх перед неведомыми си-

лами". В Москве на Патриарших идеолога Берлиоза во время урока атеизма вдруг "охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас бежать с Патриарших без оглядки", и "сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем".

Думается, что внешнее сходство положений в булгаковском романе "Мастер и Маргарита" с приключенческим циклом Эммы Барстоу, объединенным названием "Маргарита", призвано привлечь читателей к аналогиям между реальными событиями эпох террора во Франции и Англии (не забудем о генетической связи "Маргариты" с романом А. Дюма) и реалиями современной Булгакову России.

В этом смысле интересен и мотив "перевоспитания", воспитания нового поколения под девизом "отречемся от старого мира".

Заключенный в тюрьму малолетний "Людвик Капет", сын Луи XVI и Марии-Антуанетты, по требованию своих "воспитателей" называет свою мать "грязным словом" ("Маргарита". Роман "Борьба за принца"). В Стране Советов стали нормой как публичные отречения детей от родителей – "врагов народа", так и заключения несовершеннолетних в тюрьмы и лагеря. (Страшный "детский приемник" находился на территории Данилова монастыря – в районе, важном для "географии" "Мастера и Маргариты" – здесь был похоронен Гоголь, рядом находилась самая знаменитая московская психиатрическая клиника имени П.П.Кащенко – Канатчикова дача). Впрочем, не только несовершеннолетние отрекались от своих родителей. Демьян Бедный, который подобно Бездомному "очертил... главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками" ("Мастер и Маргарита"), "выступая перед собранием красноармейцев, сказал: моя мать была блядь" (из дневника М.А. Булгакова). Как тут не вспомнить и рассказ Давыдова из "Поднятой целины" о профессии его матери, уличной женщины, которым он аргументирует необходимость повальных репрессий: "дети... жалость... ну выселим кулаков к черту, на Соловки выселим. Ведь не подохнут же они?" Как вскоре выяснилось, "дохнут". Сравним агитацию Давыдова с репликой поэта Бездомного: "Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!" От Соловков Канта с его доказательством бытия Божия спасает только то, что он "заблаговременно" умер! Тема "атеизма" переплетается с темой "перевоспитания", превращения монастырей в тюрьмы, в том числе и для детей, и, видимо, не случайно идейный наставник простодушного поэта

Бездомного председатель МАССОЛИТа Берлиоз – полный тезка прославленного автора "Поднятой целины".

"– Михаил Александрович! – крикнул он (профессор) вдогонку Берлиозу. Тот вздрогнул, обернулся, но успокоил себя мыслью, что его имя и отчество известны профессору также из каких-нибудь газет".

* * *

Известна приверженность Булгакова к играм с инициалами. В начале творческого пути одним из его псевдонимов был "Г.П.Ухов" – знак трогательного внимания к "известному учреждению". Обратим внимание на титульные листы "Маргариты" и "Мастера и Маргариты". Переводной роман подписан именем "Эмма Барстоу". Под псевдонимом "Эмма Б." некогда печатался Михаил Булгаков, "Эмма Б." – это и "эм а бэ" – М.А.Б., то есть Михаил Афанасьевич Булгаков (в "Мастере и Маргарите" он отдает эти инициалы атеисту и антиподу Мастера – Михаилу Александровичу Берлиозу), "Эмма Б." – это и знаменитое alter ego Флобера Эмма Бовари ("Эмма – это я!").

Но вот обнаруживается еще одна "Эмма Б." – автор исторического романа, видимо, знакомого Булгакову с юности – напечатан в Петербурге в 1911 году! Итак, роман "Маргарита" написала Эмма Б. – Эмма Барстоу, роман "Мастер и Маргарита" – Эмма Б. – Михаил Афанасьевич Булгаков. Кто знает, может быть, вынося имя Маргариты в название "фантастического романа" на обложку со своими инициалами, Булгаков хотел этим веселеньким каламбуром дать читателю еще один ключ к теме террора, "ужаса" – в эпоху, когда "жить стало лучше, жить стало веселее".

ВЕРА, КОТОРУЮ МЫ ВЫБИРАЕМ

Леонид Пекаровский

НАРОД ИЛИ НАЦИЯ?

Если родословная большинства народов мира сокрыта от нас толщей времен, то историю зарождения, становления и развития своего народа мы можем прочесть в Книге Книг. Мы знаем имя основателя нашего народа – Авраам. И о сущности Завета, то есть договора между Б-гом и Авраамом, именно – о создании еврейского народа: "И Я произведу от тебя великий народ, и возвышу имя твое, и будешь ты в благословении (Быт. 12:5)". Нам доподлинно известны все перипетии рождения от жены его Сары сына Ицхака...

Таким образом, повсеместно утвердившаяся теория о возникновении любого народа из семьи через род и племя подтверждается Священным Писанием на этом примере.

Однако упомянутый выше генезис не завершается на стадии объединения родственных племен с образованием народа. Существует еще одна ступень, более высокая, завершающая развитие народа – нация. Различие между народом и нацией весьма незначительно, оно заключено в, казалось бы, второстепенном физическом факте: обладании собственной территорией. Нация – это народ, владеющий своей землей. Но отсутствие этой "детали", как показала вся история еврейского народа, со временем превращается в фактор колоссальной разрушительной силы: если народ не становится нацией, то есть его бытие протекает вне собственного государства, он рабствует либо ассимилируется, либо погибает.

Понятие нации было заложено в Ветхом Завете, когда Б-г пообещал потомству Авраама землю: "И явился Г-дь Аврааму, и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал он там жертвенник Г-ду, который явился ему" (Быт. 12:7). И так и случилось – поколения евреев после Моисея были уже нацией и владели даже не одним, а двумя государствами – Иудеей и Израилем, как в наше время Китай или Корея.

Вещи, о которых я говорю, просты и понятны, чтобы не сказать – тривиальны. Почему же религиозное сознание после краха еврейской нации, после падения еврейских государств, после рассеяния в течение тысячелетий отрицало возможность восстановления еврейской нации и еврейской государственности? Для чего было иудейской религии – абсолютному властителю всех сторон жизни еврейской общины в любом местечке или гетто любой страны хитроумным способом связывать возрождение нации и государства с априори нереализуемой идеей пришествия Мессии?

Ответ на все эти вопросы только один: с восстановлением государства, с возрождением нации светская власть религии значительно ослабевает, и религиозный истеблишмент всеми возможными способами этому противится и препятствует.

Один из выдающихся философов XX века – еврейский религиозный философ Мартин Бубер в статье "Еврейский гуманизм" (1950 г.) пишет: "Израиль – не есть нация, подобно другим нациям, как бы многие его представители в разные времена ни желали этого. Израиль – это народ, не имеющий себе подобных, ибо это единственный народ, который с самого своего начала был одновременно и национальной и религиозной общностью. В тот исторический час, когда колена объединились, чтобы образовать народ, он стал носителем откровения. Завет, который его колена заключили друг с другом и с помощью которого они стали Израилем, принял форму коллективного завета с Б-гом Израиля".

И это писалось в то время, когда еврейский народ в результате сионистской революции уже являлся нацией, обрел свое государство, которое созидал, со всеми институтами и атрибутами власти. Почему же Бубер, говоря о еврейском народе, намеренно смешивает понятия "нации" и "религии", когда говорит "об одновременной национальной и религиозной общности"? Потому что Бубер ставит религию и над нацией, и над государством. Утрата религией всех видов власти, которую она осуществляла на протяжении тысячелетий – духовной, политической, культурной и в какой-то мере экономической, кажется Буберу очередной катастрофой: "Нашему времени выпало на долю разделить еврейский народ и еврейскую религиозную общину, которые до сих пор с самого своего возникновения были слиты воедино – нацию, подобную прочим нациям, и религию, подобную прочим религиям. Благодаря несравненной работе, проведенной в Палестине, нация находится на подъеме. Религия же находится, напротив, в глубоком упадке, ибо она, будучи ограниченной особой сферой

ритуала и проповеди, уже не является силой, определяющей жизнь нации".

Философ Мартин Бубер очень точно определил важнейшие тенденции развития молодого еврейского государства, и особенно – взаимоотношение религии и государства. Однако, под влиянием религиозного сознания, он проигнорировал тот факт, что государство, если оно не является теократическим, ни при каких условиях не готово делиться властью, тем более признавать чью-либо другую, пускай и религиозную, овеянную тысячелетними традициями, власть над собой. Бубер будто не замечает того факта, что с возникновением Израиля для его граждан эпоха галута, время местечек и гетто, где религия осуществляла всю полноту власти, подменяя собой государство, прошло навсегда. Государство встраивает религию в структуру других своих общественных институтов, находя ей соответствующее место, где бы она смогла осуществлять свою непосредственную функцию: заботу о душах верующих, стремящихся к Б-гу. Потерю религией абсолютной власти, которую Бубер точно определяет как "силу", отведение ей роли исключительно духовно-религиозного пастыря, что является сущностью всякой религии, философ воспринимает, как глубокий ее упадок.

Но если религиозное сознание смешивает, подобно средневековому алхимику, во всевозможных комбинациях понятия "народа", "нации" в стремлении выделить единственную субстанцию – религию, чтобы абсолютизировать ее, то сионизм эти понятия разъединяет, чтобы теоретически, а затем и практически, построить более естественную, а потому и более жизненную модель отношения нации-государства к религии-народу.

Логический гений В.Жаботинского с точностью математической формулы отчеканил это отношение: "Интересы нации выше интересов религиозной общины". И вообще В.Жаботинский – один из немногих мыслителей в истории мировой мысли, кто отделяет понятие "веры" от понятия "религии" и показывает разные их сущности. Ни у Канта в "Религии в пределах только разума", ни у Гегеля в "Философии религии" разговор об автономном существовании веры и религии не идет. И даже Кьеркегор и вся плеяда экзистенциалистов, которые, нанося "смертельный" удар религии и восстанавливая во всех правах веру, иногда употребляют и термин "религия", говоря о вере, как бы теряют на тающих за горизонтом границ мышления свою тончайшую интеллектуальную чувствительность.

В статье "Вера", написанной Жаботинским в 1935 г., говорится: "...Музыка и поэзия – две могучие человеческие эмоции; человек, у которого отсутствует одна из них или обе, человек душевно скудный, обойденный судьбой. Но что такое поэзия и музыка по сравнению с такой эмоцией, из которой, может быть, исходят музыка и поэзия? Эта эмоция – томление души человеческой, которое побудило нас еще во времена первого человека наполнить небо и землю, реки и леса тайнами жизни, которое повергло человека на колени перед силой, которую он никогда не лицезрел, ввергло человечество в войны, вызвало к жизни палачей и героев, привело к созданию архитектуры, живописи, искусства, скульптуры и философии. Из всех духовных факторов мировой истории вера всегда была самым сильным фактором, особенно в средневековье..."

У полноценного, высокоразвитого человека не может отсутствовать эта мощная эмоция. Человек будущего – натура цельная, у которой в наличии все эмоции, – будет человеком верующим. Не знаю, как будет выражаться эта вера, но связь между его душой и бесконечностью будет сопровождать его во всех его поступках..."

Глубже и поэтичнее о сакральной вере, чем сказал Жаботинский, и не скажешь. И напротив, религию один из вождей сионизма не принимает: "...Я бы скорее одобрил непосредственную борьбу против религии..." Однако выдающийся политический мыслитель, тонкий стратег и тактик, Жаботинский понимал, что без иудаизма ни государство, ни нация, ни еврейский народ невозможны, ибо необычайно мощна раздувшаяся до вселенских масштабов религиозно-историческая память, три тысячи лет тучневшая на сочном "корме" религиозной догматики. Поэтому Жаботинский предлагает не борьбу с религией, а более тонкую идею – низведение ее к роли протокольного статиста: "...Положительное отношение к религии должно выражаться другими путями: в официальных церемониях, на национальных торжествах, конгрессах, съездах, собраниях, например, можно начинать их с богослужения, независимо от того, "верят" ли члены и его участники или нет..."

Жаботинский определяет веру как эмоцию. Но вера – не есть эмоция. Она не рождается из чувства. Вера – один из фундаментальных врожденных инстинктов человека, как и инстинкт самосохранения, например. Она многомерна и всеобъемлюща. Самый высший тип веры – сакральный, то есть вера в Б-га. Когда созревшая душа готова принять веру, та начинается свое восхождение из глубин предсознания. Попадая в душу, вера сублимируется, то есть превращается из первозданного инстинкта в инстинкт

одухотворенный, способный возбудить мощнейшее экзистенциальное переживание Б-га.

Вера противоположна разуму. Более того, она вступает с ним в борьбу. Именно борьбе с разумом посвящена та часть экзистенциальной философии Сёрена Кьеркегора, где философ говорит о вере. Кьеркегор различает три ступени экзистенциального – эстетическую, этическую и сакральную (веру). Каждая последующая ступень выше предыдущей. Самая высокая из них – вера, для достижения которой человеку, в отличие от первых двух ступеней, где достаточен только переход с одной на другую, нужно совершить духовный прыжок, требующий невероятных усилий. Для этого необходимо преодолеть разум, присутствие которого делает невозможным этот прыжок.

Кьеркегор пишет: "...Вера противоположна разуму, вера живет по ту сторону смерти..." "...Вера значит именно это: потерять разум, чтобы обрести Б-га..." "...Какой невероятный парадокс – вера!.. Парадокс, которым обычное мышление не может овладеть, ибо вера именно там и начинается, где обычное мышление кончается..."

Говоря о том, чтобы "потерять разум и обрести веру", Кьеркегор вовсе не имеет в виду физическую потерю разума. Он пишет о нейтрализации разума, дабы он не искажал и не замутнял чистую веру. Каким же образом?

Чтобы оградить веру от разума, Кьеркегор возводит два защитных бастиона – абсурд и чудо. Абсурд (лат. нелепый, бессмысленный) – абсолютно противопоставлен разуму, призван его полностью упразднить (Тертуллиан: "Верую, ибо абсурдно!"). А чудо, которое произрастает из иррациональных корней, находится вне досягаемости возможностей разума, и поэтому он должен отступить в бесплодных попытках его понять.

Но вера появляется не на стадии "потери" разума. Она зарождается в глубинах предсознания и к разуму, до поры до времени, никакого отношения не имеет. Ее бытие, и в состоянии возможного, и актуализированное, обусловлено только этим – оно не порождается разумом, не находится внутри него, и не замещает разум. Вера – вне разума!

Кьеркегор переоценивает защитные возможности абсурда и чуда, ибо в качестве оборонительного оружия они значительно уступают по мощи наступательному оружию разума – логике.

Сущность разума в познании. Ничто не в силах остановить его в стремлении познавать. И даже то, что лишено всякого основания для познания. Снова и снова разум штурмует бастионы не-

познаваемого. Вот и в нашем случае он с помощью логики атакует понятия "абсурд" и "чудо", пытаясь осмыслить и философски обосновать их принципы. И когда ему, хоть и в незначительной мере, это удастся, стены, защищающие веру, рушатся, и разум овладевает ею.

Результатом этого насилия является зачатие и рождение религии – нежеланного верой ребенка. Религия же обретает нелюбимую мать. Отца – разум, религия, напротив, почитает. Более того, без него она не может обойтись.

Гегель говорит: "...В философии религия получает свое оправдание от мыслящего сознания. Мышление есть абсолютный судья, перед которым содержание (религии) должно оправдать и объяснить себя..."

Показательно, что здесь Гегель, не разделяя понятия "вера" и "религия", очень точно описал отношение разума именно к религии, примат первого над второй. А экзистенциалисты, критикуя Гегеля за абсолютизацию разума и построение на этой основе абстрактной философской системы, где не нашлось места живому человеку с его в высшей степени экзистенциальным миром, напротив, расправляются с религией и возвеличивают веру. При этом, как и Гегель разум, они абсолютизируют абсурд, полагая, что вера, подобно религии в случае с разумом, подотчетна абсурду. В то время, как абсурд – всего лишь атрибут веры, всего лишь подчиненная целому часть...

Итак, подведем некоторые итоги:

Вера – проста. Это, скажем, Десять Заповедей Моисея, или Нагорная проповедь Иисуса Христа. Вера – интимна и сокровенна. Она глубоко экзистенциальна, ибо переживается и проживается внутри души верующего. Она – нетелеологична, то есть не имеет цели, кроме Б-га. Она со всей страстью воспаляет в душе сакральный огонь, который очищает душу от временного и делает ее бессмертной и бесконечной. Она – вне разума.

Когда Иисус в Нагорной проповеди говорит: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное" (От Матф. 5:3), то он имеет в виду не нищету духа, в смысле его опрощения, а отказ от разума в пользу веры. Это подтверждается и в эпизоде с хождением по водам Кинерета: повинувшись призыву Иисуса – иди! – Петр, подхваченный небывалой энергией веры, пошел по воде. Но вмешательство разума, который в соответствии с внешними обстоятельствами – штормом на Кинерете, породил боязнь и сомнение в возможности, видевшейся как абсурдная, идти по воде.

И ветер веры, наполнявший "паруса" души Петра, мгновенно иссяк. Неверие вновь возвратило телу апостола вес, а земное тяготение камнем потащило его на дно. Петр безотчетно верил, а усомнился враг веры – его разум...

Религия, в отличие от веры, телеологична. Ее цели – не в бесконечных просторах Царства небесного. Она больше заинтересована в царстве земном. Она конкурирует со светской властью. Религия – империалистична. Ее стремление к расширению не знает границ. Для того чтобы добиться поставленных целей, религия создает очень жесткие, тоталитарные духовно-политические структуры с вертикалью власти. Религия нетерпима к инакомыслию. И в то время, как вера одаривает души свободой, религия их порабощает, заковывая в цепи догматов. Религия необычайно агрессивна и при любых условиях готова отстаивать свои интересы: духовные, политические, экономические с оружием в руках. Преследуя эти земные интересы, религия теряет Б-га.

Ныне религия является одним из самых опасных вызовов человечеству, ибо она развязала против него самую настоящую войну. Обычно полагают, что это война цивилизаций или культур. Нет, это война религий за сферы влияния или, если говорить об исламе, за мировое господство. Религия отбрасывает человечество в эпоху средневековья. Но если в то время человечество с большими потерями, но все же выдержало сопротивление религий, то теперь, при наличии оружия массового поражения, ему грозят самые непредсказуемые последствия.

Прогноз: рано или поздно людям придется отказаться от религии. А что же останется? Останется единая вера в единого Творца!..

На вопрос же: народ или нация? – отвечу так: и народ, и нация. А еще и семья, и община. Ни одно из этих понятий еврейская нация не зачеркивает. Наоборот, она их объединяет и... оберегает в едином еврейском государстве.

Иосиф Букенгольц

ПЕЧАЛЬ ЖИЗНИ

Когда же предаваться печали, как не на исходе субботы, под просыпающийся на улицах говор и нарастающий шелест проснувшихся колес, когда размеренный семеричный цикл становится реально ощутимым, и полусонный вдох дня первого, слегка задержавшись на пике середины недели, плавно стекает выдохом к концу дня седьмого. Когда суббота уже ушла, а новый день еще не наступил.

Томительная пауза на выдохе. Время небытия.

Как верстовые столбы в легкомысленном течении дороги возвращают к осознанию реальности движения, к невозвратности пролетевших за окном километров, так и эти паузы на исходе недели превращают незримое движение времени в осязаемый поток.

Коварное подсознание, словно воспользовавшись беспомощностью недыхания, оживляет давно забытые страхи, неизжитые обиды. Обретающие плоть призраки с готовностью выползают из потаенных углов.

Ваш выход, маэстро Фрейд! Рассыпьте, разложите, развесьте передо мной полифонию комплексов, поговорим о порочности вытеснения, о пользе сублимации, помечтаем о катарсисе, расшифруем сновидения и оговорки, спотыкаясь о либидо, как о стоящий на проходе сундук.

С Вами, высокочтимый Юнг, мы посмотрим на мерцающий внизу ночной Иерусалим и с грустью вспомним об архетипах и коллективном бессознательном.

После непродолжительного холотропного дыхания, с Вами, уважаемый Гроф, мы снова насладимся созерцанием красоты и логичности перинатальных матриц, с любопытством примеряя их на себя, как костюмы драматических персонажей.

Уважаемые мэтры! Растолкуйте мне, почему все сказанное вами не объясняет некую странную тенденцию ваших блистательных теоретических построений, лежащую, по-моему, на поверхности: почему с такой же легкостью, как разрушительные, не формируются положительно влияющие комплексы, не составляются созидающе действующие матрицы. Будто внутренний мир человека представляет собой комфортную территорию только для разного рода деструктивных влияний, которые, как на питательной почве, распускаются в нем пышными цветами комплексов и фобий.

Подсознание как бы изначально предрасположено к тому, чтобы с готовностью принять, сохранить и бережно лелеять привносимые извне искажения, чтобы потом при первом же удобном случае, с такой же готовностью ткнуть нам ими в лицо, как Ваньке Жукову селедкой. Предрасположенность эта рождается вместе с нами, в первый миг воплощения, в то благословенное Всевышним мгновение, когда душа поселяется в только что оплодотворенную яйцеклетку.

Я не могу назвать ее иначе, как печаль жизни.

Она становится ощутимой, когда мы однажды натываемся на жесткие рамки Пространства и Времени, неумолимо ограничивающие существование нашей хрупкой физической оболочки.

Это – необходимость занимать, а иногда и отвоевывать некое трехмерное место, ощущать удаленность, незначительность в огромности Вселенной.

Это – неотвратимая цепь причинно-следственных связей между событиями и поступками, составляющими затейливую мозаику жизни. Призрачное, вечно ускользающее настоящее, безвозвратно, безвозвратно уходящее прошлое, тревожное ожидание будущего. Разве не здесь кроется источник всех известных психологических катаклизмов? Трагедия изгнания из Рая – водворение в темницу пространственно-временных зависимостей.

При всем уважении к материализму и некоторой моей личной симпатии к отдельным его приверженцам, невыносимо согласиться с тем, что феномен жизни, и в особенности жизни человека – не более чем ограниченное во времени физическое явление. Ведь тогда этот феномен напрочь лишается всяческого смысла, а логические попытки его отыскания уводят в трескучую беспросветную демагогию, иногда смешную, иногда ужасающую.

Несравненно приятней думать, что брэнное тело выступает пусть временным, но необходимым инструментом бессмертной, динамически развивающейся структуры – души, обретающей эту

оболочку в соответствии с наверняка грандиозными замыслами структуры всеобъемлющей, которую не важно, как называть – Мировым Разумом, Мировой Душой или Всевышним. Подобная картина мира, мало того что гораздо более оптимистична, но и наделяет жизнь конкретного человека глубоким, можно сказать, космическим значением, поиск которого, в отличие от игры слов "смысл жизни в поиске смысла и ненахождении его", достойное, по крайней мере, занятие для каждого, будь-то мистик или бухгалтер, агностик или слесарь.

– Человек вошел в мир бесшумно, – произнес однажды Тейяр де Шарден.

Так бесшумно выстраивается мизансцена, которая потом, по замыслу невидимого Режиссера, разворачивается в трагикомическое действие. Желание сотворить Мир, вытолкнуть на его ограниченную пространством и временем сцену меня, содеянного по Образу и Подобию и облеченного при этом призрачной свободой выбора, неизменно рождает во мне еретическое предположение, что таким образом Господь пытается разрешить свой собственный, недоступный для человеческого разума внутренний конфликт. Иначе, для чего же было затевать все это.

Вооруженный или обремененный рефлексией, я вынужден нести в себе зеркальное повторение противоречий, заботящих Творца. Я, одетый в трепетную плоть божеский воин, сам же являющийся собой арену баталии. С ненаучностью моей интуиции, необоснованностью моих предчувствий, недоказательностью моих ощущений, нелогичностью моих мыслей и непредсказуемостью моих поступков.

Наказание это или избранность – неустанно погружать руки в благословенный навоз грубой материи в поисках драгоценных песчинок духа?

Так безвестный раб надрывает силы на строительстве великих пирамид, заоблачное назначение которых ему никогда не постичь.

Эдуард Бормашенко

О РАЗУМЕ, ЧУВСТВЕ И ВЕРЕ

"Геологическая история показывает нам, что жизнь есть лишь беглый эпизод между двумя вечностями смерти, и что в этом эпизоде прошедшая и будущая длительность сознательной мысли – не более, как мгновение. Мысль – только вспышка света посреди долгой ночи. Но эта вспышка – все". Этой поразительной по красоте и сжатости фразой заканчивает свою книгу "Ценность науки" Анри Пуанкаре, в ней – суть эпохи науки. Конечно, Пуанкаре – наследник Декарта и на свой лад переиначивает "мыслью – следовательно, существую". Для Пуанкаре и Декарта мысль – все. Но до наступления эпохи науки всем была вера, и существовать означало верить. А со времен Руссо, в Европе утвердилось воззрение, что существуешь, лишь чувствуя, и всего превыше – чувствительное сердце. Лишь горсточка людей согласится, что мысль – есть все. Эта горсточка за два столетия изменила и земной шар, и нашу жизнь до неузнаваемости. Но, освободив "золотой миллиард" от тяжелого труда, она создала новый Запад, в котором развлечение – все, и "существовать" равносильно "развлекаться". Развлечение легко победило и мысль, и веру и чувства. Наука на глазах уползает на восток, в Китай, Индию и Японию.

* * *

Рабби Нахман из Брацлава говорил, что человек подобен висельнику, которого мчит на казнь повозка, запряженная двумя лошадьми; имя им – "день" и "ночь". И как быстро, как споро они несутся. Сходство с мыслью Пуанкаре – разительно, напрашивающийся вывод – за жизнь нужно что-то успеть. Но вот что? Ответ определяет все.

* * *

В науке надобно веровать и чувствовать, что "мысль – есть все". Ученый – тот, кто так верит и чувствует. Но люди верят и

чувствуют и по-другому, и главным образом по-другому. Тем, с кем я молюсь в синагоге, мне не удалось бы объяснить, отчего мне так интересно то, чем я занимаюсь в своей лаборатории. А если бы я взялся это объяснять, посмотрели бы на меня как на сумасшедшего. Среднему человеку с улицы мне тоже не удалось бы этого объяснить, подавляющее большинство двуногих начисто лишено любознательности. Но это – не ново, так было всегда. Ново иное: мне не удалось бы это растолковать и громадному большинству коллег-ученых (у которых недостаток любознательности должен бы свидетельствовать о профнепригодности). Тому много причин, среди них и специализация знания, и безбрежный его рост, и превращение науки из аристократического хобби в массовую профессию. Так или иначе, если сегодня научная конференция не замкнута на очень узкий круг вопросов – она обречена, аудитория быстро погрузится в нездоровый, беспокойный, прерываемый занудой-докладчиком сон.

* * *

Итак, моя лабораторная деятельность интересна дюжине специалистов, через пять (в лучшем случае) лет мои статьи забудут напрочь. Зачем же я мчусь поутру в лабораторию? Да просто потому, что я не могу не придумывать опыты, они доставляют мне огромное наслаждение.

Рав Штейнзальц рассказывает очаровательную историю о старом скряге, женившемся на молоденькой девушке. Друзья попытались его образумить: неужели ты не понимаешь, что она выходит замуж не за тебя, а за твои деньги? "Да, конечно, понимаю, – ответил скупердяй, – но, видите ли, я столько лет копил эти деньги, что они уже неотличимы от меня самого, мое "я" и есть деньги". У настоящего ученого наука становится его сущностью. Ученых часто попрекают экзистенциальным вакуумом и советуют заполнить этот вакуум духовным содержанием. Это совет столь же нелеп, сколь и попытка образумить старого скрягу. Для богача его "я" – его деньги, для ученого – его наука.

* * *

Все это было глубоко продумано и прочувствовано Эйнштейном. Вот что он пишет в своей творческой автобиографии: "Еще будучи довольно скороспелым молодым человеком, я живо осознал ничтожество тех надежд и стремлений, которые гонят сквозь жизнь большинство людей, не давая им отдыха. Скоро я увидел

и жестокость этой гонки, которая, впрочем, в то время прикрывалась тщательнее, чем теперь, лицемерием и красивыми словами. Каждый вынуждался существованием своего желудка к участию в этой гонке. Участие это могло привести к удовлетворению желудка, но никак не к удовлетворению всего человека как мыслящего и чувствующего существа". Да, конечно, наука позволяет прикрыться неведением жизни от ее жестокости. Есть и другая порода людей, пытающихся свернуть жестокость жизни в бараний рог, изменив мир. Это – революционеры. Обычным результатом их деятельности является изничтожение ростков доброты и милосердия, кое-где пробивавшихся на свет до революций. Есть и третьи, убежденные в том, что лишь изменив себя, можно смягчить (нет-нет, не устранить) жестокость и бессмысленность жизни. Это – подлинно религиозные натуры.

* * *

Эйнштейн полагал, что три основные причины приводят людей в науку. Первые смотрят на науку как на интеллектуальный спорт, дающий возможность удовлетворить честолюбие, другие идут в науку "на заработки", а третьи сбегают от ужаса жизни в мир "объективного видения и понимания". Именно последних, "людей с тонкими душевными струнами", Эйнштейн и почитал Учеными. Правда же состоит в том, что в каждом из нас эти типологии намешаны в разной пропорции. Правда еще и в том, что те, для кого спорт и заработки науки второстепенны – по преимуществу несчастны (об этом чеховская "Скучная история"). Несчастливы, потому что побег от жизни все-таки не удастся, и потому что душевные струны – тонки. В общем,

"Плохо, ежели мир вовне изучен
тем, кто внутри измучен".
И.Бродский

* * *

Науке за последнее время удалось потеснить и веру, и чувства. Не в последнюю очередь потому, что разум научился накапливать и передавать свои достижения. А как передать веру? Иудаизму удалось выжить, оттого что в нем образ жизни и вера слиты воедино. Образ жизни транслировать можно. Непросто, но можно, сознательные усилия мудрецов многих поколений обеспечили эту передачу.

Преуспевание науки, освоившей громадные площади (пока) неживой природы, в некотором смысле иллюзорно. Ибо акт познания во всей полноте совершается здесь и сейчас, никто за тебя ничего не подумает ровно в той же мере, в какой за тебя никто не почувствует. И никакие накопленные человечеством знания не побудят тебя мыслить. И вовсе неизвестно, удастся ли науке передавать страсть к познанию. Воля к познанию независима от суммы накопленных знаний. У меня на глазах обратилась в прах советская наука, исчез целый слой людей, для которых мысль была – все. Механизмы передачи воли к познанию не разработаны, может быть, они и не существуют.

* * *

А. Пуанкаре, отстаивая достоинство науки, выбирает серьезного противника – Толстого. "Граф Толстой где-то объясняет, почему "наука для науки" в его глазах представляется идеей, лишенной смысла. Мы не можем знать всех фактов, ибо число их действительности безгранично. Необходимо, следовательно, делать между ними выбор. Можем ли мы руководствоваться при производстве этого выбора исключительно капризами нашего любопытства? Не лучше ли руководствоваться нашими нуждами, практическими, и в особенности моральными?" ("Наука и метод") Пуанкаре понимает, что отмахнуться от толстовского презрения к науке – непросто. Но заключает так: "Я не желал бы... демократии, среди которой жили бы мудрецы, лишенные любознательности, люди, которые, избегая всякого излишества, не умирали бы от болезни, но наверняка погибали бы от скуки".

"Мудрецы, лишенные любознательности..." С литературным мастерством, не уступающим толстовскому, Пуанкаре превосходно формулирует проблему: мудрость и любознательность оказываются расцепленными. Мудрец понимает, что мир – непознаваем, горизонт знания будет непрерывно убегать, а коли так, и гнаться за ним не стоит. На человека, усомнившегося в законах Ньютона, сто пятьдесят лет тому назад посмотрели бы, как на умалишенного. Сегодня так же смотрят на невежду, не принимающего теорию относительности и квантовую механику. Толстовские мудрецы ласково нашептывают: всего знать нельзя, все теории, в конце концов, будут опровергнуты, зачем же эта безумная гонка за заведомо недостижимым знанием, зачем эта нервная, беспокойная, на пределе сил жизнь "в науке", от которой через полдюжины лет не останется и следа? Пуанкаре отвечает – иная жизнь

мне не интересна, скучна. Это честный и очень страшный ответ, могучим импульсом к научному знанию оказывается скука.

К скуке следует относиться уважительно, скука – это человеческое, очень человеческое. Оттого что молодым людям скучно, ведутся войны. Никогда не скучно примитивному животному. В.Ф.Турчин заметил, что высшие животные играют, кошка гоняется за бантиком, привязанным к ниточке, прекрасно отличая бантик от мышки. Игра – шаг по направлению к человеку. Соблазнительно приравнять науку к преферансу, раз и то и другое разгоняет сплин. Без веры в то, что наука больше чем развлечение, обойтись трудно.

* * *

Дзен-буддизм, с легкостью покоривший Запад, предлагает "освобождение от всякого беспокойства или, лучше сказать, от рассуждающего разума, как источника беспокойства и комплексов" (У.Эко "Дзен и Запад"). Платоновский идеал абсолютного знания оказался недостижим. Недостижим даже в математике, "вечных законов" не обнаружилось нигде. Зуд исследования гонит ученых все дальше. Освободиться от внутреннего раздражения, питающего науку – можно, но только расставшись с самим познающим разумом; тут Эко прав. Многие скажут (и с ними Толстой) – невелика потеря. С адептами "дзен" и толстовцами и самый спор – невозможен. Им и успевать за жизнь ничего не нужно. Все усложняющаяся, бешеная современная жизнь будет плодить опроценцев во множестве, предсказывать здесь – несложно.

* * *

Говоря о разуме, мы зачастую подразумеваем деятельность головного мозга. На самом же деле в познании принимает участие все тело, все органы чувств. Ребенок, облизывая и обнюхивая игрушку, дергая за тесемочку, привязанную к коляске, формирует разум не в меньшей (а может быть, и в большей) степени, нежели студент, уткнувшийся в персональный компьютер. Человек мыслит всем телом, волнуемый запах, запустив неведомые механизмы мышления, может поднять со дна подсознания ключ к математической теореме. Серотонин, отвечающий за наше эмоциональное состояние, вырабатывается на периферии тела, в том числе и в кишечнике; так что и чувства и разум безразличны к деятельности кишечника. Наши мудрецы, например, вместилищем совести полагали почки. Разум человека принципиально отличен от компьютерного, именно потому, что мы мыслим телом.

Разум, вера и чувства слитны в моем потеющем и переваривающем обед теле. Эта мысль глубоко продумана хасидизмом.

Биологи говорят, что клеточный состав тела обновляется каждые семь лет. Удивляться следует не тому, что наши суждения меняются со временем, а тому, что они остаются сколь-нибудь постоянными.

* * *

Тот, кто *увидел* дерево, *услышал* адажио Альбинони, испытал страх Б-жий, прочитал Козлет, "Рассуждение о методе" Декарта и "Войну и мир" и понял общую теорию относительности, уже знает все. Но и Б-г и дьявол в деталях, и детали нам интересны.

* * *

Наука добивается все более однозначного понимания слов, и чем тверже наука изгоняет двусмысленности и нечеткости, тем она успешнее. Так, теория относительности навела порядок в употреблении слова "одновременно". Искусство, напротив, тем интереснее, чем менее одно однозначно, чем больше пространства оно оставляет для интерпретаций и "вчитывания" смысла.

Единство познания обеспечивается не единством его методов, а тем, что оно происходит во мне. Источник же этого единства находится вне нас, и как полагал Г.Вейль этот же источник порождает феномен свободы. Познание и свобода – одно. Ничто и никто не заставляет меня продумать вот эту мысль, на которой я сосредоточен сейчас.

* * *

Никто сильнее ученых не чувствует непознаваемость мира. Самое ужасное, что нам не дано знать, упорядочен мир или хаотичен. Спиноза писал: "Никому не известны причины всех вещей, чтобы судить есть ли в природе действительно беспорядок". Это сказано за триста лет до торжества квантовой механики.

* * *

Мы разобрали строение атома и галактик, но будущее остается для нас непроницаемым. Нам не дано знать, что с нами произойдет в следующую минуту. С гнусенькой улыбкой и явным удовольствием нам сообщает об этом Воланд: "... Только что человек соберется в Кисловодск... пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может..." Это воистину дьявольский,

убийственный аргумент, обесценивающий всякое познание. Мрак будущего своей непроницаемостью сравним лишь со мраком смерти, смерть и будущее – близкие родственники. О будущем нам достоверно известно лишь то, что мы все умрем. Этот мрак рассеивает лишь свет веры. Всему остальному он не доступен.

* * *

Переход от неверия к вере – смена жизненного масштаба. Опасность, связанную с этой сменой, не следует недооценивать. Человек начинает плохо видеть в мелком масштабе, попросту перестает замечать происходящее у него под носом.

* * *

Обращение к вере, как правило, сопряжено с еще одной потерей, утрачивается чувство юмора. Это – жаль, без чувства юмора нет познания. Талмуд полон остроумия.

* * *

Религия – форма, рамка, в которой может реализоваться добро. Вне этой рамки слишком уж часто усилия проваливаются в затор между желанием добра и результатами нашей деятельности: "хотели, как лучше, а вышло, как всегда". Кто ж не хочет добра? Но без того, чтобы договориться о том, что есть добро, без возникновения самосогласованного поля представлений о нравственном, все наши усилия обречены оставаться маховым колесом, вращающимся вхолостую (оттого толстовство – обречено, выдумать религию не может даже гений).

В этом религия схожа с кантовскими формами познания – пространством и временем. Но в той же мере, в какой пространство и время сами по себе не обеспечивают познания, религия сама по себе не гарантирует нравственности. Это было прекрасно известно еврейским мудрецам, есть и адекватный термин "мерзавец с позволения Торы".

* * *

Интеллектуалам зачастую претит ритуал, тяготят обряды. Между тем, потребность в ритуале – духовная потребность человека. Ритуалом человек прикрывается от беснующегося хаоса жизни.

* * *

М.Алданов говорил о том, что большинство людей рождаются в одной вере и в ней же и умирают (так оно и было еще во време-

на Алданова). Это не делает большой чести уму верующих, но делает большую честь их сердцу. Так ли? Возможно ли здесь отделить ум от чувства? Веру не выбирают, как ботинки. Это внятно и уму.

* * *

Сегодня перед религией стоит небывалый вызов – ей противостоит не атеист, а человек развлекающийся, готовый и саму религию превратить в развлечение.

**НОВАЯ КНИГА
АЛЕКСАНДРА ВОРОНЕЛЯ
«ТАЙНА АССАСИНОВ»**

**Центральная идея книги:
цивилизации могут быть несовместимы.**

**У «политкорректности» есть предел,
за которым она превращается в средство разрушения,
в необратимый путь ко всеобщей аннигиляции.**

Предисловие Эдуарда Бормашенко.

Изд-во «Феникс-Неоглори», 2008, 523 страницы.

Цена 80 шек.

Книгу можно купить через журнал «22».

Тел. 050-90-80-348

СУДЬБЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Михаил Копелиович

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ МАЙИ КАГАНСКОЙ

Умерла Майя Каганская, литературовед, культуролог, мыслитель. Мощный профессионал и – вольный стрелок. Всегда вольный. Презирающий все насильственное. Обе выделенных дефиниции принадлежат Майе. "Вольные мысли" – так называется ее большое эссе, опубликованное в двух выпусках еженедельника "Окна" в апреле 1996 года, то есть ровно за пятнадцать лет до смерти писательницы. А слово "насильственный", наряду с другими: "волен", "собственный", "навязанный", – ключевое в ее послесловии "Смерть поэта" к однотомнику стихов и прозы Ильи Рубина "Оглянись в слезах" (Иерусалим, 1977), написанном еще двумя десятилетиями ранее.

Эти слова появляются в очень характерном для М.Каганской и сегодня воспринимаемом как пророчество контексте:

"Человек не только волен жить собственной жизнью – он и умирать должен собственной смертью.

"Собственной" не обязательно означает естественной. И естественная смерть, когда твое же тело тебя подвело, выдало, предало, – насильственна.

Но даже насильственная смерть бывает "своей", сопричастной, родственной жизни, а бывает и чужой, навязанной".

Что есть своя и что чужая, на нетривиальный взгляд автора, скажу ниже.

Сейчас мне хочется определить две главные особенности дискурса, реализованного М.Каганской в ее текстах независимо от того, к какому роду эссеистики они принадлежали, – страстность и полемичность.

По поводу полемичности есть прямое признание самой писательницы, содержащееся в интервью, которое она дала Александру Гольдштейну, также, увы, уже покойному ("Окна", октябрь

1994): "... Для меня полемика – из всех видов диалога – самый естественный. Это единственная ситуация, в которой я могу нечто сказать, быть услышанной и вызвать негативную реакцию – на такой тип реакции я сейчас больше всего рассчитываю".

Ну, а где полемичность, там, конечно, и страстность. Порой Каганская прямо провоцирует читателей на нелицеприятную реакцию, вплоть до однозначно негативной. Недаром журнал "22" (№ 101, 1996), опубликовавший два развернутых отклика на ее "Вольные мысли" (один из них – мой), на обложке определил этот блок материалов как "страсти вокруг Майи Каганской".

Что ж, в своей статье я полемизировал с некоторыми постулатами Каганской, касающимися понятийной цепочки: жизнь – выживание – смерть. Но при этом, во-первых, полностью солидаризировался с содержащимся в ее эссе актуальным политическим комментарием (об этом речь впереди) и, во-вторых, счел своим долгом выразить эссеистке искреннюю благодарность за то, что ее концепция послужила центром кристаллизации моих собственных размышлений, до появления "Вольных мыслей" неорганизованно вихрившихся под моей черепной коробкой. Не знаю, прочитала ли Майя мои заметки, но если даже и не сочла их достойными дальнейшей полемики, должна была признать, что я в точности ответил на ее вызов – быть услышанной и вызвать... не то чтобы негативную, но полемическую реакцию.

Впрочем, случилось мне и целиком негативно откликнуться на один текст Каганской – посвященный проблемам алии-90 из СССР-СНГ (и самой алии, и Израиля при его "соударении" с нею), – он был помещен осенью 1992 года в ежеквартальнике "Страницы" Института Ван-Лир (Иерусалим). Меня, принадлежащего к этой волне репатриации, очень обидели и оттолкнули представления автора о физиономии "сборного" репатрианта-90, на мой взгляд, далекие от действительности. В глазах Каганской образца 1992 года это высоколобый культуroman, для которого "желательная норма – это как раз аутсайдерство, неприкаянность, непричастность... Отщепенство – это честь, достоинство, избранность, которые ни в коем случае нельзя продать за чечевичную похлебку причастности. Ибо причастность – это скука, однообразие, принуждение и нивелировка". В том же эссе Каганская изобрела такое "пугало", как фанатизм культуры. Вот, в самом сжатом виде, суть ее концепции: "Русские евреи, точно так же как в свое время выходцы из восточных общин, предлагают свой абсолют, свою высшую ценность, свою религию. Их религия называется культура. Израильяне стал-

киваются сегодня с совершенно неизвестным и непонятным им видом религиозного фанатизма – фанатизмом культуры".

Короче говоря, в ту пору Каганская склонялась к выводу о преимущественно негативном влиянии выходцев из России на интеллектуальную жизнь, как она сформировалась в Израиле за его короткую, но бурную историю.

И вот фраза, особенно меня уязвившая: "Русские евреи хотят от Израиля не новой причастности, а старого отщепенства, тех привилегий, которые у них экспроприировала горбачевская революция".

Я запальчиво возражал публицистке (на полосах нью-йоркского "Нового русского слова") в том смысле, что никаких таких отрицательных (не говоря уже о "положительных") привилегий я лично никогда не имел, – стало быть, и нечего было у меня экспроприировать. И тем более не помышлял я о продолжении в Израиле какого-то старого отщепенства. Напротив, я очень хотел найти себя и свое место в новой стране, алкал как раз новой причастности. Обрел ли я ее – это вопрос, разбираться в котором здесь не место.

К чести М.Каганской, уже спустя два года, в упоминавшемся интервью А.Гольдштейну, она во многом пересмотрела свои взгляды двухгодичной давности. Цитирую: "... Единственный тип человека, который по сей день мне близок и вызывает у меня любопытство, – это русские евреи. При этом мне совершенно безразлично, в каком году их сюда занесло. Это единственные люди, с которыми я могу говорить, чтобы быть услышанной, и которых мне самой интересно услышать. Более того, мои представления изменились коренным и печальным для меня образом: если еще два-три года тому назад любой разговор о русскоязычной культуре в Израиле казался мне чудовищным, невозможным, и речь, на мой взгляд, должна была идти исключительно об интеграционных процессах, о пересечении и контактах с культурой израильской, то в нынешней ситуации я приветствую любое самоструктурирование русско-еврейской общины". Думаю, дело не столько в изменении ситуации, сколько в том, что прежние страхи и предубеждения писательницы оказались неоправданными.

Перейду к литературоведческим студиям Майи Каганской. Я возьму три ее работы, созданные в разное время. Это, во-первых, все то же эссе "Смерть поэта" (1977). И это, во-вторых и в-третьих, большие статьи о творчестве Е.Замятина ("Окна", октябрь

1994, два номера; интервью она дала как раз по случаю публикации данного текста) и М.Булгакова ("Окна", декабрь 2002 – январь 2003, три номера).

Еще в той жизни, в 1988 году, по заказу журнала "Литературное обозрение" (Москва) я написал обзор критических разделов ленинградских литературных журналов (опубликован в № 12 за указанный год). Я распределил комментируемый материал по трем рубрикам: "Никакая критика", "Деловая критика" и "Критика собственной персоной" (самый небольшой по объему). Позволю себе одну цитату из старой статьи:

"...Ведь критика – и сама по себе род литературы. Ища в потоке прозы или поэзии, или публицистики (да и своей сестры – критики) произведения, на которых лежит печать подлинной одаренности, мы не хотим ударить в грязь лицом перед найденными высокими образцами, хотим, чтобы наше слово вступило в неформальные, экзистенциальные отношения со словом нашего избранника, чтобы своим грубым, неумелым прикосновением не нарушить волшебный узор на крылышке живого чуда художества".

Для меня несомненно, что выбранные мною литературно-критические опусы М.Каганской суть лучшие образцы критики собственной персоной. Вот уж где слово критика вступает в поистине экзистенциальные отношения со словом избранника критика, причем происходит это на всех уровнях текста – от сугубо лексического до мировоззренческого.

Что касается И.Рубина, торжественную тональность посвященного ему эссе во многом определил факт трагической – притом ранней – смерти выдающегося поэта, он же "свой брат" – эссеист. Это реквием, но реквием, состоящий не из одних поминальных суперлативов, собственно, почти без них обходящийся. Согласно представлениям Пушкина, проза (в том числе, полагаю, и критическая) "требуется мыслей и мыслей, без них блестящие выражения ни к чему не служат". Этому требованию целиком удовлетворяет "Смерть поэта" Майи Каганской.

Творчество Рубина, очень близкого ей и по проблематике, и по судьбе (оба – репатрианты одного "призыва", прибывшие в Израиль по убеждению, а не по принуждению) литератора, вдохновило Каганскую на глубокие общие размышления о жизни и смерти, свободе и насилии, миссии поэзии и степени ее автономности от отражающихся в ней, хотим мы того или не хотим, жизненных реалий.

В немногих словах Каганской удалось сказать много и о поэзии Рубина, и об его (не только его) специфически еврейской

любви к России, и о самой России, и об Израиле. У меня нет возможности, как бы этого ни хотелось, подробно останавливаться на всех этих материях и щедро цитировать эссе. Но если совсем обойтись без цитат, меня могут упрекнуть в голословности и приписывании анализируемому автору собственных мыслей.

Итак, о поэзии Рубина, точнее, об ее бытийном контексте:

"... Стихи Ильи Рубина могут быть по справедливости оценены лишь в контексте темной и запутанной стилистики русской жизни минувших 10-15 лет (то есть 60-70-х годов XX века. — М.К.), в памятной конкретности ее хитросплетений, непрочных реставраций культурных традиций и яростной бесповоротности провалов; в незабвенном уюте интеллигентского отщепенства (вот здесь понятие отщепенства на месте! — М.К.), в поэтике ночных бдений с водкой, чаем и стихами, в скудости домашнего быта и роскоши домашних библиотек, папиросном шуршании "самиздата" и обмирании от поздних или неожиданных звонков в дверь — словом, во всем том, что, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к ценности самих стихов и даже как бы и не "отражено" в них".

Превосходна эта поэтика ночных бдений! И установление взаимосвязи между той жизнью, где всего хватало: и скудости быта, и роскоши библиотек, и шуршания самиздата, и обмирания от неожиданных звонков в дверь, — и стихами, выросшими из этого "сора" окружающей действительности, который в них (стихах) даже как бы и не отражается. Подчеркнутые мною оговорки и обиняки исчерпывающе выражают особенности взаимодействия лирической поэзии с прозаической реальностью и демонстрируют диалектику отражения одной в другой при сохранении автономности поэзии.

И еще одна цитата: "... Читая стихи Ильи Рубина, невозможно представить себе, как он мог уехать из России, как мог расстаться с ней. Наверно, так любить Россию способен только русский еврей: русские по происхождению, а не по культуре, как-то спокойнее, благообразней, вальяжней в своем чувстве к ней. Они — мужья при норовистой жене, а не отвергнутые влюбленные". Мне так легли на душу эти превосходные метафоры и аналогии, что свою статью о творчестве Рубина я назвал "Отвергнутый влюбленный" и начал ее с последней цитаты...

Большие эссе о Замятине и Булгакове представляют собой: первое — предисловие к ивритскому переводу сочинений писателя, второе — послесловие к сходному изданию повести "Собачье сердце". Первое называется "Я, мы и вы Евгения Замятина", второе — "Операция на открытом сердце, или Анатомия мозга".

Работа о Замятине сильна содержательным переплетением размышлений о судьбе прозаика и разборов его произведений. Она начинается с информации о том, что, помимо книг прозы и пьес, после Замятина в мире остались также... шесть ледоколов. То есть он был не только писателем, но инженером-судостроителем. Это позволяет критику, с одной стороны, углубиться в вопрос о том, кто из русских классиков XIX века кормился только литературой (получается, что почти никто; "в чистом виде" один Достоевский), а с другой – сравнивать самое "замятинскую прозу со спущенным на воду кораблем: не похож он ни на чертеж, по которому построен, ни на материал, из которого отлит. Он – сам по себе, а главное – плывет, чего ни чертежу, ни металлу не дано: один намокнет, другой потонет".

Но и это еще не все. Наличие у Замятина "гражданской" профессии наводит автора эссе на размышления о том, что она, вторая профессия, вырабатывает у незаурядного писателя "особый взгляд на человека, мир и вещи", является дополнительным источником "метафизических и сюжетных доходов". (Стоит обратить внимание на эти самые доходы, – они, как я полагаю, произросли из ходов; замена отменная!)

И даже этим не исчерпывается вклад второй профессии в творческий багаж Замятина. "От кораблестроения и вообще инженерного дела Замятин взял проект, чертеж, схему... Он – самый технологичный, самый "рационализаторский" из русских авторов. Не выдумщик, а – изобретатель".

М.Каганская, естественно, уделяет много места разбору самого знаменитого замятинского романа – антиутопии "Мы". И тут проведен тот же принцип: не просто дойти до самой сути творческого создания, но и полакомиться приключениями этой сути в специальных исследованиях – как литературоведческих, так и социологических. "...С чего это вообще решили, что "Мы" – антикоммунистическая утопия?" Ну да, роман писался в советской России, – данный объект находился от писателя "на расстоянии вытянутого пальца". "Но дело в том, что в 1920 году никакого тоталитарного коммунистического режима в России не было и в помине. Не был даже решен исход гражданской войны..."

Так что же такое "Мы"?... Вопреки общепринятому мнению, тоталитарное общество в советской России возникло раньше, чем заявила о себе и укрепилась тоталитарная власть. Интеллектуальный террор предшествовал политическому". И несколько ниже: "...На Западе коммунистическую диктатуру часто определяют как

утопию у власти. Более искушенные в собственной истории русские называют ее литературой у власти. Правда еще гротескней: у власти была литературная критика".

Признаться, этот парадоксальный вывод меня немало озадачил и смутил. Как критика? Что за критика? Но, знакомясь с аргументацией Каганской, которую не шокировало безоговорочное осуждение собственной любимой профессии, я постепенно все больше и больше отступал со своих оборонительных позиций, ибо... Ибо, как (к примеру) расценивать цитируемое эссеисткой ЦУ ("ценное указание") одного из столпов критики 20-х годов Л.Авербаха (впоследствии расстрелянного, но не за свои критические "фокусы"): "...Молочная кооперация будет темой художественного произведения, потому что она является делом социальной практики новой эпохи"? В последующие годы молочная кооперация уступит место фабрике по выработке дешевой колбасы для трудящихся, а еще немного погодя – колхозу, как высшей форме сельскохозяйственного производства...

Очень любопытны в статье о Замятине расшифровки имен ("номеров") главных героев "Мы", а также объяснение названия романа как... литературной цитаты. Но тут я, пожалуй, остановлюсь и порекомендую читателям найти эту блестящую импровизацию М.Каганской и самим внимательно ее прочитать. Не исключено, что у кого-то ее выкладки вызовут негативную реакцию, но ведь это как раз то, на что больше всего и рассчитывала писательница (см. выше выписки из ее интервью А.Гольдштейну, предваряющее публикацию эссе в "Окнах").

Загадок и отгадок немало и в работе о Булгакове. Вот только одна из них: "страшная тайна гражданки Вяземской". Внимание исследовательницы привлекла фамилия этой гражданки из компании Швондера. "Вяземские – одна из древнейших аристократических фамилий, притом фамилия княжеская. Других Вяземских на Руси не случается". Кто его знает? Ведь и Гагарин – фамилия княжеская, и, помнится, полвека назад были разные толки на этот счет. Однако известно же, что наш Гагарин происходил из простой среды и вряд ли находился даже в самых отдаленных отношениях с княжеским родом. Независимо от того, справедлива ли догадка Каганской, необыкновенно увлекательно ее дальнейшее развитие в эссе: как она по ходу дискурса облекается плотью и кровью.

Автор всматривается в самые микроскопические подробности основополагающего булгаковского текста ("Собачье сердце"). Там, как, может быть, помнит читатель, сказано: "– Я женщина, – при-

знался персиковый юноша..." Это и была Вяземская. А Каганская по этому поводу задается вопросом: так "наша княжна еще и "персиковая", а это откуда? Или куда? "Персиковая", понятно, от "персика". Значит, у нее дивная кожа лица, шелковистая и смуглая; аристократка, что ни говори". Но и это не конец фруктовой истории.

Каганская продолжает изыскивать все новые "улики":

"С другой стороны, из слова "персик", как косточка из мякоти, вываливается его корешок – слово "перс", – нация такая. А чтобы не было на этот счет никаких сомнений, профессор Преображенский несколькими строками раньше расстилает перед читателем подсказку: "...все ковры в доме у меня персидские..."

Но, неосторожно ступив на персидский ковер, русская княжна Вяземская мгновенно превращается в анонимную персидскую княжну, о чьей плачевной судьбе повествует одна из самых популярных русских песен "Из-за острова на стрежень" со всемирно известным припевом "Volga, Wolga, Mutter Wolga, Wolga russiche Reka" (передаю в немецкой транскрипции, чтобы стало страшно)...

Герой песни и народного восстания XVII века донской казак Степан Разин, по преданию, в одном из своих заморских разбойных походов полонил и полюбил персидскую княжну, но затем по требованию родного казачьего коллектива и из солидарности с ним означенную княжну утопил в Волге: "И за борт ее бросает в набежавшую волну..."

Прошу прощения за обширную цитату, но в данном случае без таковой никак нельзя было обойтись. Ведь тут обоснованное предвидение того, что довольно скоро случится с "княжной" Вяземской, несмотря на то, что она безоговорочно перешла на сторону пролетариата.

Воистину эссе М.Каганской – из серии "Занимательное литературоведение". Все же приключения разбираемого текста – хоть и важное, но не главное в ее интерпретации "Собачьего сердца". Самое-самое здесь – удачная попытка "прочитать документ, удостоверяющий принадлежность Полиграфа Полиграфовича (и не только его. – М.К.) к системе "очистки г. Москвы в должности завподотделом", глазами булгаковского современника". Конечно, на взгляд булгаковского современника накладывается и оптика современника нашего, так что события 20-х годов минувшего века наблюдаются сквозь призму зрелого и зоркого восприятия тех, уже весьма от нас далеких реалий, характерного для начала века XXI-го. (Напоминаю: эссе "Операция на открытом сердце..." написано в 2002 году.) Как бы там ни было, в преломлении Каганской Булгаков пред-

стает не просто гениальным "шифровальщиком", но и великим летописцем и нравоописателем (пусть и в зашифрованном виде), таким современным Бальзаком и Свифтом в одном лице.

Я больше не стану цитировать этот великолепный текст поздней Каганской – а он еще и написан обольстительно, – лишь приведу заголовки некоторых разделов эссе: "Необыкновенные приключения кожаной куртки в России", "Кое-что о лающих грузовиках" (лающих, потому что под прикрытием "лая" их вхолостую работающих моторов производились массовые расстрелы в ЧК), "От Севильи до Гренады" и "От Гренады к берегам священным Нила". А самый первый раздел, точнее, пролог к эссе, назван и вовсе напоминательно: "Убийцы в белых халатах" (там еще после запятой "пояснение": "...или За что убрали гражданина Шарикова").

Пришло время исполнить данные ранее в этих записках обещания. Здесь у нас два пункта: общефилософский, мировоззренческий (о жизни и смерти) и актуально-политический, посвященный проблемам нашего (евреев) выживания как этноса в целом и как израильского народа в частности.

О сравнительной ценности жизни как биологического существования ("способа существования белковых тел"), в равной степени присущего людям и прочим земным тварям, и Жизни Человека, осознаваемой как священнодействие, как мистерия (а не только как местопребывание), Каганская писала по разным поводам и в разной тональности. Торжественно-проникновенно – в связи со смертью поэта Ильи Рубина (1977). Запальчиво-полемически – в "Вольных мыслях" (1996). Объективно-аналитически – в булгаковских штудиях (2002).

Что главное для Каганской в этой проблематике? Что жизнь получает свою ценность только в свете (правильнее, конечно, сказать: в тени) неизбежности ее завершения смертью. (В недавнем интервью российской киноактрисы – еврейки Татьяны Друбич одному из израильских русскоязычных изданий представлена афористичная формула: "Ничто так не проясняет жизнь, как смерть". Думаю, М.Каганская поддержала бы младшую современницу в этом "итоге всего, что ум скопил".) Это во-первых. А во-вторых, эссеистку постоянно занимает – нет, беспокоит! – антиномия смерти естественной и насильственной, своей и чужой (чужой не в смысле: чьей-то, а навязанной самому индивиду).

В "Смерти поэта" своей названа смерть солдата в бою (хотя, понятно, она и не является естественной). Чужой – гибель любого

частного лица в концлагере или в газовой камере. Потому что первая – в порядке вещей, как он изначально установлен в мире людей (увы-увы!). А вторая, напоминая войну по массовости и нередко анонимности жертв, представляет собой, употребляя булгаковское словечко, дьяволиаду.

Развивая в том же эссе тему чужой, навязанной смерти, Каганская пишет: "XX век одарил нас глубоким опытом не только навязанного образа жизни, но и навязанного образа смерти.

И надо вот так расшибиться, разбиться, раскричаться об эту внезапную, разбойничью, неслыханную смерть, чтобы понять: покидая Россию и выбирая жизнь на еврейской земле, мы выбираем одновременно и еврейскую смерть, в каком бы облике она нас ни настигла – войной, взрывом, сгустившимся комком крови..."

Для Каганской самое существенное, самое ценное в жизни, то, что придает жизни единственно высокую цену, – возможность свободного выбора как образа жизни, так и образа смерти. И это правильно! Еще и потому, что зачем-то же наделили нас свободой выбора, без которой мы не были бы тем, что мы есть, – людьми. Видимо, Тому, Кто нас сотворил такими, существа, обладающие свободой выбора, так же необходимы, как бесплотные ангелы, запрограммированные исключительно на добродетельность. (Вы таких встречали? Я – нет!) Атеистка Каганская всем своим человеческим и творческим содержимым отвечает этой Божественной надобе.

В эссе "Вольные мысли" выбор жизни и смерти на еврейской земле, тот выбор, который сделали в 70-х Илья Рубин и она сама, выступает как исходная точка рассуждений о смысле этих понятий уже в бытийном и политическом контексте 90-х.

"Смерть размывает Израиль, как море – отмель", – с болью констатирует Каганская. Она объявляет вредной утопией девиз "Человеческая жизнь – высшая ценность", исповедуемый множеством людей (часто бездумно, по инерции), просчетом, который глупей социального (социалистических утопий) и грубей экологического (утопия безостановочного прогресса). "Никогда и нигде, – продолжает эссеистка, – не существовало такого человеческого сообщества – от первобытного племени до высокоразвитых наций, – где абсолютной, высшей ценностью почиталась бы жизнь".

Сразу хочется вступить в спор. Но стоит продолжить знакомство с вольными мыслями человека, чьи мнения действительно независимы и вольны, как вольна... луна в монологе Старика – отца Земфиры в пушкинских "Цыганах": "Кто место в небе ей ука-

жет, Примолвя: там остановись". И Каганская не останавливается, а плавно переходит к еще более фундаментальному вопросу: что такое человеческая жизнь? С ее точки зрения, "жизнь есть данность, но не ценность. Данности вполне хватает, чтобы цепляться за нее всеми конечностями в немом ужасе перед бездной уничтожения, которая подстерегает любое существование – человеческое, животное, растительное..."

И человек "научается смотреть в лицо смерти", – факт, по Каганской, всемирно-исторической важности, скачок, скачок "из сонных сумерек животной одури", коему – а отнюдь не Божественной или эволюционной "трудотерапии" – обязан человек своим происхождением.

Теперь устанавливается, что жизнь человеческая, сама по себе лишенная ценности, приобретает ее "в тени смерти" (я уже об этом говорил). Аукцион, на котором определяется цена жизни, – это готовность человека пожертвовать жизнью. И люди действительно отдают свои жизни во имя любых целей и вследствие любых неурядиц. Разумно это или нет, но "вся наша мораль, пусть все с большим трудом, почти изнемогая, держится лишь на признании ценностей ценнее жизни". Каганская принимает подобное мироустройство, а иногда и находит резоны им восхититься (например, тем, что средневековые евреи отвергали вероотступничество в обмен на жизнь, руководствуясь принципом: "Нельзя покупать жизнь ценою смысла жизни").

А вот евреи нынешние (израильтяне), убеждена Каганская, смысл жизни видят как раз в утверждении жизни без опоры на какой бы то ни было смысл. Тогда как – и тут она переходит на политический язык – палестинцы готовы отдать свои жизни – за что? "...Стройные шеренги хамасовских самоубийц (в ту пору, когда писались "Вольные мысли", они в самом деле перли шеренгами! – М.К.), со взрывчаткой на животе, Кораном в кармане и ненавистью в сердце, единодушно гаркнули: "Прекрасное есть смерть!" Имеется в виду, понятно, наша смерть, но абсолютная ценность ее столь велика, что не жалко отдать за нее и собственные жизни". Тут парадокс, но парадокс достаточно содержательный, чтобы не отвергать его с порога, а вступать с ним во взаимодействие, хоть бы даже и в режиме контрверзы.

И теперь эссеистка вплотную приблизилась к цели своего дискурса. Она винит тех, кто видит высшую ценность в человеческой жизни, не больше и не меньше в том, что они всех нас хотят обречь на больничный режим выживания. Таким образом, вво-

дится новое понятие, которое требует немедленного объяснения. По Каганской, выживание – "больше всего похоже на жизнь, но не она". Про жизнь можно сказать много дурного и горького. "Но про выживание не скажешь и этого. Про него вообще ничего нельзя сказать, оно – провал речи, трещина, заполненная подкорковым страхом".

В этом пункте хочется дать бой эссеистке, и я в свое время это сделал. Мои возражения были связаны с тем, что, как мне представляется, у понятий "жизнь" и "выживание" – разные области применения. Я полагаю, что жизнь – способ существования отдельного человека, тогда как термин "выживание" в основном применим к сообществам, будь то стадо животных, первобытная человеческая орда или современная высокоразвитая нация. И еще: определение жизни как данности, принадлежащее Каганской, пригодно для любого существования, кроме человеческого. Потому что есть нечто, чем человек принципиально отличается от всех других живущих. Я бы сказал так: человек есть жизнь плюс знание о том, что жизнь конечна. Отсюда следует: сознание собственной обреченности позволяет человеку (не всякому; тому, кто способен к размышлению и испытывает в нем потребность) принять заданные условия существования, пытаться с ними ужиться, в них освоиться. Принять жизнь как дар, но не навечно.

Что касается выживания, то этот режим не для индивида, но стоит перейти от него к коллективу, к множеству (вплоть до целого народа), говорить о выживании становится легитимным. И больше того, приходится о нем говорить.

Мы сошлись с Каганской в том, что в последнее время (и тогда, в 90-х, и теперь – в 10-х) Израиль поражен, как злокачественной опухолью, идеологией мягкой уступчивости, благородного расшаркивания (все равно перед кем), апелляцией к здравому смыслу тех, у кого он не отличается особым здравием. Вот что по этому поводу пишет Каганская в "Вольных мыслях", и с чем трудно не согласиться:

"О чем нас на всех местных наречиях – от арабского до динамитного – честно извещают со времени великой ирано-исламской революции? Услышано ли предупреждение?

Какое там! Если у тебя есть уши, заткни их. Ведь мастера, подмастерья, подрядчики и устроители "мирного процесса" – это высшее и лучшее достижение израильской интеллигенции, выкроенное по антикварным лекалам революционной утопии".

Сегодня эти сарказмы еще уместней, чем пятнадцать лет назад. Сегодня – когда наши левые то называют собственную стра-

ну государством апартеида, то самозвано провозглашают в Тель-Авиве независимое палестинское государство в границах 1967 года, нимало не смущаясь тем, что возникни оно сегодня не только в их разгоряченных головах, но и на местности, завтра во главе его встанут отъявленные убийцы.

Таким образом, ко всем титулам Майи Каганской, которые я перечислил в начале своих заметок, по праву можно добавить еще один: пророк.

Да будет ей пухом еврейская земля, которую она добровольно избрала в качестве места для жизни. И для смерти.

**ВЫШЕЛ В СВЕТ НОВЫЙ РОМАН
НИНЫ ВОРОНЕЛЬ "ЧЕРНЫЙ МАГ"**

Кто убил кумира русской эмиграции поэта Перезвонова?

Кто поджег массажный кабинет в южном Тель-Авиве?

Кто был женихом на загадочной свадьбе при свечах
в старинной турецкой башне?

Кто убил певицу Зару, звезду ночных клубов в Яффо?

Почему бывшая московская актриса Габи
вечно оказывается в центре всех драматических событий?

Уж не потому ли, что ее муж – Алик Дунский –
действительно и есть Черный Маг?

Цена книги с пересылкой – 60 шекелей.

**Для заказа чеки на имя Нины Воронель
посылать по адресу:**

П.Я. 44050, Тель-Авив 61440

Микки Вульф

ПОХОЖДЕНИЯ С.Г.

Из письма Давида Капуткина:

"10/IV 18 г. Самарканд

В Мельниково я приехал в 11 ч. утра и тут же нашел Чернявского. Он живет с семьей около станции, и узнал от него, что дорогой нашей памяти Соломон доставлен в Мельниково 6-ое/19 февраля в 12 ч. дня и похоронен вместе с казачьим офицером около русского кладбища вблизи железной дороги, но точно, где могила, он не знал, т.к. он не был при похоронах, а человек, похоронивший их, был в тот день в Коканде. Я решил поехать в Коканд за разрешением военно-революционного комитета на тот случай, если тебе не удастся в Ташкенте достать такого разрешения. <...>

Однако такого разрешения я не получил. Они отказываются на том основании, что это не в их власти, а во власти Ташкентского Краевого совета. Отнесли же они сочувственно, и председатель посоветовал, как поступить, если в Ташкенте не захотят дать удостоверение в том, что он убит ими: "Сказать, что тебе известно частным образом, что его тело найдено на дороге и похоронено в Мельникове около железной дороги, и хочешь, чтобы тебе дали разрешение предать его тело земле на Самаркандском еврейском кладбище согласно с обрядами еврейской веры". Против этого они не могут ничего возражать... <...>

Он похоронен вместе с казачьим полковником в одной могиле, глубокой в 2 аршина, и без гробов зарыты в одежде – в клетчатом костюме без шапки и ботинок. На белье была метка "С.Г." вышита красными нитками, на рукавах фалдовая вкладка. Указал и наружные приметы: приблизительный возраст, цвет волос, бритые усы и т.д., рана же оказалась не на груди и не на лбу, а на шее в области гортани с правой стороны. При этом они отметили в протоколе, что зияла колотая рана, но это, конечно, они плохо разобрались, раз

других ран, кроме этой, не оказалось, ибо все очевидцы подтверждают, что смерть последовала после выстрела...

Я думаю, что, после лежания около 7-ми недель в земле, тебе не следует лично видеть его. Пусть у тебя останется образ живого Соломона, а теперешняя оболочка бывшего Соломона не должна отпечатлеться в твоей душе при твоём положении..."

Попробуем и мы воссоздать "образ живого Соломона", хотя прошло не семь недель, а больше седмижды семи лет.

Для начала воспользуемся фотографией:

Это он в молодости, где-то в начале 900-х годов, в мундире вольноопределяющегося 6-го Туркестанского батальона. Красавец, можно сказать красавец, и, как выразился мой коллега по газете Геннадий Плетинский, теперь таких лиц не делают. Таким, кстати, он, С.Г., и женился на Эсфири, дочке бухарского еврея, и родил с ней дочь по имени Сарона.

Сам он родился 15 ноября (по ст. ст.) 1881 г. в Одессе, в семье учителя начальной ступени еврейской школы. Поскольку эти сведения взяты из книги С.Гитлина "Исторические судьбы евреев Средней Азии", я не отвечаю, если кто-то назовет его отца просто меламедом хедера. Факт тот, что мальчик очень рано научился читать и писать, чему "во многом способствовала библиотека" этого самого учителя, который позаботился о том, чтобы сын уже с семи лет изучал Библию в оригинале (воспитанники хедеров начинали читать ТАНАХ, Ветхий, как считают христиане, Завет, с трех-четы-

рех лет). Тем удивительнее в его журналистике 1905-1908 годов мотивы вполне новозаветные (плюс "Торжественный комплект" Остапа Бендера – незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей").

Вот сокращенный пример:

"Придите ко мне все труждающиеся и обремененные: я успокою вас.

Это был клич пролетария, мощный призыв к объединению:

Пролетарии всех наций, объединяйтесь! <...>

И перекинулся этот зов через горы и океаны, и отовсюду страждущие и обремененные стали стекаться под пролетарское знамя, на котором огненными буквами было написано:

Все вы дети одного отца!

И вздрогнула буржуазия, в трепет привел ее этот объединяющий зов, и она распяла зовущего. <...>

Когда учитель испустил дух, его выроненное из рук знамя подхватила толпа учеников и понесла по миру.

Потому что истина была в словах этого еврея, рожденного на лоне труда и нищеты.

Учитель учил:

Уйдите от тех, кто, наслаждаясь земной жизнью, сулит вам царство небесное.

Уйдите от тех, кто отвлекает вас от борьбы с угнетателями и зовет к миру.

Лицемеры они!

На земле только борьбой достигается счастье...

Вам, бедным, обиженным детям моим, истинно говорю я:

Что вы свяжете на земле, то будет связано вам в небе.

И что разрешите на земле, то будет разрешено на небе...

Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе...

И когда усталый, измученный раб поднимет руку на господина своего и хочет сбросить давящее его ярмо, вы лицемерно взываете:

– Побойся Бога! Нужно любить ближнего своего, брата своего...

Лжецы! Не ближние вы мне, а дальше дальних.

Знаете, кто брат мне?

Вот ученик мой и всяк, исполняющий волю отца моего, – вот брат мой.

Вы же, враги детей моих, враги труждающихся и обремененных, вы противны мне, вы, делающие беззаконие...

И вложу я меч в руки детей моих...
Под сень моего знамени сойдитесь, угнетенные.
Моею и вашею кровью будет оно омочено и красным заревом осветит вам путь к лучшей жизни...
Придут угнетатели ваши, и будут бить ваших пророков и мудрых, иных убьют и распнут и будут бить иных на сонмищах ваших и гнать из города в город.
Но, дети мои, придет конец вашим угнетателям, и рухнет вертеп, созданный ими...
И на них придет вся кровь праведная, пролитая на земле.
Вы, последние, будете первыми".

Странно, что это писалось в самаркандской, среднеазиатской газете. Но, вообще, занятно заметить еще более странное свойство этой лексики быть пародией на разрешенную бунтовскую журналистику, как своих, так и рептильную 20-30-х годов (минус, конечно, выражения, заимствованные из Нового Завета), сталкивающуюся с пародией уже постсобытийной, когда непонятно, что хуже. (Но это – особый разговор.) Впрочем, грех смеяться над пустой лексикой, очень характерной для либеральных писателей тех лет. И тем более – цензура, хотя и царская... В конце концов, он не знал, во что она – лексика – выродится, и не писал "Цветет урюк под грохот дней, дрожит зарей кишлак", – он просто не дождал до этого времени.

Больше того: он даже изучал – вольнослушателем – юриспруденцию сначала в Бернском университете, а затем, через много лет окончил Новороссийский (в Одессе), а к тому же явно штудировал статью Ленина "Партийная организация и партийная литература": она в 1905 году уже была написана.

Подобно Ленину "не чуждые идеям служения добра и справедливости" молодые евреи Туркестана, "как вольноопределяющиеся, так и среди местной интеллигенции" (С.Гитлин) начали – "пальцы просились к перу" – издавать с апреля 1904 года газету "Самарканд". Среди них выделялся своей активностью Соломон Абрамович Герцфельд, писавший как под своим именем, так и под псевдонимами Альрои, Молодой Театрал, С.Г-д...

Не знаю насчет Альрои, лжемессии XII века, но Молодой Театрал очень хорош как криптоним для нашего С.Г., всю жизнь – я говорю это без осуждения – пытавшегося играть роль то революционного публициста, то пламенного сиониста, то защитника обездоленных евреев, подпоясанных по указу эмира веревкой (чтобы не менее обездоленные сарты-узбеки, если что, могли каждого

повесить), то пылкого министра финансов для этих самых сартов, о чем я расскажу ниже, немного успокоюсь.

Дело в том, что я гляжу на жизнь и поступки Соломона Абрамовича и вижу в них отражение своих поступков и жизни, включая второй брак (на сей раз он женился на Рахили, сестре зубного врача Давида Капуткина) и горячие выступления на митингах и в р-революционной печати (я имею в виду еврейскую газету "Наш голос", 1990 год, в Кишиневе, и национальные газеты "Независимая Молдова", "Литература ши арта", "Народное образование", "Бессарабец" и т.д.), и еще, черт его помнит, какую борьбу за еврейское дело посредством победы местного населения над русско-молдавскими коммуныками.

Этот идиотизм вполне способен привести меня к каким-нибудь похоронам совместно с казачьим полковником, но я надеюсь, что одумался и умру как подобает...

Так вот, о Герцфельде.

После поражения первой революции, закрытия "Самарканда" и кратковременного ареста (к тому же наложилось на все это неприятности в связи с уходом из первой семьи) он решил поступить в Новороссийский университет, поскольку только российский диплом давал ему право на полноценную юридическую работу.

Как исключительно аккуратно выразился Семен Гитлин: "Приехав в Одессу, Герцфельд оказался причастным к сионистскому движению".

Действительно, об этом свидетельствует хотя бы следующее письмо жене:

"Был сегодня у Усышкина. Предложили мне теперь выехать в Балту, взять на себя заведывание местными сионистскими делами, и за это мне гарантировали на 150-200 рублей уроков. Но я решил не уезжать из Одессы. Иначе я никогда не кончу Университета: нет возможности жить на стороне и учиться в Университете..."

Тем не менее, пишет тот же С.Гитлин, в Одессе в кругу видных активистов сионистского движения России С.Герцфельд приобретает большой опыт работы: в его планах – издание еврейского (!) национального (!!) отрывного календаря (!!!) на русском языке с освещением вопросов сионизма, жизни евреев в Палестине и в России. В редколлегию согласился войти сам Х.Н.Бялик. Одно время С.Герцфельд сотрудничал в "Одесской газете", одновременно редактировал в этой же газете еврейский отдел. В конце сентября 1908 г. сионисты Одессы избрали его в Одесский сионистский комитет.

А уже в октябре того же года он предпринимает попытку издавать собственную газету.

"...Вернулся я только что от Усышкина. По пятницам у него собирается наша национально мыслящая часть интеллигенции. Засиделся я потому, что представил ему смету затеваемой мной ежедневной еврейской газеты на русском языке... Усышкин – единственный человек, с которым можно в организации (сионистской) говорить и дело сделать. Он очень осторожный человек. Еще месяц назад он и слышать не хотел о газете, уверенный, что без 40000 руб. начинать нельзя. Но он человек с практическим умом, мыслит он своей головой, и мне поэтому, хотя не совсем легко (понадобилось время), удалось его убедить, что можно начинать и с 3000 руб., даже с одной тысячей. Вот я и взялся составить смету и составил. Мне удалось преодолеть его скептицизм. Смету я излагал в присутствии компетентного в этом деле человека, и моя смета найдена практичной и соответствующей действительности. Когда я кончил, мой эксперт подтвердил, что она очень реальна, и Усышкин сам тоже увидел, что она составлена хорошо, он воскликнул: "Так ведь это совсем не страшно. Можно попробовать выпускать газету". Он решил помочь мне всем зависящим от него. Это очень важно. Если Усышкин хочет, он может много сделать. Не буду тебе подробно излагать детали. Многое может еще измениться. Но пока суть представляется в таком виде. Предполагаю организовать газету, посвященную не исключительно еврейскому вопросу, но всему тому, что может интересовать еврея, т.е. общую газету с солидно поставленным еврейским отделом. Или я привлекаю частного предпринимателя с капиталом в 3-4 тысячи, или вхожу в комбинацию с партией (сионистской). И в том и в другом случае партия оказывает поддержку сбором подписки, зато газета обслуживает интересы партии. Но газета не должна носить партийный характер, а общееврейский. Свою роль я еще не мог бы окончательно определить: она зависит от будущего состава газетных деятелей, но пока говорят обо мне как о будущем издателе или редакторе. Нечего говорить, что если это дело выгорит, будет очень хорошо. Я уже немало сделал, чтоб обеспечить дело, и еще поработаю".

И уже в декабре он начинает ее выпускать. Забавно, что в поисках денег он обращается к друзьям в Самарканд, но, по свидетельству Е.А.Мякотина, его дальнего родственника и современного биографа, "его друзья в далеком полусонном Самарканде и представить себе не могли бы (такого Герцфельда – М.В.). И не удивительно, что они ни на грош (в прямом смысле) не поверили в его затею с газетой".

Однако он победил и Одессу, и Самарканд.

Как ни странно, ни учеба в университете, ни работа в газете, ни встречи с сионистами не помешали еще одному занятию С.Г. – для души – художественному переводу, о чем свидетельствует его письмо к жене от 24 августа 1908 г.

"Был я в пятницу у Бялика. Расскажу тебе подробно об этом посещении. В четверг я встретился с ним в книжном магазине Ровницкого (правильно – Равницкого. – М.В.). Он меня полуузнал. Разговорились. Я сказал ему, что перевел его поэму, и хотел бы ему ее прочитать. Я заметил на его лице смесь: равнодушия и недоверия, осуждения. "Я, – говорит он, – вообще против переводов: они не передают сущности". <...> "Но, – прибавил он, – если Вам угодно, я могу прослушать Ваш перевод; приходите ко мне в пятницу". Мы еще обменялись несколькими фразами и расстались. Хотя его холодное, равнодушное и ироническое отношение, которое он авансом проявил к моему переводу, мне было неприятно, но, с одной стороны, доверие к своей работе, а с другой – решение все же узнать его мнение о нем (переводе) перевесило, и я пошел к нему. Принял он меня очень любезно, мягко, с такой сердечной любезностью, которая меня обыкновенно смущает. Пришли мы в его кабинет, – уютный, небольшой, уставленный книжными шкафами, и уселись в стулья. Стали говорить о литературе, поэзии и т.д. На мой вопрос он ответил, что вообще существующими переводами его произведений он недоволен, что лучше прочих его переводят поэт Яффе и Жаботинский, но и они лишь местами переводят удачно, но в их переводах встречаются места, его совсем не удовлетворяющие. То же относится к поэме "Сказание о погроме" (перевод Жаботинского), и он сообщил мне, что Жаботинский теперь уже в 4-ый раз переделывает свой перевод. Затем я приступил к чтению, и должен тебе сказать, я опять (пока я раскладывал листки) видел на его лице выражение иронии и недоверия. Наконец, я начал читать. Прочел страничку-другую, смотрю на Бялика: он серьезен и задумчив. Наконец, я кончил. "Да, говорит он, перевод серьезен и удачен. Он сущность передает хорошо". (Заметь, он именно говорил, что его переводчики, за исключением Яффе и Жаботинского, именно сущность не передают.)

Потом он еще говорил о моей работе. Видно было, что она ему нравится. Он просил дать ему список (копию. – М.В.), чтоб самому наедине читать его для окончательного суждения. Итак, Бялик причислил меня к переводчикам, "передающим сущность". Видно, ему надоели уже бездарными переводами, потому он так скеп-

тически отнесся к моей работе. Сидел у него долго. Он очень интересный собеседник, прекрасно понимает поэзию. Между прочим, он сказал об одном месте моего перевода <...> Это место ("Дай руку мне, мой брат! Я ринусь в бой! Смотри, остер булат, силен мой меч!" и т.д.) он назвал красивым и воинственным. "Вы, сказал он, сделали ошибку не по своей вине, потому что мало изучали и знаете пророков. Вы изобразили пророка, борющимся так, как борются арийцы – романы (романская раса. – М.В.), славяне и т.д. Это образ рыцаря. Наш еврейский борец за правду – он другой: в нем нет этой воинственности, в нем преобладают духовная мощь... и т.д." Затем он мне читал свои произведения, и я ему читал некоторые стихи. Я ему читал, между прочим, "Вперед! Черный ворон мелькает..." Он слушал внимательно, сосредоточенно, когда я прочитал это место: "гнев укажет мне путь и любовь озарит", он перебил меня: "Знаете, – сказал он, – как это хорошо сказано, красиво!"... Он очень заинтересовался моими писаниями, просил приходить, приносить ему свою прозу, советовал печатать в петербургских журналах..."

К сожалению (а может быть, и к счастью) у меня нет под рукой переводов С.Г. и я избавлен от необходимости разбирать их профессионально. Но письмо я привел не затем, чтобы подтвердить или опровергнуть его репутацию как переводчика, а затем, чтобы показать, с какой радостью он внимает "сладкому ропоту хвалы".

Окончив университет в 1912 году, С.Г., с которым я уже успел сродниться душой, – тридцать один год ему, пора остепениться, – возвращается в Самарканд. Гитлин отмечает в примечании, что "причины возвращения весьма основательны: длительная разлука с семьей, жесткая конкуренция в Одессе, понимание того, что в сионистской организации там он обречен на вторые роли". Это то, что С.Г. решительно не устраивает. А в Самарканде его встречают весьма радушно. Прошлые проказы забыты и, по словам того же Гитлина, "работая фактически присяжным поверенным, хотя и не будучи членом гильдии, он имел широкую клиентуру в разных слоях местного общества – от богатых бухарских купцов до бедняков из местного еврейства. И если первые, довольные его юридическими услугами, не скупились на гонорары, то для последних он работал почти задаром" (точь-в-точь как мой отец, тоже стряпчий, в довоенной Бессарабии). Этот, выражаясь языком Семена Дубнова, период резиньяции, смешанной, выражаясь языком Ницше, с ресентиментом, продолжался до 1916 года. Проще говоря, он жил и трудился как правовед (правда, на пер-

вых ролях), но мечтал-то он в глубине души стать если не Робеспьером, то хотя бы Маратом. К тому же болела жена, и надо было хлопотать о вступлении в адвокатское сословие...

И вот наступает новая эпоха – пока только в жизни Герцфельда, наработавшего уже известный авторитет. 11 июля 1916 года он пишет жене:

"Все время я отдаю делам, а вырваться из потока дел не могу. Эх, если б ты была здорова и помогала бы мне: ты могла бы при мне зарабатывать в год 5-6 тысяч рублей; говорю это без преувеличения. Для этого тебе пришлось бы один год у меня учиться.

Сегодня у меня большой день. С утра до 5 часов вечера я не слезал с извозчика. Однако я нисколько не устал, чувствую себя совершенно здоровым и бодрым, как давно себя не чувствовал. Почему? Потому что никто в Самарканде сегодня не сделал такую массу добрых дел, как я. А, удивляешься? В письме всего не изложишь, когда увидимся – расскажу. "Сила в нас самих". Кому она судьбой дана, тот может, действительно, достичь многого. Я сегодня имел случай убедиться, что Бог меня внутренней силой не обидел, что я вижу и понимаю, и угадываю то, чего не видят и тысячи, что я свою силу употребляю на благо братьев.

Эту дату надо запомнить: 11 июля 1916 г. Долгие годы наблюдения над жизнью туземных евреев не дали бы мне столько материалов для понимания их, сколько сегодняшний день. Не многие, но лучшие из них сегодня кое-чему научились. Господи, как жалка их жизнь с их кажущимся покоем, зажиточностью и обеспеченностью. Кажется, нет среди всех несчастных народов еще одного народа, который так сидел бы на вулкане, как они. И когда сегодня над их головой собралась туча, среди них не нашлось ни одного сильного духом, ни одного смелого, ни одного уравновешенного и мудрого, который мог бы хоть ориентироваться, хоть разобраться и решить, что делать. Ах, они были сегодня на волоске от того, чтоб пережить те ужасы, которые нашим евреям так знакомы. Но надо отдать справедливость нашей администрации, сегодня блестяще доказавшей, что она на высоте. Я всегда говорил, что туркестанская администрация не похожа на российскую, потому что она состоит не из полицейских, а из офицеров. А я сегодня еще раз убедился в том, что я, кажется, скорее администратор, чем адвокат. Ах, отчего я не губернатор? Буду ли я им в Палестине? (Очень характерное замечание, предполагающее отрицательный ответ на желательный вопрос. – М.В.)

Сегодня мне сказал Юнатан Муллокандов: "Если Вы всю жизнь грешили – сегодня Вам все прощено в небесах". Ну, а если я не

всю жизнь грешил, то мне еще с небес много сдачи причитается? Не так ли? Сегодня у меня хороший день. И я делюсь с тобой своей бодростью, своим хорошим настроением. <...> Последнее время я стал особенно нужным нашим еврейским обществам: и европейскому, и туземному. Их доверие огромно. Мое слово – заповедь. С радостью я оказываю им содействие, выручаю ежедневно из массы всяких неожиданных бед и должен констатировать с удовлетворением, что мне идут навстречу те, в чьих руках сила и власть на земле. Как будто все молчаливо согласилось признать, что я обязан – с одной стороны, и имею право – с другой стороны – за всех евреев предстательствовать, просить и требовать. Кто знает, может быть, я действительно имею право и обязан?.."

А тут подоспела и Февральская революция. 9 апреля открывается Туркестанский краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В письме С.Г. сообщает жене, что избран в президиум под номером три 82 голосами. Он становится товарищем (заместителем) председателя. При этом он едко прибавляет: "В публике (не делегатом) сидит Подпалов (один из недоброжелателей Герцфельда. – М.В.). Каково-то ему видеть меня в кресле Председателя Краевого съезда?"

О своем выступлении (11 апреля): "Имел грандиозный успех. Буквально никто не вызвал таких оваций, хотя на съезде есть хорошие ораторы. Собственно, я и сам не знаю, за что шесть раз прерывали бурными аплодисментами".

15 апреля: "Вчера мне влиятельные мусульмане сделали предложение занять один высокий пост. Я категорически отказался. Хочу отдохнуть: больше я ничего не хочу. Престиж многих из самаркандских типов здесь страшно упал. О них говорят здесь как о жалких и ничтожных. Если бы эти знали, что съезд хочет меня избрать в совет при министрах, как бы оно огорчило моих самаркандских "приятелей". Впрочем, я и от этого поста отказываюсь". (По интонации – чистая хлестаковщина, если бы не была совершенной правдой. И хотя С.Г. 12-го числа писал, что будет на съезде еще два дня, он пробыл гораздо дольше: съезд 15-го не завершился. Как заметил сам С.Г., "ах, мы еще не умеем говорить дельно, экономить время".)

И – дальше. Я бы и не сообразил, что нижеследующие фразы стоят приведения, если бы не примечание С.Гитлина.

Из письма к родственникам Пшедецким: "2 июля 1917 г. Итак, дорогой Соломончик, мы с тобой теперь "землевладельцы". Это очень приятно. Покупай, брат, покупай, я от тебя не отстану. Только покупай с толком, практично, не спеша".

С.Гитлин замечает: "Из этого письма следует, что С.Герцфельд, занимаясь адвокатской деятельностью, не только помогает Пшедецким покупать земли, но и сам это делает. Покупка земли не в Палестине, а в Туркестане означала, что в жизненные планы Герцфельда (по крайней мере, на ближайшие годы) отъезд из Туркестана не входил. Он, вероятно, отдавал себе отчет, что на новом месте, где его никто не знает, начинать придется с нуля. А возможности в Туркестане были гораздо большими".

При этом С.Г. вновь стал во главе районного сионистского комитета (одно другому не мешает, как подтверждает и наша современность). И уже 24 июля он пишет: "В Самарканде я нашел все в разложении и апатии. Никакой жизни ни общественной, ни партийной, ни вообще революционной. Так в общей, так и в нашей (еврейской. — М.В.). Меня не было, Гапеев в Ташкенте, Чертов уехал добровольцем на фронт. На поверхность поднялись темные личности с уголовным прошлым, с преступным настоящим и арестантским будущим. Перед отъездом из Самарканда я в беседе с Гапеевым и Никифоровым указал им, кто из "деятелей" проворуется, кто устроит платное общественное местечко, а кто просто негодяй. Мой прогноз возмутительно оправдался. Тогда они со мной спорили, а теперь стыдно смотреть мне в глаза. <...> В сионистской местной жизни полное разложение. Никто ничего или почти ничего не делает, а если что и делается, то оно носит случайный характер. Я их немного уже подтянул. Надеюсь, партийную работу налажу".

Заглядывая вперед, скажу, что не наладил. Но (28 июля): "В среду 26-го я читал два доклада в один вечер: "Отчет о 7-м съезде" и "Накануне Палестинской республики". Публики в Бет-Гаае (Народном доме. — М.В.) было очень много. По общему мнению, я был в ударе. По окончании 2-го доклада мне устроили буквально овацию. Читал я 4 часа с перерывом на 10 минут. Кончил я в 1 ч. ночи. Мои друзья: Элькинд, Шварцштейн и др. устроили мне в ту же ночь банкет с ужином и выпивкой. В банкете участвовало несколько десятков человек. Речи, тосты и так далее. Тут же они собрали рублей двести или триста — не знаю — для записи меня в Золотую Книгу дважды: 1) как адвоката, по случаю зачисления в сословие, 2) как делегата..."

О, инфантильно-фантастический инфант (я бы добавил для звучности, в духе Михаила Юдсона — с конфетными фантиками, — но это уже перебор)! Е.А.Мякотин с грустью пишет: "Похоже, на Соломона производит большое впечатление публичность, связанная с его общественной деятельностью: речи, овации, банкеты.

Золотая Книга... Как же все это далеко от настоящей политики, эффективность которой определяется совсем не громкостью аплодисментов и не количеством выпитого на банкетах. Но имеем ли мы право осуждать своих предков за те поступки, которые нам теперь видятся неверными? Легко быть прозорливыми потом. Вспомним, как совсем еще недавно нам кружил головы свежий ветер демократии и гласности. Казалось, вот соберем еще один митинг помноголюднее, и все трудности будут преодолены..."

Среди этого шума сделано очень хорошее, хотя по меркам истории запоздалое дело (4 августа): "Пишу тебе из Ташкента. Через час я выезжаю в Самарканд. Здесь со мною Леон Юлианович, Мошиях Фузайлов и Борух Калантаров. Как я тебе телеграфировал, мы поехали исходатайствовать для бухарских евреев принятия их в русское подданство, иначе говоря, признания за ними прав туземства. Наша миссия удалась великолепно: сегодня одним росчерком пера все евреи всего Туркестанского Края признаны туземными евреями. Мне особенно приятно, что это — дело моих рук. Подробно я тебе напишу из Самарканда, пока только скажу, что я везу грамоту уже в кармане, что Туркестанским Комитетом Временного Правительства принят к опубликованию мой текст закона. Это именно закон, так как до сих пор евреи столько перенесли страданий из-за непризнания их туземными, что этот освобождающий их указ — как бы закон о равноправии их с туземным населением (с узбеками. — М.В.). Десятки адвокатов десять лет боролись за эти их права, Мне тоже много пришлось бороться за признание их туземцами. Наконец-то я завершил это дело. В следующем письме пришлю тебе копию этого Указа".

И снова (5 августа): "Сегодня же состоится в еврейской слободке диспут между мною и социалистами-революционерами, которые почему-то вздумали вызвать меня на диспут по вопросу о сионизме, выборах в Городскую Думу и вообще. В понедельник уже диспут такой был. Я произнес большую речь о сионизме. Толпа в несколько тысяч пришла в неописуемый восторг и радость. Мои противники, вместо возражения... приветствовали меня и выразили сочувствие сионистской программе".

И, наконец, что-то вроде прозрения, которое, скорее, было просто усталостью и, увы, ничего не изменило (7 августа): "Признаюсь тебе, что до 11 ч. вечера минувшей субботы я своих сил не щадил, выступал беспрерывно на многотысячных митингах, произносил 4-часовые речи, призывал, будил, организовывал. Не скажу, что мои выступления не давали результатов. Нет. Но дол-

жен сказать, что все же неразумно так отдавать себя. Результат никоим образом не компенсирует затраченных сил. Но есть еще одно обстоятельство. На поверхность взбаламученного моря выплыла вся народная, национальная, так сказать, грязь. Она терзает и создает в душе настроение разочарования. Нужно много сил, чтоб общественная работа не опротивела, чтоб руки не опустились. Я не вправе жаловаться. Всюду, где я появляюсь, меня встречает внимание и провожают овации. Меня конкурирующие группы охотно вносят в свои списки гласных в городскую думу. Все же мне тяжело работать на общественном поприще, потому что на арену вышли безумцы, преступники и слепцы. Тяжело в такой среде. Вероятно везде так, но бросается в глаза, что в Самарканде слишком много арестантских типов во всех партиях и комитетах. К счастью, мы, сионисты, если не избавлены от дураков и слепцов, то во всяком случае преступников у нас нет. Монополию на них взяли другие партии. <...> Итак, я теперь решил сократить свою общественную работу. Три недели я пил запоем общественную жизнь (Вернее, поил других.) Теперь "болезнь" прошла, я отрезвляюсь, теперь я подумаю и о себе. "Мои силы еще нужны для моей Рахили". Я этого и не забывал, да так боюсь залить всех огнем горячих слов! Всякой болезни бывает кризис. Я выздоравливаю от "общественной лихорадки".

Не выздоровел. Катта-Курган (я там родился в эвакуации), Новая Бухара, Чарджуй, Ашхабад, Красноводск, Баку... (это только декабрьско-январские поездки в качестве... комиссара – министра финансов Кокандской автономии). Он ездил за деньгами.

А в феврале... "Велик был год и страшен год по рождестве Христовом (которого славил от привычки к суетности Соломон Герцфельд. – М.В.) 1918, от начала же революции второй".

Сейчас, не вдаваясь в политику, скажу только, что мы просто не знаем, каковы были красногвардейцы. Мы их представляем, по конечному факту поэмы, "в белом венчике из роз". Между тем, если прямо, это были "в зубах – сигарка, примят картуз, / на спину б надо бубновый туз!"

"Протокол № 5

1918 года Апреля 16-го дня, составлен настоящий протокол на станции Мельниково Средне-Азиатской ж. Дороги в присутствии нижеподписавшихся в том, что сего числа на основании мандата за № 35 от 12-го Апреля, выданного Председателем Кокандского Военно-революционного Комитета гражданкой Рахиль Герцфельд

была вскрыта могила, в коей 6-го Февраля с/г был погребен труп неизвестного европейца, обнаруженного убитым на 139 версте перегона между станциями Мельниково – разъезд Борисовский в ночь с 5-го на 6 Февраля. По вскрытии могилы гражданка Рахиль Герцфельд труп неизвестного признала за труп своего мужа Соломона Абрамовича Герцфельда, бывшего помощником присяжного поверенного города Самарканда, ввиду чего на основании вышепоименованного мандата тело покойника приняла для перевозки в гор. Ходжент и погребения по иудейскому обряду.

Начальник станции Эрванд

Жена покойного Рахиль Семеновна Герцфельд, жит. Самарканда

Кокандский Городовой врач Л. Фальк

Горный инженер И.А. Чернявский

Поверен. Т./Д Бр. Яушевы С. Пшедецкий, Ташкент, Шарризебская (имеется в виду Шахриязбская. – М.В.) № 3".

Как говорится в примечаниях С. Гитлина, "по свидетельству очевидцев, С. Герцфельда убили красногвардейцы. Застрелили без суда и следствия. Е.А. Мякотин пишет: "Дело в том, что амнистированный Советской властью уголовный элемент нашел отличное применение своим специфическим способностям, вступая в карательные отряды. Красный бант был свидетельством отпущения всех прежних и будущих грехов. Вполне возможно (а Рахиль так считала), что С. Герцфельд, на свою беду, встретил в поезде именно такого красногвардейца, который в недалеком прошлом был его "клиентом" на каком-то уголовном процессе. В Кокандском Военно-Революционном комитете быстро разобрались в ситуации и разрешения на разрытие могилы не дали. Сослались на необходимость разрешения из Ташкента, от Туркестанского совета. <...> Рахиль Герцфельд изменила формулировку прошения, как советовал брат. Версия была принята властью и поддержана, и вопрос быстро разрешился. Легенда оказалась спасительной: ни в 1937 г., ни позже ни Рахиль, ни ее дети не были репрессированы. То обстоятельство, что муж, отец погиб от рук бандитов, с которыми боролась Советская власть, служила как бы охранной грамотой для всех".

Есть еще "Выписка из накладной № 5047 на груз пассажирской скорости. Средне Азиатск. ж.д.", из которой следует, что Рахиль Герцфельд перевезла труп мужа в Ходжент, что обошлось ей в 33 рубля 80 коп.

Я так и вижу этот костюм в клеточку. Бедный, бедный С.Г.!

Впрочем, других и вовсе не хоронили.

Осталось, чтобы никого не забыть, сделать выписку и из Интернета:

"9 декабря 1917 г. члены партий узбекской национальной буржуазии, большей частью объединенные в "Шуро-и-Исламия", представители интеллигенции-джадиды, клерикалы из партии "Шуро-и-Улема", члены партий меньшевиков, кадетов, эсеров, представители руководства Белого движения, собравшиеся на 4-ый съезд Центрального Туркестанского Национального Совета, провозгласили автономию Туркестана. Избранное съездом правительство автономии, вошедшей в историю края и демократического движения под названием Кокандской, возглавил видный общественно-политический деятель Мустафа Чокай-бей.

Кокандская автономия уже в первые дни существования была признана великими державами, по праву видевшими в ней первую в истории Туркестана демократическую республику, независимую от большевистской России. <...>

Трудно удержаться от сослагательного наклонения, пытаюсь представить, каким путем пошло бы развитие края, да и самой России в том числе, если бы первые ростки демократии в лице Кокандской автономии не были утоплены в крови Красной армией (формально ее еще не существовало, но подавление всякой оппозиции она уже вполне освоила. — М.В.). Несмотря на короткий срок существования, Кокандская автономия стала столь значимым явлением в жизни и истории народов нынешней Центральной Азии; ее идеи и образ так долго вдохновляли борцов за национальную независимость, против большевизма, что на уничтожение документов и физическую ликвидацию всех, связанных с ее созданием и защитой, на замалчивание самого этого факта громадного общеисторического значения, а впоследствии и на фальсификацию истории Кокандской автономии, большевики потратили не одно десятилетие". (Шведский сайт CA&CC Press® AB.)

"На Коканд были брошены войска, состоявшие из рабочей красной гвардии, вооруженной милиции дашнак-цутунского отряда и воинских частей Ташкентского гарнизона. Шестого февраля были начаты боевые действия против небольшого отряда сторонников Кокандской автономии. Три дня длилась резня большевиками мусульманского населения. Как отмечают английские исследователи, точное количество вырезанных жителей неизвестно, но оно, безусловно, огромно. Население Коканда, которое в 1897 году составляло 120000 человек, в 1926 году сократилось до 69300.

ВОЙНА ИЛИ "МИР"?

Ася Энтова

ТЕРРОР КАК ВОЙНА И КАК МИР

Прошедший 2010 год порадовал нас, израильтян, рекордно низким количеством жертв террора, но его угроза по-прежнему оказывает решающее влияние на всю нашу жизнь. У входа в торговый центр и поликлинику мы открываем перед охранником сумки, мы не можем пронести с собой в самолет бутылочку колы и пилочку для ногтей. Несмотря на все эти проверки и металлоискатели, недавний взрыв в аэропорту Домодедово привел к смерти около 40 человек, и жизни более чем ста раненных все еще находятся в опасности. Другие страны, в первую очередь Европы и Америки, так же озабочены этой чумой нашего века.

Что представляет собою современный терроризм?

С одной стороны, это война, так как террористы используют вооруженное насилие. С другой – террористы действуют в условиях формального мира между странами, и главный их расчет строится не на силе, которой у них не много, а на создании общественного давления. Так каковы же правила терроризма и как мы можем ему противостоять?

Государство и тринитарные войны XX века. Государство – самая большая и сильная структура, объединяющая общество. Гоббс сравнивал мощный государственный организм с чудовищем Левиафаном и считал, что сильное государство необходимо именно для того, чтобы предотвратить насилие отдельных людей друг против друга, войну всех со всеми. Только этому чудовищу (государственным силовым структурам) разрешено применять насилие по отношению к гражданам, которых оно своей угрозой может усмирить и предложить другие, ненасильственные способы взаимодействия граждан друг с другом.

Вслед за Гоббсом теоретик современного общества Вебер определял государство как "монополию на легитимное насилие". Кроме поддержания внутреннего порядка, одной из важнейших функций государства является защита граждан от внешней агрессии, то есть ведение войн с другими странами. Войны, которые ведут государства между собой, носят название *тринитарных*, так как в них с обеих сторон фигурируют три компонента:

1. Государство, которое только и уполномочено официально объявить войну другой стране.

2. Армия – специально выделенный для войны государственный инструмент.

3. Гражданское или мирное население, которое не принимает непосредственного участия в военных действиях (не одето в форму, не вооружено, не находится на поле сражения и др.¹). Его участие только косвенное – уплата налогов на содержание армии, снабжение армии боеприпасами и всем необходимым и др.

Численность армий и их техническое оснащение постоянно росли вплоть до Второй мировой войны, когда весь народ должен был прямо или косвенно обслуживать воюющих солдат. Тем не менее соблюдалось четкое разделение на солдат и мирное население. Конечно, во все времена в конфликтах участвовали вооруженные люди, не входящие в регулярную армию. Это называют мятежом, бунтом, герильей, революцией, партизанским движением. Но под войной (если только это не образное выражение, вроде "война наркотикам") сегодня понимают именно войну тринитарную.

---

¹ Вот, например, как Женевская конвенция предлагает отличать солдат или комбатантов от гражданского населения: *"Комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения в то время, когда они участвуют в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению. Однако в связи с тем, что во время вооруженных конфликтов бывают такие ситуации, когда вследствие характера военных действий вооруженный комбатант не может отличать себя от гражданского населения, он сохраняет свой статус комбатанта при условии, что в таких ситуациях он открыто носит свое оружие"* (Дополнительный протокол №1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, раздел II, статья 44, <http://www.spbredcross.org/about/geneve/>).

Для обуздания ужасов войны были выработаны соответствующие моральные принципы и созданы международные законы, ориентирующиеся именно на правила тринитарной войны. Так, например, Женевская конвенция рассматривает исключительно случаи войны между странами, но не рассматривает внутренние конфликты, в которых государство применяет насилие против своих граждан или гражданское население прибегает к вооруженному насилию².

Из истории известны законы, касающиеся войны. Так, например, еще в Торе есть предписание, как обращаться с взятой в плен на войне красавицей, как стараться щадить в сражениях и не вырубать фруктовые деревья и т.д. Современные законы, например Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, требует от стран-участников гуманного обращения и защиты жизни, чести и собственности всех, кто не принимает непосредственного участия в военных действиях³.

Терроризм как нетринитарная война. Имеющиеся определения терроризма, как правило, привязаны к привычному для нас разделению ролей в тринитарной войне и подчеркивают то, что объект насилия - гражданское население. Так, например, "Меж-

---

² *"Настоящий Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и sporadические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами"* (Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, часть I, статья 1).

³ *"Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев"*. (Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, раздел 1, статья 3, п.1 <http://www.spbredcross.org/about/geneve/>)

дународная конвенция о борьбе с финансированием терроризма" подчеркивает, что речь идет о нанесении вреда людям, *не принимающим активного участия в военных действиях*⁴.

Итак, терроризм – это вооруженное насилие, но не то, в котором принимает участие государство. Сражение ведется не регулярной армией и объект атаки в ней не военное, а мирное население, причем сегодня это, как правило, массы, а не элита.

В каких конфликтах применяются террористические методы? С разработкой атомной бомбы и другого оружия массового уничтожения (ОМУ) на смену классической теории тринитарной войны пришла доктрина сдерживания. Два государства, обладающие гарантирующим взаимное уничтожение оружием (например, атомным), опасаются развязывать "горячую" войну и довольствуются "холодной": пограничными инцидентами, конфликтами "малой интенсивности", ограниченным участием в войне на территории третьих стран, информационной войной и т.п. Тринитарные войны ведутся странами, не обладающими ОМУ, и удельный вес таких войн среди всех разнообразных видов современных мировых вооруженных конфликтов заметно снижается.

Самыми распространенными стали не межгосударственные, а внутригосударственные конфликты. Это *нетринитарные* войны, в которых как минимум одна из сторон не представлена своим

---

⁴ "Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма", принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1999 года определяет терроризм как: *"преступление... или деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения"*.

Доклад Рабочей группы ООН "Меры по ликвидации международного терроризма" (<http://terroristica.info/node/307>) добавляет к перечисленным действиям: *"серьезный ущерб государственной или частной собственности, в том числе месту общественно-го использования, государственному или правительственному объекту, системе общественного транспорта, объекту инфраструктуры или окружающей среде; или ущерб собственности..."*

государством и армией⁵. Это может быть группа или движение, объединенная социальной, этно-национальной или религиозной идеологией (например, социалистические "Красные бригады", национальные баскская ЭТА и ирландская ИРА, религиозные исламские "Хизбалла", ХАМАС, "Аль-Каида").

Терроризм появляется там, где по каким либо причинам не может быть тринитарной войны. Это может быть внутренний конфликт или внешний, но ни одно государство не объявляет себя ответственным за военные действия против мирных жителей.

Сильные развитые страны, которые могут уничтожить армию своего противника, сегодня, как правило, не заинтересованы в войнах друг с другом и по отношению друг к другу руководствуются "теорией сдерживания". Даже в отношении слабого противника они соблюдают осторожность, опасаясь неодобрения со стороны других сильных стран или международных союзов. Тринитарные войны воюющих друг с другом стран, не обладающих ОМУ, пытаются взять под контроль сильные международные организации, у которых есть некоторые (хоть и несовершенные, вроде "гуманитарных бомбардировок") способы воздействия на государства. Остаются вооруженные конфликты, в которых действует некая общественная группа или государство, которое не осмеливается на открытое объявление обычной тринитарной войны сильным, обладающим ОМУ странам, понимая, что по своей технической отсталости заведомо ее проиграет. Именно в таких случаях конфликт может принимать форму терроризма.

Таким образом, современная террористическая война – это война, которую ведет *слабый против сильного*. "Сильный" в данном случае – это современное технологически развитое государство. "Слабый" – тот, кто не хочет или не может объявить войну от имени суверенного государства.

В таком нетринитарном конфликте нет четкого отличия боевиков (комбатантов, бойцов, террористов) от гражданского населе-

⁵ О войнах нового типа много и подробно написано Мартином ван Кревельдом, например в его книге "Трансформация войны". В интернете можно прочесть его статьи "Эпоха войн нового типа" <http://i-r-p.ru/page/stream-trends/index-6093.html> и "Война и современное государство" <http://www.polit.ru/lectures/2006/09/26/kreveld.html>

См. также "Меняющееся лицо войны: четвертое поколение" <http://gazeta.rjews.net/war.shtml>

ния, как это требуется по международным законам. Здесь нет четко очерченной территории военных действий, фронта, тыла, нет централизованной власти, персонально ответственной за ведение войны. На иврите такую войну называют еще "милхемер шекер" ("ложная война", где ШеКеР расшифровывается как аббревиатура слов "Сде Крав Рек" – "поле битвы пусто"). Все законы и моральные принципы, подстроенные под обуздание жестокостей привычной тринитарной войны, становятся в таком конфликте нерелевантными.

Цели и средства террористов. К концу XX века изменились и цели войны. Ранее основной целью был захват территории, ее присоединение, подчинение населения своей политической власти.

Западные развитые страны, обладающие мощным оружием, больше не заинтересованы в завоевании, колониализм уступил место неоколониализму и экономической глобализации. Ведь завоевание заставило бы современное "государство всеобщего благосостояния" обеспечить населению всей завоеванной территории те же права и тот же уровень социальной помощи, что и в метрополии. Поэтому сегодня сильные развитые страны предпочитают экономические связи без политического расширения. Их войны сегодня – это скорее полицейские операции по наведению порядка. Принятые по инициативе этих стран международные законы однозначно запрещают захватнические войны и предусматривают присоединение территорий только в качестве "наказания агрессора".

Террористическое движение также зачастую не ставит перед собой цели официально захватить власть, ведь власть подразумевает и ответственность за жизнеобеспечение населения. Иногда таким группам выгоднее не брать на себя ответственности и не обладая ресурсами для претензий на политическую власть заставить общество с собой считаться: влиять на принятие решений, изменять систему ценностей общества, выбивать субсидии, навязывать свой образ жизни, мстить за чувство ущербности.

Цель террористической войны уже не территориальное завоевание, их задача заключается в том, чтобы изменить само общество. Представляя себя обиженным меньшинством, они отрицают право государства применять против них легитимное насилие и, угрожая существующему порядку, добиваются не только конкретных практических целей, но и требуют нравственного оправдания: *признания справедливости своих требований, легитимности своих организаций, оправдания своих методов* (как вынужденных их слабостью и остротой стоящей перед ними проблемы).

Террористы осознанно декларируют себя как группу, меньшинство, заведомо более слабое, чем государство. Но не стоит заблуждаться, террористы, как правило, не являются одиночками и не так уж слабы. За спиной террористических движений зачастую стоят многочисленные враждебные массы и целые государства, испытывающие ненависть и бессильную зависть (которую принято называть "ресентимент"). Террористы пользуются поддержкой стран, которые не осмеливаются на открытое объявление обычной тринитарной войны, понимая, что по своей технической отсталости у них нет шансов на успех. Сами террористы участвуют в другой войне, избавляя себя от ограничений тринитарной войны, но используя те ее правила, которые им выгодны. Вернее, террористы применяют насилие в условиях необъявленной войны, то есть формального мира между странами, и эти мирные условия накладывают существенные ограничения на государства и общества, подвергшиеся террору, чем сильно затрудняют антитеррористические операции.

Таким образом, в террористической войне "слабый" с выгодой для себя использует нравственное ограничение на насилие своего сильного противника, будучи сам от этих ограничений совершенно свободен. Поскольку правилами особо защищены дети, женщины, больные, то именно их в первую очередь используют террористы как прикрытие, живой щит и даже как своих бойцов. (Так, в школах ПА детей воспитывают в духе прославления "шахады", и террористические организации, действующие против израильтян, принуждают детей принимать участие в терактах: бросать камни по едущим машинам, проносить взрывчатку и даже служить живой бомбой).

Также террористы используют и превосходящую технику своего сильного противника. В атаке 11 сентября это были американские самолеты и американские небоскребы. Это может быть современное оружие, которое отсталые общества не в силах сами разработать, но могут украсть или нелегально купить. Если террористы сами не используют передовую технику, то могут изматывать противника разработкой и использованием дорогостоящего вооружения с минимальным результатом. Так для "пинцетной операции" по уничтожению отдельного террориста без нанесения вреда его родне и соседям, среди которых он прячется, требуются новейшие сверхточно наводящиеся ракеты стоимостью около миллиона долларов. Израильская стратегия обороны от ракет "кассам" (копеечных труб, начиненных самодельной взрывчаткой, которыми арабские террористы из сектора Газы обстреливают израильские города и поселки) предусматривает строительство очень

дорогих бронированных крыш для гражданских зданий и сверхсложную (и очень дорогую) систему обнаружения и перехвата этих "летающих болванок", как назвал их президент Шимон Перес. Такая стратегия ведения антитеррористической войны способна сама по себе разорить госбюджет и оказать давление на власти даже без существенного количества жертв террора.

Терроризм как паразитизм на демократии. По той же причине, по которой не объявляется открытая тринитарная война, террористы не играют и по правилам мирного времени, предусматривающим различные ненасильственные общественные и политические возможности для достижения своих целей. Их цели противоречат принципам современного демократического общества. Но террористы с успехом обращают в свою пользу идею народовластия и, тем более, либеральные порядки, защищающие индивида и меньшинство от государства и большинства.

Сражаясь внутри и против свободного общества, они используют самый главный источник его силы – доверие, свободу и открытость. Они могут свободно въезжать и выезжать из демократических стран и использовать права человека и права меньшинств для эффективного прикрытия и оправдания своих целей и для самозащиты. Если же открытое общество, чтобы справиться с террористами, будет вынуждено отказаться от части своих законов, прав и свобод, то террористы могут праздновать победу – они уже изменили наш образ жизни, приблизив стандарты нашего общества к своим.

Террористы обращаются с требованиями к элитам, но само насилие сегодня редко направлено против элит. Объект террора выбирается так, чтобы при небольших затратах достичь максимального эффекта. Иногда – это представители власти или другая элита (например, в определенный период в царской России эффективнее было проводить теракты против царской семьи и чиновников высокого ранга). Сегодня, когда даже в нелиберальных странах источником власти объявляется народ, больший эффект достигается при атаке на случайно подвернувшиеся жертвы, чтобы любой человек не мог чувствовать себя защищенным.

Уже и в тринитарных войнах моральный дух населения являлся важным ресурсом, в террористической войне этот ресурс – главный. Терроризм использует само общество как огромный *усилитель*, который превращает отдельные акты насилия, наносящие относительно небольшой физический ущерб, в явление массовой озабоченности или даже паники. Терроризм пытается влиять на центры принятия решений, запугивая большинство населе-

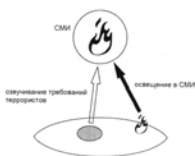

ния, подчиняя его волю, нарушая существующий порядок в обществе и угрожая ввергнуть его в хаос. Опосредовано, путем влияния на волю большинства, террористы оказывают давление на власти⁶. Необходимым условием такого "процесса усиления", как и условием современной массовой демократии, являются СМИ.

Процесс усиления, используемый террористами. Процесс, запускаемый террористами, осуществляется по следующей схеме: единичный теракт > освещение в СМИ > массовая реакция > отражение массовой реакции СМИ и давление от имени масс на власть > власть идет на переговоры с террористами.

1. Единичный теракт. Террористы используют свои ограниченные возможности насилия для терактов, построенных по законам массового зрелища и направленных против людей, случайно оказавшихся на арене представления. Количество пострадавших и размер ущерба не самые главные критерии "успешности" теракта. Важнее, чтобы информация о нем дошла до всех, и чтобы каждый легко мог представить себя или своих близких, независимо от их социального статуса и поведения, в качестве следующей жертвы.

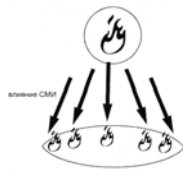

2. Освещение в СМИ. Теракт обладает всеми признаками, привлекающими внимание масс: в нем присутствует зрелищность, сюжетное напряжение и сильные эмоции. Его непредсказуемость и случайный выбор участников порождает вопросы и иррациональную тревогу. В обществе, привыкшем ценить

человеческую жизнь и рациональный порядок, теракт попадает на первое место среди новостей, и СМИ практически "принуждают" все население созерцать очередное кровавое зрелище. Отдельные особенности освещения терактов, которые играют на руку террористам, будут рассмотрены ниже.

3. Массовая реакция: уязвимость и непредсказуемость. Цель террористов состоит в том, чтобы все люди ощутили себя потенциальными жертвами, которых террор может настигнуть в любое

⁶ "Цель такого деяния... запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения". (См. ссылку 4.)

время и в любом месте, независимо от их поведения. У терроризма есть много общего с организованной преступностью: достижение незаконных целей при помощи вооруженного насилия. Но жертвами уголовных преступлений редко становятся случайные люди, в основном жертвы принадлежат к определенным профессиональным или социальным группам риска (охранники и полицейские, наркоманы, гомосексуалисты, проститутки и т. д.) Поэтому рядовой гражданин редко считает себя находящимся в непосредственной опасности.

Подчеркнем, психологически очень важно, что в случае теракта речь идет именно о человеческом умысле, а не о природном катаклизме, небрежности или случайности, последствиям которых мы все подвержены. Там, где речь идет о целерациональном поведении⁷, а не о неразумной природе или непреднамеренной ошибке, хочется верить, что его можно понять и предпринять определенные меры для защиты. Если это не так, то возникает стимул для паники.

Но террористам не достаточно, чтобы население испытывало только обоснованные опасения и озабоченность. Следует выделить две особенные группы, чья реакция определяет успешность террористических методов.

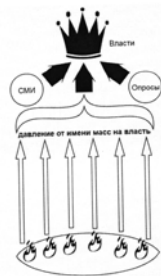
Первая группа, *"группа поддержки"* – это люди, изначально *сочувствующие террористам*, и разделяющие с ними хотя бы их цели, даже если они искренне отрицают методы их достижения. Нередко сами террористические организации делятся (хотя бы внешне и формально) на "миролюбивую группу", действующую принятыми ненасильственными методами, и "военное крыло" или боевиков, берущих на себя ответственность за теракты. Сочувствующие формулируют требования террористов на принятом демократическом жаргоне, выражая их в терминах общезначимых ценностей, и таким образом обеспечивают их начальную легитимацию. (Например, как официальные представители израильской арабской общины, так и власти автономии, после оче-

⁷ Поведение террористов трудно назвать разумным с точки зрения нормального человека, но оно достаточно рационально, так как террористы стремятся к достижению поставленных ими целей выбранными ими наиболее эффективными методами. Разумны и рациональны ли эти цели – это совсем другой вопрос.

редного антиеврейского теракта утверждают, что таким образом "отчаявшиеся представители национально угнетенного меньшинства протестуют против ужасов оккупации", и правительству следует "во избежание новых жертв с обеих сторон" выполнить требования террористов, например, выпустить из тюрем их друзей-убийц).

Вторая группа – это *"запуганные"*, люди, теряющие возможность здраво рассуждать и *меняющие свои принципы и нравственные установки вследствие теракта*. Подчеркнем, эти изменения вызваны не рационально осмысленными новыми чувствами, идеями или обнаружившимися фактами. Они меняют установки из желания заглушить страх, предприняв хоть что-нибудь другое. Они могут продуцировать панику, могут присоединиться к *"группе поддержки"* и быть готовыми на любые уступки, лишь бы уменьшить угрозу. Под влиянием панического страха они могут требовать от властей не уступок, а, наоборот, неоправданного ужесточения мер, например, "наплевать на закон и мочить всех подряд в сортире". В обоих случаях нерациональная реакция жертвы заставляет ее изменить себя и свои нравственные принципы, а не решать проблему по существу, относясь к террору как к любому другому насильственному противостоянию.

Именно их истерическая реакция расшатывает принятый общественный консенсус и подталкивает власти к принятию неадекватных решений.

4. *Отражение массовой реакции СМИ и давление на власть*. Отражение теракта в СМИ усиливает массовые реакции, так как те, кто не изменили своего мнения из-за единичного теракта, могут ощутить "массовый психоз" даже просто сидя дома у телевизора и наблюдая чужую истерику. Именно СМИ обращаются к властям от имени всего "озабоченного общества" и передают им требования, в формулировке которых большую роль сыграла *"группа поддержки"* террористов. Именно СМИ и опросы общественного мнения, фокусирующиеся на крайних реакциях *"запуганных"*, продуцируют смещение нравственных установок общества. Так, например, израильские СМИ в качестве решения проблемы арабского террора предлагают только две истерических крайности: немедленное и насильственное изгнание всех арабов или строительство еще одного арабского государства на израильской территории. В такой

ситуации общественные ценности деформируются под предлогом выбора "минимального из двух зол".

Освещение терактов и муссирование реакции на них мировыми СМИ добавляют к национальной "усиливающей аудитории" еще и мировое сообщество. Международные организации рассматривают терроризм как "международную проблему", что, зачастую, приводит к вмешательству во внутренние дела государства, против которого действуют террористы. К давлению на власти со стороны собственных озабоченных граждан добавляется давление со стороны тех международных агентов, которые заинтересованы в ослаблении этой власти или этого государства. Многочисленные, превышающие любую объяснимую пропорцию⁸, постановления ООН в отношении подвергающегося постоянному арабскому террору Израиля служат этому наглядным примером.

5. *Переговоры и уступки.* Под давлением реакции общества, а вовсе не из-за непосредственной физической угрозы режиму, власть идет на переговоры с террористической группой, дает ей легитимацию и может пойти на уступки и выполнить ее требования. Но даже если большая часть требований отвергается, все же после такого признания со стороны властей общество уже начинает воспринимать террористов, как партнеров по переговорам, а их требования как легитимные. Таким образом, изменяются границы общественного согласия по поводу тех или иных нравственных и идеологических норм. Итог – террористы добиваются если не немедленной выгоды, то, по крайней мере, долгосрочного изменения общественного мнения в свою пользу.

Особенности освещения терактов СМИ, играющие на руку терроризму. 1. *Драматизация, нагнетание чувства опасности.* Технические катастрофы и природные катаклизмы так же зрелищны и обращают на себя внимание СМИ. Но в отличие от террористических действий, здесь нет злого человеческого умысла, а есть нечаянная ошибка, сбой или случайность. В случае же теракта есть осознанная человеческая деятельность, логику ко-

⁸ Так, например, Совет по правам человека опубликовал 40 резолюций, осуждающих нарушения прав человека. 33 из них являются антиизраильскими. Девять чрезвычайных резолюций были опубликованы Советом – шесть из них имели антиизраильскую направленность.

торой многочисленные комментаторы и аналитики пытаются понять и найти метод предотвращения. Поэтому СМИ бурно обсуждают сообщения о том, кто ответственен за теракт и о его намерениях, транслируют интервью с террористами и выделяют опасность терактов как главную. В Израиле, например, дорожные катастрофы приносят на порядок больше жертв, чем террор. Но обсуждение борьбы с дорожными авариями сводится лишь к техническим подробностям: как изменить наказания за превышение скорости или сколько денег затратить на ремонт дорог. Так как при авариях, как правило, нет злого человеческого умысла, то проблема автокатастроф не имеет драматического характера (хотя она, безусловно, трагична), а зрители быстро теряют к ней интерес.

2. Представление террористов как жертв обстоятельств. Социальные теории, считающие, что преступников порождают не групповые различия, а социальные условия, имеют смысл в обществах с устоявшейся единой системой ценностей. СМИ, по своей инициативе или с подачи "группы поддержки", предполагают, что террористы придерживаются системы предпочтений большинства, предпочитающего обходиться без насилия. В трактовке СМИ террористов вынуждают идти на крайние, изначально непопулярные меры их личные, уникально тяжелые обстоятельства, а вовсе не групповое принятие легитимности насилия. Таким образом в обществе пробуждается сочувствие к преступнику, желание понять его проблемы и требования. Тогда и появляются термины, заменяющие слова "преступники" и "террористы". Например, "боевики", "борцы фронта национального освобождения", "представители угнетенного меньшинства" и др. Террористические организации сами стараются создавать такой взгляд, создавая "умеренное" крыло, на словах отрицающее насилие, но агитирующее в пользу террористов.

3. Романтический ореол. В террористических сетях есть руководители и рядовые исполнители. Для руководителей вооруженная борьба – это, как правило, осознанный выбор и способ достичь избранных целей – власти, богатства, психологической компенсации. Свой собственный риск главари террористических движений стараются минимизировать. Рядовые же исполнители, жертвующие жизнью, часто действительно бывают жертвами обстоятельств. Например, мусульманские женщины, нарушившие, по мнению их семьи, законы скромности, обрекаются их окружением на смерть или всеобщее презрение. Единственное, что может вернуть им общественное признание – это "шахада", то есть со-

вершение теракта Больным, бедным, юным, психически неустойчивым или разочарованным людям теракт предлагается как решение их собственных частных проблем. Он сулит существенную материальную выгоду для семьи, почести и загробное блаженство. У западного человека априори вызывает уважение готовность отдать собственную жизнь за идею. Поэтому, например, террорист-самоубийца, представленный СМИ как самоотверженный идеалист, может вызывать смешанные чувства. На самом деле у рядового исполнителя теракт редко бывает осознанным выбором, он скорее пушечное мясо для тех, кто его использует. Часто таких террористов-самоубийц одурманивают наркотиком.

4. *"Слабый всегда прав"*. В постмодернистской культуре, где нет всеобщих и твердых ценностей, спланирующих общество, утрачен объективный критерий правоты. Идея мультикультурализма заключается в том, что у каждого индивидуума и группы имеется свой образ жизни, свой нарратив и своя правда и некого поставить объективным судьей, определяющим абсолютную истину и устанавливающим незыблемые границы личных и групповых прав и свобод. Тесное сосуществование различных культур чревато конфликтами, где право одной группы на традиционный образ жизни вступает в неразрешимое противоречие с такими же неотъемлемыми правами другой. Так, например, право корейцев есть собак встречает возражение европейской группы защиты животных, а право мусульманок носить религиозный головной убор – хиджаб встречает возражение защитников права на французские светские государственные школы, куда не привносятся религиозные символы.

При таком конфликте интересов релятивизм общественных ценностей не дает возможности рационально решить проблему, объективно определив, кто отстаивает свои справедливые требования, а кто пытается силой получить то, что ему не положено. Общее правило общежития, выработанное в либеральных странах для таких случаев, – это стремиться любым способом избежать насилия, как-то договориться или откупиться. Либерализм в первую очередь озабочен тем, чтобы сильное большинство не подавляло слабое меньшинство. Поэтому либералы, как правило, требуют уступок именно от сильной стороны (то есть от Запада, от развитого государства или общества), неважно, права она в своих требованиях или нет, тем более что критерий правоты далеко не всегда очевиден. Привычное правило уступок в пользу "слабого" зачастую распространяется прессой и на террористов,

которых представляют как более слабую сторону – одиночек в конфликте со всем обществом. Излишне объяснять, что такой выбор "слабого" довольно произволен: вчера это был Каддафи, по сравнению с Западом, сегодня это "Аль-Каида" по сравнению с Каддафи и его армией.

5. Миф, что "бедность порождает насилие". Долгое время агрессивность связывалась с бедностью и необразованностью, и социологи, изучающие западное общество, имели основания считать, что повышение уровня жизни и образования поможет избавить людей от желания проявлять насилие. Поэтому западное общество старается все меньше подавлять, а все больше откупаться от проявлений агрессивности.

Когда в западное общество попали представители других культур, то оказалось, что склонность к насилию далеко не всегда связана с бедностью и необразованностью. Только в некоторых культурах (например, в западной), где высок престиж созидательного труда и ценности человеческой жизни корреляция между ними положительная. В других культурах (например, в современной исламской) к насилию прибегают скорее обеспеченные и образованные люди. Исламские террористические группировки возглавляют состоятельные люди, зачастую жившие на Западе и получившие там образование, но не принимающие западных ценностей.

6. Рассмотрение террора в отрыве от исторической перспективы. СМИ не имеют возможности подробно разбирать конфликт. Они вынуждены ограничивать историческую и географическую перспективу и рассматривать проблему только в рамках "здесь и сейчас". Поэтому СМИ достаточно произвольным образом выбирают, кого назначить на роль "слабого и обиженного", зачастую награждая этим званием того, кто таковым не является. Например, сепаратисты могут легко получить звание "обижаемого меньшинства", если не рассматривать поддерживающие их мощные силы извне государства. "Слабым" могут назначить и любого диктатора, жестоко вырезающего своих и не только своих граждан просто потому, что его страна не развита экономически и технически, а его армия пока не вооружена сверхсовременным оружием.

Не обсуждается также, сам ли страдающий виноват в создавшемся положении, или его действия не оставили большинству другого выхода. Так, например, при обсуждении причин арабского террора против Израиля, арабы, живущие в Иудее и Самарии, выделяются в отдельную нацию и из части арабского ближневосточного большинства, угрожающего маленькой еврейской стра-

не, превращаются в отдельное "палестинское" меньшинство. Их проблемы (например, эмиграция арабов из Израиля во время Войны за Независимость по призыву напавших на Израиль стран и принудительное содержание эмигрантов в арабских странах в "лагерях беженцев") редко связывают причинно-следственной связью с агрессией арабских стран против Израиля и нежеланием этих стран предоставить гражданство и принять своих братьев-арабов.

7. Освещение и критика антитеррористических операций. Как уже отмечалось, современные законы поведения в вооруженных конфликтах разрабатывались для тринитарных, а не для террористических войн.

СМИ рассматривают террористов как отдельных индивидуумов, между тем как они являются представителями определенной, возможно значительной группы, за чьи предпочтения они борются. Если группа не высказывает однозначного осуждения насильственных методов, если оказывает террористам моральную и физическую поддержку, то она несет групповую ответственность за их террористическую деятельность. Пресса же внимательно следит за соблюдением индивидуальных прав и настаивает на том, что "непричастное" население, среди которого находят убежище террористы, не должно страдать при преследовании преступников.

Взгляд на антитеррористические операции не как на войну, а как на полицейские меры по поддержанию порядка, желание журналистов освещать все события с поля боя как в мирное время, приводят к тому, что офицеры стали больше заботиться не о результате операции, а о своей репутации и том, чтобы не нарушить каких либо формальных правил.

Борьба с террором в открытом обществе. Итак, если рассматривать терроризм как войну, то такая война требует разработки не только новых видов оружия – точных, индивидуальных, "пинцетных", а не мощного оружия массового поражения. Она требует и новых правил ведения боевых действий и, главное, уточнения нравственных критериев ведения войны. Как обращаться с поддерживающим террор "мирным" населением, какие средства нравственно к ним применять, а какие – нет? Насколько допустима политкорректность, наказывающая обысками всех садящихся в самолет граждан, а не только подозрительных? Какими возможностями, насильственными и ненасильственными, обладают сами граждане для защиты и предупреждения террора? Все эти вопросы стоят на повестке дня.

Если же рассматривать терроризм как борьбу за общественное мнение, то обществу, а главное – СМИ следует избегать всех перечисленных выше ловушек. Необходимы жесткие меры не только против сознательного искажения картины необъективными журналистами, получающими от этого значительную выгоду или удовольствие, но также и против простой безответственности, прикрываемой правом на свободу слова и правом общества на информацию. Цензура – вещь довольно грубая и не вызывающая ни у кого энтузиазма, а здесь требуется разработать гибкий механизм как контроля, так и самоконтроля. Чтобы не заслужить названия "прессы как оружия массового поражения"⁹, СМИ следует опасаться поддерживать и распространять угрозы и ложь, содержащиеся в выступлениях как самих террористов, так и их "группы поддержки". При желании СМИ вполне способны найти правильный баланс сенсационности и рациональности в освещении терактов, помогающий обществу не впасть в истерику, трезво оценить цели и средства террористов и сохранять нравственную твердость. Следует помнить, что лучшее сдерживающее средство – это лишение террористов надежды добиться своих целей.

НОВАЯ КНИГА

Александра Воронеля

"В ЖАРКОМ КЛИМАТЕ СОБЫТИЙ"

**Столкновение "фраера" с уголовником,
либерала с ассасином, гуманиста с фанатиком.**

**Серьезный текст переплетается с юмором
и личными воспоминаниями автора,
много лет жившего в гуще событий
в России, в Израиле и на Западе.**

**Издательство "Москва – Иерусалим",
448 стр., 2008 г., цена 60 шек.**

Приобрести книгу можно у автора через журнал "22".

Тел. 050-90-80-348

⁹ "Пресса как оружие массового поражения" (<http://www.gipp.ru/print.php?id=3738>).

Дани Бен-Ишай

МИФ О КОНФЛИКТЕ

Мир стоит на коленях под гнетом трех бед: СПИД, голод и палестино-израильский конфликт. В то время как ученые всей планеты ищут вакцину, а агрономы борются с отстающим от демографии плодородием почвы, честолюбивые политики прослушивают пульс желанной Нобелевской премии мира: инициативы, переговоры и декларации; обольщения, угрозы и декламация; бессонные ночи в канцеляриях и на пунктах переговоров, засученные рукава и мятые бумаги. Но долгожданного мира все нет и даже не видно на горизонте.

Может быть, мы заблуждаемся по существу определения положения на Ближнем Востоке? Возможно, имеется более, чем небольшая пограничная тяжба, более, чем объект хлопот посредников и судебных? Неужели – если разрешим себе на секунду поддаться буйным спекуляциям – итак, это... не конфликт, а война?

Пожалуй, это и не заблуждение, а введение в заблуждение. Разве враги Израиля замечены в такой чувствительности к уточнениям, что на первый взгляд наивное выражение "израильско-палестинский конфликт" – которое капают нам в уши строго по рецепту: очень часто в течение лет – является их оригинальной находкой? Потому что на войне, или, если позволят наши уточненные дамы, в джихаде – есть победители и побежденные, а в конфликте – согласующие стороны. На войне достигают подавления, но в конфликте – компромисса. На войне цель – победа, но конфликту ищут "решение", как мировому голоду или СПИДу. Ведь то, что должно было считаться позорным поражением, продается израильтянам как лекарство от болезни, которую они же и породили: патологическая, западно-еврейская опухоль на сердце арабо-мусульманского Востока. И пока израильским детям рассказывают о "конфликте", арабские дети учатся канонизировать "историческую Палестину" (замечательный оксюморон) и неизбеж-

ный джихад, который будет использован как мясницкий нож, когда вырежет, наконец, сионистскую опухоль, даже если до сих пор ислам довольствуется хитроумными сеансами химиотерапии, чтобы притормозить и уменьшить "рак" в своей утробе.

Техническое разногласие

На исходе 2008 года выпал жребий на юге Израиля: конец сдержанности. Израильское правительство приняло решение о военном реагировании на агрессию ХАМАСа в Газе. Оппозиция находилась справа от правительства. Тыл держался с мужеством и немим терпением под непрекращающимся обстрелом в то время, как на передовой наши солдаты упрямо сражались в каждом бою и в каждой стычке. Пресса, в большинстве случаев, демонстрировала зрелость и относительную сдержанность (к большому огорчению штатных товарищей).

Объективный обозреватель – а в его поле зрения находился сильный и твердый народ, удрученный и до краев наполненный гневом за восемь лет безответного унижения, против жалкого по количеству и по качеству врага – наверняка бы предсказал падение власти ХАМАСа в Газе. Предсказал бы – и ошибся... Израиль поспешил отступить, готовясь к визиту Барака Обамы, который вскоре должен был стать президентом. Правительству хватило причиненного вреда инфраструктуре и кадрам ХАМАСа, и требование оппозиции: по крайней мере сохранить контроль над границей с Египтом, чтобы предотвратить поставку военных средств ХАМАСу – не произвело впечатления. Не было упомянуто и имя Гилада Шалита. Со своей стороны ХАМАС заявил о победе и заверил, разумеется, что продолжит "сопротивление".

Недавно мы были проинформированы прессой, впрочем сухо и тихо, что с тех пор военные силы ХАМАСа в Газе восстановлены и даже заметно модернизированы с помощью Ирана и Сирии. Следовательно, еще сильнее гнетет вопрос: а какой стратегический смысл был в операции "Литой свинец"? Ответ: не-победа. Усмирение. Ведь мы не на войне, а в конфликте. От нас частично требуется успокоить горячие головы наших соседей, когда они увлекаются и убивают из утвержденного количества запуска ракет. Но нет никакого, Б-же упаси, намерения – ни сиюминутного, ни долгосрочного – уничтожить врага.

Израиль может продолжать отклонять официальные переговоры с ХАМАСом, опасаясь его легитимации (переговоры о Гиладе

Шалите, оказывается, это нормально). Но колющая глаза правда состоит в том, что Израиль – как будто так было всегда и нельзя даже вообразить иначе – примирился с фактом существования исламистской страны в своей сторонущке.

А если Государство Израиль согласно здравствовать рядом с ХАМАСом, значит и подавно не против наличия полуофициального палестинского объекта, культивированного в центре Эрец-Исраэль. Его вождь хоть и отрицает Холокост, но идет именно этой дорогой – по собственному признанию, продолжая дело "шахидов" Ахмеда Ясина и Ясера Арафата – и когда отказывается признать еврейскую страну Израиль, лелея благородную мечту построить две страны для одного народа, и когда открыто заявляет о необходимости панарабской войны для уничтожения Израиля, как только позволят обстоятельства. По крайней мере он достаточно умен, чтобы понимать, что сегодня обстоятельства это не позволяют, и посему его план победы над Израилем связан с изощренной дипломатией. В качестве араба, оставившего вооруженное сопротивление, генсек Палестины с помпой коронован Израилем и всем миром: партнер.

И когда на Южном фронте вообще нет военных действий, а самое большее – напряженный диалог с эпизодическими ухабами, то мы толкуем риторику и поведение Абу-Мазена (согласно стандартам, принятым во всем мире, кроме нас, это политическая агрессия) – как выражение технических разногласий с Израилем, наподобие судебных Монбланов по дороге к урегулированию... конфликта. Ведь остается лишь встретиться, поговорить и найти общий знаменатель несколькими завершающим пунктам: вопрос восточной границы, владение территорией между западным побережьем и Газой, раздел водоисточников и право Израиля на существование.

А кто, не дай Б-г, укажет на этот абсурд, да еще сошлется на дополнительные аспекты – исторические, географические, моральные – и будет призывать перестать варьировать "палестинскую опцию" и не пытаться построить в Эрец-Исраэль одновременно и западную, и устойчивую еврейскую страну – этот человек заслужит клеймо фанатика и крайнего националиста – еврейский аналог террористу ХАМАСа. Ведь и тот, и другой отталкивают путь компромисса, хотят разгромить и даже прогнать противника, жаждут целой Эрец-Исраэль, в то время как умеренные с обеих сторон давным-давно борются за мир, совсем как Ромео и Джульетта, которые сражались за свою любовь, а кровавая распря между двумя семьями была помехой их любви.

Альтруизм наивных

Необоснованное сравнение израильских правых с палестинскими исламистами является прямым следствием "мифа о конфликте". На войне понятно, что мы – за нас, даже если стреляем и убиваем вражеских солдат – точно так же, как противник убивает наших солдат (то есть в случае наличия моральной симметрии изначально). Но в конфликте – увлечься и опуститься до уровня противника – это как будто потерять наше моральное преимущество и увековечить вражду. На войне – "поднявший меч от меча и погибнет", но в конфликте – "не делай другому того, что не пожелаешь себе". На войне – "око за око, зуб за зуб", а в конфликте – "не мсти и не храни злобы". "Миф о конфликте" гипнотизирует евреев, обращая их в как бы нейтральных наблюдателей: ведь в то время как война обязывает к патриотизму и национальному эгоизму, конфликт требует объективности и великодушия во имя мира.

Нельзя сказать, что нам следует опасаться объективного суда: любой образованный и добрый человек тотчас увидит низость обладающего аппетитом в его запросах на то, на что претендует голодающий; что похотливое нетерпение произвести на свет двадцать-какую-то арабскую страну на руинах единственной еврейской – ликвидируется перед необходимостью предоставить устойчивую независимость народу, пережившему ужас бессилия. Но даже если бы и было здесь симметричное столкновение между двумя равноценными народами – нет такого морального кодекса, по которому евреи – единственные из всех народов мира! – должны быть объективны, вместо того, чтобы быть – сами за себя.

В правовом государстве мораль предписывает быть хорошими и даже уступчивыми в споре гражданами, готовыми принять решение суверенной власти. Но в атмосфере анархической, эгоистической и жестокой, каковой является окружение интернациональное – кто, как не мы, познал на своем горьком опыте, что эгоизм – это моральный закон, и нет места альтруизму наивных, который в перспективе приводит к антиморальным результатам.

Мы находимся в эпицентре войны народов. Это не ссора между малышами, которым требуется трезвый взрослый, такой, как Обама, чтобы их помирить (а отношение свысока со стороны американцев и всего мира, когда мы оказались несостоятельными в наших делах и в наших речах – это оскорбление нашим павшим). И уже мы знаем цену как Обаме, так и многочисленным монографиям и статьям, инициативам и соглашениям, пахоте споров и обсуждений – в поисках решения конфликта – напрасным.

СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

Изя Вальдемиров

СОЕДИНИТЬСЯ С ПРИРОДОЙ

Годами наша жизнь протекает размеренно и рутинно. Мы делаем то, что требуется нормальному современному семейному человеку – ходим на работу, выполняем необходимые домашние дела, слушаем новости, смотрим телевизор, иногда читаем какую-то книгу или идем в кино или в театр. А еще – занимаемся привычным сексом один или два раза в неделю, обязательно почему-то поздно вечером, перед сном, когда уже легли в кровать. Все это делается почти одинаково миллионами разных людей и часто как бы автоматически, подтверждая однообразие обычной жизни.

Жизнь никогда не баловала меня. Я не обладаю красивой внешностью, у меня нет каких-нибудь особых талантов, нет и богатых родителей, чтобы я мог, не работая, вести красивый и праздничный образ жизни. Среди людей я никогда не чувствовал себя своим. Собственно говоря, и друзей настоящих у меня нет и никогда не было. Я редко нахожусь в хорошем или веселом настроении, часто мне грустно без всякой причины, ну а в основном преобладает состояние "ни радости – ни горя", состояние озабоченности всякими делами, то есть нормальное состояние подавляющего большинства современных людей. Поэтому отношение мое к природе особенное, должен же такой городской человек, как я, в чем-то находить отдушину и особое наслаждение.

В этом году, как и в любом другом стандартном году, пришла очередная весна в моей однообразной жизни. Но почему-то в этот раз мне, как никогда раньше, очень захотелось выехать за город, погулять в тиши, подышать весенним воздухом, насладиться видом и запахом цветов. Все как-то не складывалось – то срочная работа именно в выходной день, то плохое самочувствие жены,

то отмечаемый в ресторане день рождения одного из родственников. Мы все откладывали поездку за город. И я каждый раз говорил себе: "На следующей неделе поедem, погуляем по полям, среди цветов. Я так люблю полевые цветы, весенние запахи, когда природа просыпается для новой любви и новой жизни. Хочется хоть немного приобщиться к этому обновлению природы". Наконец в одну из суббот мы проснулись рано и решили – сегодня мы едем за город. Вернее, инициатором был я, ведь я уже давно об этом мечтал. Быстро позавтракали, собрались и поехали. А ехать-то от нас в этот рай на машине всего двадцать-тридцать минут, и непонятно почему были такие тяжелые и долгие сборы.

Боже, какая красота кругом! Иногда самые простые вещи, самое обыденное может вызывать у нас такие эмоции, умиление и восторг, которые в другое время и другими людьми не будет понят, так как нет в этом на самом деле ничего такого особенного. Этот восторг и такое отношение определяется внутренним состоянием, внутренней потребностью и внутренней предрасположенностью данного человека в данный момент. В этот день я был предрасположен восхищаться природой, травой, воздухом и, конечно же, цветами. Мы идем, взявшись за руки, по петляющей проселочной дороге. По сторонам высокая сочная трава и целые поля цветов – желтых, красных, белых, синих, фиолетовых. Красиво очень, жена светится радостью, я тоже очень доволен, мы понимаем друг друга молча. Действительно здорово, ничего другого не скажешь.

Человек странное и сложное существо. Никогда нельзя однозначно объяснить почему в один день настроение такое плохое, а в другой, казалось бы, без особых на то причин – очень хорошее. В один день, например, были какие-то неприятности, что-то болело в каком-то месте, и настроение, понятно, было плохое. Но на завтра остались все те же проблемы и неприятности, и даже болит так же и в том же месте, а настроение непонятно почему совершенно другое, хорошее и даже приподнятое.

Жена начинает фотографировать и фотографироваться, она всегда была жадная к фотографиям. И так, и этак, и эти цветочки, и другие, то присядет на корточки, то ляжет на траву – а я все это должен щелкать и щелкать. Вокруг ни души, только поле, травы, цветы, и вдали виднеются пасущиеся лошади. Мои глаза, нос, уши, все мое естество наполнилось каким-то восторгом и любовью. Вдруг у меня возникло сильное сексуальное желание, мне захотелось заняться сексом прямо в этот момент, в поле, на этой высокой и душистой траве... Говорю об этом жене. Она и слу-

шать не хочет. "Как, прямо здесь, на траве ? Ну, ты просто сошел с ума. Ты всегда должен испортить настроение, посмотри как красиво кругом. А ты о чем?" – отвечает мне возмущенная жена. "Жаль, очень жаль", – думаю я. "А было бы так хорошо дополнить эту красоту нашей любовью, ведь и природа вокруг любит, и это передается нам, во всяком случае я почему-то этот сигнал природы четко улавливаю. Было бы так хорошо, и так романтично, и главное, уж очень мне захотелось заняться любовью именно сейчас и в этом месте".

Когда я был студентом, я "в шутку" завидовал собакам, кошкам и другим животным. "Вот эти свободные твари, – думал я, – могут удовлетворять естественные потребности, такие как, например, пописать, когда хотят и где хотят, а люди должны терпеть и делать это только в специальных местах". Еще больше я завидовал животным в том, что они могут заняться сексом, когда им захочется и где захочется. А для меня – советского студента существует столько условностей и преград для удовлетворения такого естественного в моем возрасте желания. Но и будучи уже давно взрослым, когда "приказала долго жить" эта "проклятая советская система", мне не удастся ни профессионально заниматься любимым делом, ни делать многие другие вещи так, как мне это хочется. В мире людей существует так много ненужных условностей и ограничений. Что я мог бы сделать, например, в этой ситуации ? Не стану же я насиловать собственную жену? "Н-да, для этих целей нужно будет завести любовницу", – мелькнуло у меня в голове.

В современном цивилизованном западном мире большинство людей уже имеет почти все, что они хотят. Во всяком случае прилично поесть, включая деликатесы, послушать музыку, пойти на концерт или в кино, развлечься и хорошо провести отпуск у большинства на Западе нет никаких проблем. Проблема состоит уже не столько в том чтобы иметь то, что хочешь, а чтобы иметь тогда, когда захочешь и где захочешь. То есть проблема осталась только в том, чтобы иметь желаемое немедленно. Хотя, если подумать об этом более глубоко, то как только большинство людей будет иметь желаемое немедленно – жизнь потеряет всякий смысл и превратится в стопроцентную скуку, так как не к чему будет стремиться. С одной стороны, это будет сплошное наслаждение, но с другой – это же будет сплошная скука. Поздравим себя, что эти ужасные времена еще не наступили, и будем радоваться, что пока еще есть к чему стремиться, и желания наши еще не всегда так легко реализуемы.

ОТКЛИКИ

Роман Казак-Барский

ВЕЛИКИЙ КИЕВЛЯНИН

Михаил Афанасьевич Булгаков родился и жил на склоне той самой горы, "откуда есть пошла русская земля". Ее энергетическая аура питала его творческой энергией, как и многих его предшественников и современников – от Григория Сковороды до Анны Ахматовой. Его озорные фантасмагорические романы и повести, брызжащие сатирическими искрами, легко читаемые и в то же время наполненные глубоким нравственно-философским смыслом, доступные рядовому читателю, поставили его в ряд наиболее читаемых русскоязычных писателей XX века. Фабулы и конструкции его произведений захватывают читателя с первой строки и уже не отпускают до последней страницы. Он любил свою малую родину, как и всех своих женщин, – нежно и самозабвенно. И если он не называл ее по имени, то величал Городом с большой буквы.

Удачно и красиво начавшаяся жизнь в семье русских интеллигентов-гуманитариев, не была увенчана венками славы. Войны и революции разбросали семью по свету, да и сам он покинул родное гнездо для столицы народившейся большевистской империи. Пожалуй, ни на кого не было написано столько доносов коллегами по писательскому цеху, как на Михаила Булгакова. Он никогда не скрывал своего неприязненного отношения к новой власти. Даже одет был вызывающе – костюм-тройка, белые гамаши на ботинках, монокль, не исключался цилиндр. Что же его спасло от революционной мясорубки? Возможно, каприз диктатора. Говорят, Сталину нравилась пьеса Булгакова "Дни Турбиных".

Фанатики-утописты, романтики революции, пытались построить новый тип государства. Но стабильность этого государства могла быть достигнута при условии изменения человеческой природы. И они пытались это сделать, опираясь на исследования Зигмунда Фрейда и Ивана Павлова. Отсюда пошли общежития и

коммуналки – инструмент тотального контроля над человеком. В свете учения З.Фрейда власть серьезно ставила вопрос о контроле даже над сексуальной жизнью людей, полагая, что «энергия пролетариата не должна утекать в половые щели» до полной победы мировой революции, как писал один из апологетов такой политики в брошюре "Половой вопрос и красная молодежь". Этот абсурд не мог не вызывать саркастической улыбки писателя. Все же у Михаила Булгакова за плечами был медицинский факультет Киевского императорского университета им. Св. Владимира, практика земского лекаря в российской глубинке, венеролога в Киеве и военного врача в армии генерала Деникина. Вряд ли можно в мире сыскать более дерзкую, искрометную фантазмагорическую сатиру на потуги власти по "переделке человека", нежели повесть "Собачье сердце". Пятьдесят лет эта повесть "ходила в списках", как в свое время "Горе от ума"! И только когда внуки партийцев и комсомольцев 20-х годов решили присвоить некогда экспроприированную собственность представителей "господствующих классов", уничтоженных их дедами, по сути признав утопичность большевистских идей, эта повесть была опубликована и по ней был снят фильм.

В конце 20-х годов писатель начинает работать над главным произведением своей жизни романом "Мастер и Маргарита". Главная философия романа – человек создан по образу и подобию Его, и переделать его не в силах даже большевики, для которых "нет крепостей, которые они не могли бы взять". Тема Спасителя и Пилата органично вписывается в ткань романа, давая возможность даже неподготовленному читателю понять, что любовь и ненависть, предательство и самоотверженность, приспособленчество, лесть – были, есть и будут неотъемлемой сутью человека. Власть и интеллект всегда противостояли друг другу, потому что власть основана на тоталитарном сознании, а интеллекту нужна свобода творчества. Роман создавался трудно. Множество раз переделывался, прежде чем принял свой окончательный вид. Несомненно, в компоновке, в некоторых сценах романа виден опыт Булгакова, приобретенный от общения с послом США в Москве в 30-х годах Уильямом Буллитом.

Они были ровесники. У.Буллит, американский аристократ из Филадельфии, происходивший по отцу от французских гугенотов, по матери от польских евреев (в Штатах аристократами считались потомки первых колонистов), получил блестящее образование в престижных университетах Нового Света – Йеле и Гарварде, работал советником президента США Вудро Вильсона в период конца

Первой мировой войны. По своему складу характера Буллит и Булгаков были близки. Впервые в Россию Буллит приехал в начале 1919 года в качестве главы миссии правительства США, пытавшегося понять, что есть большевистская власть. Он неоднократно встречался с Лениным, и собеседники были взаимно очарованы друг другом. Кто знает, как бы обернулась история Европы и мира в XX веке, если бы президент Вильсон со вниманием отнесся к меморандуму Буллита! Ленин готов был отдать 16 (шестнадцать!) территорий бывшей Российской империи – Прибалтику, Западные Украину и Беларусь, Крым, Кавказ, Урал, Сибирь с Дальним Востоком и пр. за признание большевистской власти в ареале Москва – Петроград. Но!

Обиженный Буллит подал в отставку и уехал в Париж, где его товарищами стали Фрэнсис Скотт Фитцджеральд и Эрнест Хемингуэй, сбежавшие в повоенную дешевую Европу от сухого закона. Вступивший на пост президента в 33-м году вновь избранный президент Франклин Делано Рузвельт пригласил на службу Уильяма Буллита, и направил его первым послом в только что признанный США Советский Союз.

Впервые Михаил Булгаков и Уильям Буллит встретились в сентябре 34-го года во МХАТе на спектакле "Дни Турбиных". Их знакомство быстро переросло в дружбу. В стране в это время набирал обороты всеобщий террор. Не без помощи Булгакова Буллит быстро "правел" и из доброго друга товарища Ленина быстро превратился во врага советской власти. На его глазах государство деградировало в тоталитарную деспотию. Немалую роль в "поправлении" Буллита сыграло его общение с товарищем Сталиным, иногда длившееся целую ночь с обильными возлияниями и поцелуями. Тренированный в Париже в обществе Хэма и Скотта, Уильям пил вполне на равных с советскими вождями.

По традиции каждую весну в посольстве устраивался весенний прием, на который приглашались все значительные лица государства пребывания. Party 23 апреля 1935 года, на котором среди 500 приглашенных присутствовала чета Булгаковых, несомненно нашла свое отражение в 23-й главе "Великий бал у Сатаны" романа "Мастер и Маргарита". Об этом свидетельствуют дневниковые записи Елены Сергеевны Булгаковой и книга Тейара, помощника У.Буллита "Медведь в икре". Ах! Что это был за прием! Резиденция посла в Спасо-Хаузе на старом Арбате (резиденция находится там и по сей час) тщательно готовилась к приёму несколько месяцев. Из Финляндии самолетом (! – не забудь-

те, это только 35-й год) были доставлены в Москву готовые распуститься тюльпаны. В Московском зоопарке готовились для приема козочки и овечки, долженствующие изображать пасторальные сцены. Впрочем, сколько их ни мыли, они продолжали дурно пахнуть. Маленькие медвежата должны были способствовать созданию уголка *a la Russ*, множество птиц в клетках, в том числе и экзотических, развесили по стенам залов. Приглашен был чехословацкий джаз-бэнд, гастролировавший в Москве, и цыганский хор-оркестр. На прием была приглашена вся партийно-государственная и военная верхушка в лице Бухарина, Бубнова, Радека, будущих маршалов Советского Союза Тухачевского, Егорова и Буденного. Культуру страны пребывания представляли театральные режиссеры Мейерхольд, Таиров, Немирович-Данченко, prima Большого театра Ольга Лепешинская (по слухам работавшая на ГПУ). Был на приеме и особоуполномоченный наркомпроса по связям с иностранцами барон Штайгер – полуофициальный агент ГПУ – прототип булгаковского барона Майгеля. Мужчины были во фраках, женщины в вечерних туалетах. Военные в форме при орденах. У Михаила Афанасьевича фрака не было, и он надел черный костюм. Елена Сергеевна – в длинном черно-синем платье, украшенном бледно-розовыми цветами. Главные партийцы тоже проигнорировали фраки и были в полувоенных френчах (все одевались, как Сталин). Только экстравагантный Карл Радек пришёл в своём любимом туристском костюме. Бал начался ровно в 24 часа. Танцы, музыка, обильные столы, вино и другие напитки – рекой. В 3 часа пополуночи с клеток с петухами сдёрнули покрывала. Зала огласилась сочным криком петуха. Запел только один. Остальные забастовали. Шутник Радек подменил бутылочку с молоком медвежонку бутылкой шампанского *Cordon Rouge*. Несчастное дитя не сразу разобралось в замене и, оказавшись на руках у будущего маршала Егорова, обильно отрыгнуло ему на мундир и ордена содержимое желудка. Не очень трезвый военачальник стал скандалить и требовать сатисфакции, посчитав случившееся провокацией. Впрочем, все закончилось миром ко всеобщему удовольствию. Тухачевский сплясал с Ольгой Лепешинской лезгинку. Прием удался. Большинство присутствующих не предполагало, что был это последний бал в их жизни, и очень скоро все они сгинут в застенках Лубянки. После этого приема появилась последняя редакция 23-й главы. Многое в ней узнаваемо – и птицы, и тюльпаны, и купание гостей в шампанском, и коньяк, фраки на гостях, сопровождающих своих легко одетых

(только в туфлях) подруг. В общем, бал мертвецов. Разница лишь в том, что на балу у Воланда – гости, совершившие преступления на сексуальной почве, на балу у Буллита – будущие жертвы маниакальной тоталитарной власти, которую они же и представляли.

Обстановка в стране все более угнетала Булгакова. Он потерял сон, его преследовали кошмары. Многократные попытки получить разрешение на выезд из СССР не увенчались успехом. Железный занавес опустился. Пограничник Карацупа со своим верным псом Индусом уже стал на пост. Несмотря на переписку со Сталиным и даже телефонный разговор, Михаил Афанасьевич получал отказ за отказом. Он нужен был Сталину, как сталинская Конституция, чтобы на фоне усилившейся деспотии показывать иностранным левым интеллектуалам свою толерантность и наличие формальной демократии в стране. Этот прием, придуманный вождем, использовался властью и после смерти вождя вплоть до крушения большевистского режима.

У.Буллит понимал, что не в силах помочь своему другу, как он это сделал по отношению к семье Зигмунда Фрейда, вырвав его (за немалый выкуп) из рук венского гестапо.

Кто знает, как сложилась бы судьба Булгакова, сумей он выехать из страны. Не был бы дописан роман о преданной любви, человеческих пороках и слабостях – "Мастер и Маргарита". Он не приобрел бы той посмертной славы, которая не измеряется громкими званиями и названиями почетных премий, не было бы его музея в Киеве на Андреевском спуске в доме № 13 с мемориальной доской, на которой великий киевлянин забит в рабское ярмо властью, не сидел бы он задумавшись рядом с входом в знаменитый дом Турбиных в бронзе. Стоял бы он скромно в ряду знаменитых своих соучеников по Первой императорской имени Александра I киевской мужской гимназии Константина Паустовского, Евгения Тарле, Микулина, Луначарского и др.

Один из героев романа "Мастер и Маргарита" Воланд. Он многое может. Но и для него есть Он, который просил Воланда устроить судьбу Мастера и его подруги. И Воланд выполняет Его просьбу. Воланд не Сатана. Он не несет зло, не "улавливает" души людей. Он разоблачает зло и наказывает его носителей. Homo soveticus – плод сатанинского эксперимента оказался внешней оболочкой человека. Внутри же он обуреваем теми же чувствами, совершает те же поступки, что и тысячи лет назад, в общем, такой, каким был Им создан. Человека переделать невозможно – это главная философия романа. Человеки только образ и подобие Его, не более.

Михаил Юдсон

АУРУМ, или ЗОЛОТАЯ АУРА

Книги стихов возникают на моей расшатанной столешнице сами. То просачиваются из мирового эфира, льются из золотого решета, то друзья пришлют – перевороши, порадуйся дару. Вот и этим томиком небесного цвета я, как говаривали сухаревские букинисты, "одолжился на прочет". Сунулся листать, глотать – навскид, из середины – наткнулся и остановился: "...в зимний Кёльн. Принимая немотство / Тайной миссии, будут в молчанье они / Проходить мимо нас, как земные огни, / В виффлеемской земли воеводство". Тут я бережно, человечно погладил книжку по гладкой спинке и отворил начало, где было слово о Петербурге, где шел снег, пришла Елка, скакал мороз-воевода дозором, и зимний Кёльн рождественски преображался в дворцовый Зимний.

Петербург Гранцевой пиитичен и многогранен: "лицедей-мореход, альбинос-эфиоп... полиглот-землемер, несогласных эпох пионер... неизвестных небес гражданин".

Согласитесь, сразу хочется вчитываться, неспешно катать строчки на языке и даже помышлять о встрече с автором "на вербной веточке метро". Эдакое свидание у Четырех Углов – поскольку в сборнике как раз четыре раздела: "Гражданин небес", "Зима бытия", "Золотое решето", "Легированная роза".

Времена года в книге – да пожалуй зима, а после осень. Уже читая список стихов, "Содержание", словно обводишь пальцем морозные узоры на стекле: "Мороз крещенский в утреннем саду...", "Библия. Полночь. Зима...", "Зимы сверкающая дрожь..." Или подбираешь в короб опавшие листья: "Византийская осень в России царит...", "Стал осинник золотым...", "В осенний час любви и знанья..."

Наталья Гранцева. *"Мой Невский, ты – империи букварь..."*. Санкт-Петербург, 2009 г.

По аллеям книги гуляют "титularные акакии, макары" и бедный из "Медного", и Монтень толкается в метрополитене, и Беккет толкует про конец игры, и "будем в час вечерний века обнимать, ко сну идя, я – трактат Умберто Эко, книгу Брэдли – дитя". Да, да, все читанное допрежь, все облака и деревья, делегированные розы и именные кресты, все наливные яблоки, все золотые шары, все странствия по разбегающимся тропкам страниц, эти "неизживаемые дрожжи", как выражался Шергин, – именно на них поднимается тесто стихотворного текста Гранцевой.

Сложносочиненная, свежеиспеченная красота – геометрия Римана "в этом Риме болотном под каждым кустом"! Книга сродни Петербургу: строгие строфы проспектов – и "воздуха круглый ларец". Муза здесь – Клио. У Гранцевой "русская Клио живет в Назарете, в крепости бродит Троянской", "пластилином истории Клио играет", а также "Клио, рифму отвергая, нам прибавляет страсти и ума". Эпохи в книге вольноотпущенно раскованны – "в неслышную гармонию слились". Добавлю отсебятины – смешались в кучу кони Клодта, люди Флинта, конек Ершова, горбунок Гюго, образуя замечательный – для тех, кто понимает! – "ерш". Открывай да пей! Возможно, этот нектар не для всех читателей без перьев – "но они не знают Мандельштама и гнезда в цитате не совьют". А тихому рецензионному пролу вроде меня стихи эти близки дивной цикадностью, эдакой блокадностью многосмыслья, распахнутой герметичностью.

И пусть Наталья Гранцева лукаво сознается: "Я разлюбила Серебряный век... его зеркала в винных закатах...", "Мир очарован макаронами и бредит истиной в вине" – но мне, набравшись духу и стихов, так и хочется возопить: "Белые сзади!" – взвихренная игра в бисер, символистская пурга и акмеистская метель. С ходу полюбились вхруст эти запорошенные изощренностью вирши: "Вокруг тебя ни холода, ни мрака, поскольку смысл отсутствует во тьме. Левкой, Набоков, парусник Маака, на башне аист, облако, акмэ..." Такое это мое, родимое, блочное – аж поминаешь парфюмера, улисса, фингал... Воистину, камень на камень, Пелион на Оссу – и воссияет Оссиан!

Однако у Гранцевой культурные пласты не сроду ширятся победительно, слоятся наполеоново, порой тень вспоминает свое место и свивается Св. Еленово – а это лирика-кириллика всю книжность, всю методику-мефодику сбондила по элегическим волнам, пустила в распыл. И несть ни эллина, ни Лианозова – лишь несть благую весть! С волхвами жить!.. Слюдяное уступает ледяной

прозрачности: все для людей, Кай – человек, а следовательно, Герда – друг... "И снега ангелы слепые возникли около окна..." Стилистика осязаемо сменяется осезимью, хрустящим в лужах ледком, звуками и запахами, важным и влажным, талым снегом и палой листвой... Бумажный пейзаж оживает, выпрыгивает из рам – и "бьется жилка на горле текста", как буркнул Набоков.

Огранка слов у Гранцевой, как и должно, недюжинна: "хвойный ангел с мандарином", "птенцы за пазухой Христа", растения – "зеленые апостолы любви, немые рыбки из Генисарета". Кстати, о зелени, о цвете трав и вер. Меня всегда интересовала раскраска звукоряда – как там читаемое крылышкуется золотишкой, не самоварный Спас ли? Вспомним термин Гиппиус – "нарисованные стихи", в том смысле, что – искусственные цветы. У Гранцевой стихи – живые и светятся, и пахнут, и цветут, даром что привычных цветов спектра практически нет. Отсутствует напрочь вот это, короче: "Каждый охотник – фазан..." Почти двести страниц, и только на последней возникает "сумрак синий", ну, пару раз мелькнул желтый, подмигнул зеленый – проезжай, читак, Итака далее, эх, даль свободного Дальтона!.. Вы не поверите – книга стихов без единого слова "красный"! Случается, "розовеет боярышник Пруста", а так скитаешься впустую в поисках. У автора табу на этот цвет. Зато тотем тут – слово "золотой". Волшебное слово! Оно нечувствительно вклинивается в извилины, и мир затягивается в тот самый цветной туман – и ты затягиваешься в книгу. Давайте развернем прилежно свиток, сочтем – и не до середины, до конца. Золотое, золотые, золотая, золотой: корабль, очки, облако, лес – хлам, курабье, сети, трава – сундук, ладья, душа, сдоба – боги, город, игра, Брукнер – чашка, решето, тюбан, крыльцо – листопад, купола, рожденье, осинник – июль, слитки, агнцы, языки – конфигурации, рукавица, сом, сон – перо, театр... Ну точно, эта книга – театр Питера, кариатид, колонн, каналов и крылаток – уж Мойка близится, двенадцать, а Грибоеда нет... "На златом крыльце сидели..." – завораживающе-красочно, ритмически читает нам Гранцева, ах "цева" – краска, кстати, на иврите, на назаретском древнем языке.

Золотое сечение текста гармонизирует душевный хаос, слушатель-читатель постепенно втягивается и наконец сечет предмет, воочью видит удивительную ауру сей книги... Особенно же сильно про Россию. Единственный эпиграф на белеющих полях – из Лермонтова: "Прощай, немытая Россия". Горечью и верой, тоской и надеждой, грустью и любовью дышат здесь стансы Ната-

льи Гранцевой. Палех и гжель переплавляются в печаль и боль, а "викжель пути" – в "плакали и пели". Прощай, прошлое – "и паутиной заросли навек оглохшие иконы". Пахнет щами и снегом, полустанками и звездами – потому как поэзия... "Я верю в ясный ум России" – так завершается книга. Дай Бог!..

Здесь прекращаются записки мои. Далее – молчание. Золотые слова! Воистину, ум хорошо – а аурум лучше. Читайте Гранцеву – старайтесь, намывайте душу.

Издательство "ДААТ / ЗНАНИЕ"
(Иерусалим – Москва)
выпустило в свет
книгу НАУМА БАСОВСКОГО
"Из ТАНАХа. Стихотворные переложения"
(390 стр., в твердом переплете,
с цветными иллюстрациями).

"Поэт взял на себя грандиозную задачу не перевести, а пересказать, переложить своим русским языком гениальные творения древних пророков, чтобы поделиться вдохновением, охватившим его при прочтении, и, может быть, заразить нас благоговейным возвышенным чувством, которого всем нам так не хватает в нашей слишком обыденной жизни. Чувство это сродни той молитве, к которой уже тридцать веков на древнем языке призывают псалмы".

Александр Воронель

Книгу можно приобрести в интернет-магазинах
на серверах России, Украины, Эстонии,
а также непосредственно в издательстве
по тел. 0544-221-382.

Григорий Трестман

ТРЕТЬЕ ВРЕМЯ

Илья Корман в своей рецензии на двухтомник Бориса Камянова ("Стихотворения и переводы", Иерусалим, ЛИРА, 2005; "Юмор. Публицистика", Иерусалим, ЛИРА, 2007), открывает секрет камяновского потустороннего зрения. Камянов якобы наблюдал за писателями с хмельной высоты буфетной стойки в ЦДЛ, плюс к тому служил инспектором Литфонда по установке памятников. Это, по утверждению Кормана, и позволяло "видеть писателей и вообще мир – с изнанки" и якобы "роднило Камянова с Вениамином Блаженных, певцом кладбищенства и изгойства"...

Ужель достаточно надраться с писателем в ЦДЛ, а потом поставить надгробье на его могиле, – и проникнешь в суть бытия?

Не знай я Камянова и Блаженных, я бы, глядишь, и поверил критику – как же критику не верить?! Но я сам знаю Борю. И Веню – земля ему пухом – знал. И замечу, что если и было у них что-то общее, так только две ипостаси: оба поэты и оба евреи. Ну, а уж если ты поэт, да к тому же еврей, значит, ясное дело, изгой. Во всем остальном они не были схожи. Ни в быту, ни в поэзии. Для Вени Айзенштадта (его настоящая фамилия) жизнь представлялась кладбищем, для Бори кладбище становилось жизнью.

С кем, по-моему, Борис Камянов созвучен – так это с тезкой Вени Айзенштадта – российским певцом "зеленого змия" Веней Ерофеевым...

Цель изгоя – самоисцеление от реальности, которая выталкивает его из себя, но которую он вынужден через себя пропускать. В какой реальности существует лирический герой Камянова? В хмельной реальности великой имперской культуры.

В толпе он, как еврей в Эдоме.
Трагичен, словно Вечный Жид.

Он на земле, как на ладони
Комар придавленный, лежит...

Читатель, безусловно, старается не путать лирического героя с автором. Они сравнимы друг с другом, как "государь" и "милостивый государь". Но маска лирического героя настолько прирастает к автору, что становится его лицом:

Я – зверь затравленный. Я худ
И горбонос. Я сын еврея.
Все от погони я бегу
И оттого лишь не жирею...

Герой и сам не замечает, как из изгойства рождается сочувствие ко всем сирым и обездоленным на замшелых окраинах действительности. Из сочувствия возникает любовь, ибо в аду, где выпало родиться, только и осталось у изгоев, что право на любовь.

Что ж это за мир такой? Какой есть:

Герда беременна. Триппер у Кея.
Сказочник, грусть самогонкой развевая,
К рампе подходит и сказку ведет...

Или:

В этом мире, хоть реви,
И при Божьей власти
Мало счастья для любви
И любви для счастья.

Или:

Неласковая родина,
А все-таки твоя...
Пускай жена – уродина,
А все-таки семья.

Борис Камянов – художник многогранный. Для того, чтобы охватить все жанры его дарования (юмор, публицистика, мемуарная проза, переводы и пр.) не хватит журнального пространства.

Но именно любовь в пекле – и основная тема, и обетование лирического героя. Он почти счастлив в адском бедламе, где причи-

ны стали следствием, функции превратились в аргументы, и в этой нелепой системе координат лишь сам герой остается неизменным в пронзительном алкогольном прозрении.

Зелье – тонкая прослойка между адом и жизнью души. Не самое лучшее спасение, но самое доступное. Эликсир, который на мгновение изгоя превращает в обывателя, а обывателя наделяет проникновенностью изгоя.

Войдите в книгу Камянова... и Москва кабацкая тронется в прицепном вагоне, и понесет по маршруту "Москва – Петушки – Израиль", где Веничка Ерофеев в обнимку то с Блоком, то с Есениным ищут третьего. Вот он, третий – в кипе, с развевающимися пейзажами, седой бородой восседает на бутылке "Голда". Велика Расея, каждый второй – стукач, каждый первый – сам себе подлец, а каждый третий – пьяница с иудейской тоской в глазах. Он, от кого все напасти: споили Расею. Споить-то споили, да последнего стопаря недодали ироды – беда... беда...

И нас почти не видно в том дыму.
Лишь зыбко пляшут профили косые...
Иного нет пути понять Россию,
Как только с нею спиться самому...

Понял... Понял и полюбил. И любовь эта не безответна.

Был любим, купался в счастье
И не видел берегов.
Окромя советской власти,
Больше не было врагов.

И все бы хорошо, все бы ладушки, все бы роса Божья, кабы электричка всею своей скоростью, всей неумолимой инерцией не сорвалась с путей и не снесла придорожный валун.

Обломки ерофеевской электрички разлетелись по всей России, обрывки есенинской петли висят в каждом вагонном нужнике, а иудей озирается и, крылом загребая облако, спотыкается о прохваченную сивушным ознобом землю.

Лежат три витязя-алкаша на распутье у заветного валуна, бровью не пошевелият, а в тусклых зенках у каждого своя судьба двоится: "Сюдой пойдешь – под новый трамвай попадешь. Ножка – хрусь, и ручка – хрусь, все одно сдыхать, не трусь!"

"Сюдой пойдешь – в петлю попадешь. Сам намылишь, сам на шею набросишь, сам себя пожалеть попросишь!"

"А для тебя, жидюга ангельская, нет на земле расейской тропинок, убирайся в свой Израиль!"

Похмелье... Состояние, когда прошлое прошло, будущее не предвидится... Мгновение остановилось, и до чего же оно мерзко!.. Еврею-изгою смерть – и та заказана...

Я свой среди чужих, чужой среди своих.
Вся жизнь моя дурная – через жопу...
Ну, что ж, пацан, Россию не жалею.
Не забывай, хавер, что ты – еврей.
Хуячь в Израиль, покидай Европу!

А Россия ворует... Ворует у себя самой, ибо российская поэзия без еврея будет вечно зиять картавой незавершенностью композиции...

Это был исход... Не столько исход евреев, сколько исход российской культуры – в суицид, в естественную смерть, в заграницу. Исход российской культуры предвосхитил распад российской империи, стала она таким же изгоем, как ее носители. Российская культура в миру стала евреем. Надолго ли?..

Поэты исход совершают в одиночку.

И, закормленный любовью,
Я сбежал, как из тюрьмы,
Орошать своею кровью
Иудейские холмы...

Средь любимого народа,
На земле моих отцов,
Два прекрасных долгих года
Счастлив я в конце концов...

Лирическая интонация выдает лирического героя: не бывает долгих годов счастья, счастье мгновенно. Он будто хочет обмануть кого-то: читателя или себя? Нет, герой Камянова лгать не умеет. Лишь пытается уговорить себя, уверить, что все в порядке, закавыка – в малом:

Все – Абрамы да Эсфири,
Все – Шапиры да Леви...

И однако в этом мире
Не хватает мне любви.

Где вы, милые славянки?
Сионизму на беду
На какой московской пьянке
Льнете к новому жиду?

Герой Камянова на паперти не побирался. Не выпрашивал – Господа Бога ради – крох любви. Сам дарил ее – немеряно. И сам благодарен одаренным любовью. Дело, видимо, в том, что сработал "синдром пустыни": нельзя вознестись мгновенно в Эрец-Исраэль, не отшагав и не отбыв положенные сорок лет в земле скитаний. И воет герой по ночам, и уснуть не может:

Плач уйми, подобный лаю,
Ну а я тебе спою...
Баю-баю, баю-баю,
Разьебаюшки-баю!

Спи, проклятый. А куда
Я петлю тебе совью.
Спи, страдалец. Спи, иуда.
Баю-баюшки-баю...

Пронзительная заукокойная... Что же это героя на родине предков в петлю потащило, при полном, казалось бы, счастье? Думаю, это она, коварная российская культура, очнулась и принялась пожирать изнутри своего носителя – мстить...

Ностальгия по смерти? Моление по небытию? Вот состояние, в которое угодил камяновский герой. Благословенной памяти Майя Каганская как-то сказала о поэзии Камянова: "Впервые встретила верующего поэта, в стихах которого нет веры". Это меня поразило – и в устах Майи, но еще более – в бесстрашном самоанализе самого поэта:

Стихи и вера... Вместе им никак.
Жизнь обернулась самоистязаньем.

...Тысячелетняя тоска
Поводит дулом у виска.

Еврейский Бог, еврейский рок
Ей не дает спустить курок...

В ликованье предсмертном решаюсь я на суицид <...>
И в удавку сплетутся крученые нити цицит,
И уйду я к Творцу – преступившим и все ж неподсудным.

Кошунственная религиозность! Будто герой Камянова, как и герои Священного Писания, в равной степени верит и своему опыту, и своему Богу. Во всяком случае, после того, как поэт дошел до этого ветхозаветного мироощущения, ему становится ясно: два прошедших времени – и российское, и здешнее – обращаются в отточенный годами, послушный руке мастера инструментарий. И остается третье время. Время жизни, отпущенное совершенным строкам. Вечность...

НОВАЯ КНИГА

Анатолий Добрович
"Остров Явь"
Стихотворения разных лет
Кдумим, 2005

В третьем стихотворном сборнике Анатолия Добровича давние и новые стихи выстраиваются в особый ряд, образующий единство, которое можно назвать становлением мировоззрения. Душа, по выражению Екклесиаста, "не насыщается", и ей необходима ясность, дающаяся хотя бы на время в хаосе противоречий и сомнений. Моменты такой ясности, как надеется автор книги, и запечатлены в составляющей ее подборке стихов.

Цена – 30 шек. с пересылкой.
Тел.: 0544-79-52-90

Со стихами А.Добровича можно ознакомиться также
на сайте www.adobrovich.com